

Амонашвили Паата

БОЛЬНОЙ ВРАЧ
или
Путешествие
за грань жизни

Москва
Издательский Дом Шалвы Амонашвили
2017

УДК 82-31
ББК 84-44
А62

Амонашвили П. Ш.

А62 Большой врач или Путешествие за грань жизни / Паата Амонашвили. — М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2017. — 288 с.; 20*14 см.

«Знай я в то утро, что вечером умру, не стал бы курить натошак и пить крепкий кофе за завтраком. Честно говоря, в тот день смерть не входила в мои планы».

Так начинает свой рассказ таинственный доктор Николай. Его история произвела на писателя такое глубокое впечатление, что он не мог не поделиться ею с читателями. Возможно, история человека, который находился на грани между жизнью и смертью, заставит нас взглянуть иначе на окружающих и на самих себя.

Каждый человек хотя бы раз прислушивался к своему внутреннему голосу, а задумывался ли он, кому принадлежит живущий внутри «советчик»? Может быть, это — наша душа?

УДК 82-31
ББК 84-44

Первая часть

ПАДЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

«Знай я в то утро, что вечером умру, не стал бы курить на тощак и пить крепкий кофе за завтраком. Честно говоря, в тот день смерть не входила в мои планы...» — вот так начал доктор Николай свой первый рассказ.

Он позвонил накануне, когда я гостил в деревне у своего двоюродного брата Тимура. Мы удобно расположились на веранде, откуда открывался вид на вспаханное поле Тимура, и рассуждали о современном мире.

Вот что говорил брат:

— Я родился в деревне и почти никуда не выезжал. С пеленок привык сам выращивать себе пищу и мастерить все по хозяйству. Удивляюсь, как вы, жители города, можете есть весь этот упакованный яд из супермаркетов, который вас заставляют купить назойливой рекламой? Потом ходите по врачам, которые отправляют вас в аптеку купить другой яд, который якобы лечит от первого яда. Реклама давит на вас промывая мозги: «Ешь, пей, кури, отравляйся и заедай таблетками от любой отравы». Чушь! Это же безысходность!

Я отвечал:

— Ты преувеличиваешь! Живем один раз, а еда — редкое наслаждение. Зачем отказывать себе? Тем более что сейчас тщательно следят за качеством продовольствия.

Тимур возразил:

— Ну да! Только этим и занимаются.

Я же продолжал:

— Кроме того, медицина быстро развивается. Сегодня уже лечат ранее неизлечимые болезни.

Тимур рассмеялся:

— Лечат? Ты шутишь? Вспомни времена наших бабушек. Им всем было за сто, и они еще мотыжили в огородах. Рак и диабет, инсульт и инфаркт им и не снились. А сейчас в каждой семье тяжелобольной. Медицина развивается лишь в сторону увеличения прибыли. Больницы работают по бизнес-плану и конкурируют между собой, отнимая друг у друга клиентов. Кому нужен человек вроде меня — не потребитель и не больной? Какое правительство заботится о моей душе? Если поддамся и развалюсь перед сном у «ящика», то меня будут терзать дешевыми сериалами. У меня же своя программа — ночное небо. Там показывают чудесный концерт с участием настоящих звезд, которые познают вселенскую загадку в сопровождении прекрасного концерта сверчков.

Я развел руками:

— Что же ты предлагаешь мне? Бросить работу, мотыжить огород, как бабушка, и отуплять себя мерцанием ярких и тусклых звезд на небе?

Тимур сказал:

— Выбор за тобой! Можешь вдохновляться мерцанием накрашенных и силиконовых звезд на экране.

Спор зашел бы далеко, но нас прервал звонок моего мобильного телефона.

Я сказал:

— Слушаю.

Мне ответил голос спокойный и умиротворенный:

— Здравствуйте, моя супруга прочитала вашу книгу, и я решил, что нам надо встретиться.

Я ответил растерянно:

— Супруге понравилась моя книга?

Собеседник уклонился от ответа и сказал:

— Встретиться надо по другому поводу. Я хочу рассказать свою историю, по которой вы напишете следующую книгу.

Я решил, что это шутка остроумного одноклассника, и подыграл:

— Отлично! Встретимся в моем кабинете завтра в десять утра... Нет, лучше в девять.

Шутник сразу согласился:

— Прекрасно! Буду у вас ровно в девять. Меня зовут доктор Николай.

Телефон отключился, а Тимур спросил:

— Кто это был?

Я ответил:

— Какой-то Николай, шутник.

* * *

Ровно в девять утра в мой кабинет вошел высокий бодрый мужчина среднего возраста и с умиротворением в голосе спросил:

— Начнем?

Я растерянно предложил ему сесть в кресло, а сам расположился напротив и сказал:

— Вначале я думал, что надо мной подшучивают друзья. Вижу, вы не шутите. Однако должен разочаровать вас. Я не пишу заказные биографии.

Он улыбнулся и ответил:

— Вы напишете роман от своего имени.

Я покачал головой:

— Послушайте, я не могу заниматься вашим делом. У меня важные дела, встречи, работа.

Он широко улыбнулся:

— Вы действительно думаете, что у вас есть дела, встречи, работа?

Я повел головой в недоумении.

Гость ответил спокойным, гипнотическим голосом:

— Знаете, бывает такой страшный хлопок... И после него мы с ужасом обнаруживаем, что улетаем из этой жизни в чем мать родила, а унести с собой не можем даже то, что помещается на ладони, потому что у нас и рук больше нет.

Я сказал с раздражением:

— Не понимаю, о чем вы, и вникать не хочу! Надо закончить этот бесполезный разговор.

Он спокойно перебил меня:

— Тогда сделаем так, как заведено в богатых издательствах.

— Что вы имеете в виду? — не понял я.

Он объяснил:

— Когда вы хотите издать книгу, то редактор требует первые несколько страниц, и если они его заинтригуют, то возьмется прочитать первую главу. Сейчас я предлагаю нечто подобное. Выслушайте только начало моего рассказа и потом сами решайте, хотите услышать продолжение или нет.

Обрадовавшись легкой возможности отделаться от этого типа, я ответил:

— Хорошо, но я усложню испытание и приму решение, выслушав только первое предложение. Начинайте.

Почему-то мне казалось, что сейчас Николай растеряется, будет искать слова, вспоминать выражения. Но он лишь улыбнулся и сказал без раздумий:

— Знай я в то утро, что вечером умру, не стал бы курить натошак и пить крепкий кофе за завтраком. Честно говоря, в тот день смерть не входила в мои планы.

Я замер в изумлении:

— Вы хотите сказать, что вы уже умирали?

Он улыбнулся шире и ответил вопросом на вопрос:

— Продолжать?

Пару секунд я растерянно озираясь, потом сказал:

— Должен признаться, что... — и запнулся.

— Вам лучше включить диктофон, чтобы записать первый рассказ, — подсказал Николай.

— Да, конечно, — согласился я, — вы меня победили.

Порывшись в ящике, я нашел диктофон, вставил свежие батарейки и нажал кнопку записи.

Первая глава

БЕСПОКОЙНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Хотя, кто знает, что бы я сделал, зная о надвигающейся беде... Может, задержался бы, выкурил бы две сигареты вместо одной и запил бы кофе бутылкой ледяного пива, которая так соблазнительно посмотрела на меня из холодильника. Потом кинулся бы искать помощь для предотвращения неизбежного.

Так поступили бы многие.

Но плохие предчувствия у нас бывают редко. Меня мучил лишь букет обычного похмельного синдрома: голова бетонная, во рту цемент, глаза — как два кирпичика в глазницах.

Горло било тревогу о жажде, сердце подавало признаки кардиопатии, а желудок провалился в двенадцатиперстную кишку, где вчерашний алкоголь продолжал коварно метаболизировать.

Я подумал: «Интересно, который час?»

Веки открыть не смог. Пришлось их пробивать молотком изнутри.

Пошарив тяжелой рукой, я нашел свой мобильный в заднем кармане джинсов.

Боже! Как же я так напился?! Лег спать в одежде...

Стыдно!

Память предательски стерла вчерашние события оставив огромную черную дыру!

Десять утра.

При попытке встать сразу замерцало предсердие в тахикардии. Этанол атаковал мои нервные окончания.

«Однако похмелье не смертельно», — подумал я и, приложив огромное усилие, присел на кровать.

Комната тут же полетела вниз, как вагончик аттракциона «американские горки» в парижском парке «Диснейленд».

А ведь моя вторая половина, Мария, сейчас там, во Франции!

Она у нас депутат парламента, вице-спикер, видный политик. Порой мне кажется, что цель ее жизни — подняться на вершину карьерной лестницы, и для этого она использует все дозволенные и недозволенные методы. Мария вложила наследство отца в свое политическое восхождение и добилась большого успеха.

Я не хуже нее! Известный нейрохирург в городе. Учился в Англии, практиковался во Франции и Америке. Даже диссертацию защитил на тему патогенеза алкоголизма, начал публиковаться в иностранных журналах и стал уважаемым медиком международного уровня. Меня приглашают почти на все ключевые медицинские конференции по нейрохирургии. Я также выиграл грант крупного благотворительного фонда на строительство собственного центра нейрохирургии, который со временем стал лучшей клиникой в стране.

Тут я вспомнил, что надо заказать авиабилеты в Лондон, куда меня пригласили выступить на ежегодном симпозиуме Всемирной организации здравоохранения.

Наконец, я с трудом поднялся. Покачиваясь, вышел из спальни, направился прямо к холодильнику, открыл его и взглядом обласкал светившуюся бутылку пива.

Конечно, я не алкоголик, но...

Я потянулся за пивом, а в кармане зажужжал телефон. Звонила Софи, моя любовница.

Да, была у меня связь на стороне. Ну и что? Я себя не винил. Жена постоянно в разъездах. Тусуется в правительственных кругах и делегациях. Детей у нас, к сожалению, нет. Софи пришла из фармацевтической компании. У нее высокая должность — главный менеджер по продажам. Вот и начали мы с ней весело проводить время.

Я попытался ответить на ее звонок, но голосовые связки не осилили членораздельную речь, и я извлек лишь тупой хрип из гортани.

Софи это рассмешило:

— Так тебе и надо! Я тебя предупреждала не мешать водку с пивом! Не мальчик!

Напрягшись, я выдавил из себя внятный ответ:

— Не бей больного. Без тебя тяжело. Даже не помню, как домой добрался.

Она сказала:

— Ты и не добирался, я тебя притащила и положила в кровать, как тряпку.

Я ответил лукаво:

— Почему же ты не осталась? Жена в Париже... Проснулись бы вместе. Занялись бы чем-нибудь приятным... Мы же знаем, как лечить похмелье.

— Не тупи, — она отмахнулась.

— Ну не сердись, дорогая. Мне и так сложно, а ты по мозолям... Ты же знаешь, как я тебя люблю.

— Терплю я тебя только за такие слова.

— Ну все-таки зря ты не осталась. Мы бы развлеклись, пока жена в Лувре...

И тут на меня громом обрушился звук спускаемой воды в унитазе. Адреналин выплеснулся в кровь. Казалось, что ледяная вода смывает меня в канализацию...

Сразу после этого открылась дверь ванны. Оттуда вышла улыбающаяся Мария и игриво сказала:

— Бонжур, мон шер! Ты меня не ждал?

Я был жутко растерян. Конечно, не ждал, однако ответ нашелся:

— Я... я всегда только тебя и жду... Но ты уехала вчера утром на неделю. Что случилось?

Она подошла, улыбаясь, небрежно поцеловала меня, поставила чайник, положила в тостер хлеб и сказала:

— Меня срочно вызвал председатель парламента. Пришлось отложить все парижские дела и лететь обратно. Ненавижу ночные полеты, но другого выхода не было.

— Что же все-таки случилось?

— Сегодня оппозиция устраивает грандиозный марш протеста. Надо принимать соответствующие меры. Созвано внеочередное заседание парламента, собран совет безопасности. Надо готовить заявление для прессы. В общем, через полчаса заседание у президента.

Только сейчас я заметил чемодан Марии в прихожей и спросил:

— Что они требуют?

— Богатство и славу. Все, как всегда, банально. Однако мы точно не знаем, с каким заявлением они выступят. Коротче, политическая обстановка тяжелая, надо спасти страну от развала. Послушай, дорогой... — продолжала Мария.

— Да, дорогая.

Она вопросительно посмотрела на меня и сказала:

— У тебя в руках включенный телефон. Там кто-то на связи? С кем ты говоришь?

Ооо! Я вспомнил, что не отключил телефон. Софи все слышала.

Я пробормотал:

— Э-э-э... Это представитель фармацевтической компании... Ну, она... То есть он... В общем, они поставляют нам медикаменты.

После этого я сказал в телефон подружке:

— Договорились. Выписывайте накладную а я вам перезвоню позже.

Перед тем как отключиться, Софи успела съязвить:

— Я тебе такую накладную выпишу, не выплатишь за две жизни.

Жена посмотрела на меня с каким-то подозрением и сказала:

— Ты плохо выглядишь. Опять пил?

— Ну... Был день рождения однокурсника, и мы чуть-чуть...

— Мне кажется, что не чуть-чуть, а даже очень...

«Бах!» — выстрелил тостер, мы оба подскочили на месте. Это разрядило ситуацию, и мы неловко улыбнулись друг другу. В это время зазвонил телефон Марии, председатель парламента приказал ей немедленно явиться.

Она засуетилась и сказала второпях:

— Выпью кофе по дороге.

Она исчезла, оставив мне воздушный поцелуй.

Я покачал головой, чтобы отбить алкогольное недомогание, машинально открыл холодильник и, не отдавая себе отчета в том, что делаю, выпил полбутылки пива.

Холодная жидкость приятно растеклась по всему организму, проникая во все клетки и принося туда шипящий восторг.

Насладившись праздником тела, я направился в ванную комнату, но меня остановил звонок директора моей клиники, Наны.

— Николай, доброе утро! Ты дома?

— Да. В чем дело?

— Тебе надо срочно приехать. Поступил тяжелый пациент. Черепно-мозговая травма. Нужна краниотомия. Мы уже готовим операционную. Кроме тебя никто не справится.

— Понял, но мне нужно время...

— Времени нет! Пациенту десять лет. Я послала за тобой карету скорой помощи. Она ждет у подъезда. Торопись!

— Десять лет? — тупо повторил я.

— Быстрее, сюда!

Я остановил ее:

— Подожди! Кто анестезиолог?

— Гурий.

— Хорошо, еду.

Что поделать? Ванна подождет. Главное, что мой верный друг Гурий там. На него можно положиться.

И вдруг меняхватило! Страшные мысли, словно стрелы, выпущенные коварным лучником, пронзили мой мозг: «Боже! Что было бы, если бы Софи осталась ночевать, и нас застучала бы Мария?! Вот, получился бы удар по психике».

От воображаемой сцены, а может, от выпитого пива предсердие застучало как испорченный мотор, и я почувствовал резкую нехватку кислорода, но сумел отбросить неприятное ощущение. Задержался у холодильника, чтобы сделать еще один глоток из манящей бутылки, а при выходе споткнулся о чемодан жены.

Вторая глава

ВСКРЫТИЕ ЧЕРЕПА

И ВЫСВОБОЖДЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Я откинулся на кресло переднего сидения кареты скорой помощи и с удовольствием закурил сигарету. Приятное головокружение от табака усилило расслабление от холодного пива, однако удовольствие было коротким: водитель искусно проехал на красный свет всех светофоров и быстро доставил меня к клинике.

Я шел быстрым шагом по коридору своей роскошной больницы. Гладкий сверкающий пол подо мной и яркий белый свет сверху. Если смотреть на него — ослепит.

Я направился прямо в кабинет директора Наны. Она молча указала мне на заплаканную женщину, съезжившуюся в глубоком кресле, и сказала:

— Николай, познакомься, это мама пациента.

Я сразу узнал ее, и ошолбенел:

— Ия! Ты? Что случилось?

Она вскинула на меня большие зеленые глаза, полные слез, и ответила на удивление спокойным голосом:

— Николай, милый... Спаси моего ребенка!

Вмешалась Нана:

— Так вы знакомы?

Я объяснил:

— Она моя одноклассница и... близкая подруга.

Нана понимающе кивнула и сказала:

— Не будем терять времени! Раз вы знакомы, то Ия должна знать, что ты один из лучших нейрохирургов не только у нас, но и во всей Европе! У тебя золотые руки. Иди прямо в операционную, а я побуду с Ией, успокою ее.

Ия сказала тихо:

— Я спокойна, потому, что все в руках Бога.

Выйдя из кабинета, я накинул халат и направился в операционную со странным вопросом в голове: «А у Бога есть руки?»

* * *

Мой друг и прекрасный анестезиолог Гурий указал на монитор с томографическим изображением мозга и сказал:

— Состояние крайне тяжелое, посмотри на снимок. Тут вдавленный перелом в левой теменной кости размером шесть на четыре. Шок третьей степени. Артериальное давление исчезло, но появилось после массажа сердца.

Я внимательно взгляделся в экран. Положение правда очень тяжелое. Возможно, я смогу поднять кость элеватором. Надо начинать немедленно.

В глубине, у операционного стола крутились две медсестры. Я сказал им:

— Привет, красавицы, как там с давлением и пульсом?

Одна из них обернулась ко мне и доложила:

— Семьдесят на десять. Пульс слабый, сорок. Дышит через аппарат.

Затем я обратился к Гурию:

— Как с анестезией?

— Я сделал внутривенный интубационный наркоз. Она готова для оперирования, — сказал он.

В сознании мелькнуло удивление: «Она?»

Надев стерильные перчатки и повязку, я подошел к операционному столу, и только сейчас заметил, что со стола свисали прекрасные золотистые волосы девочки.

Я замер в изумлении. Гурий спросил:

— Что с тобой?

— Это же девочка! — ответил я.

— Конечно, девочка, десять лет.

Какая жалость. Такая прелесть и...

Я внимательно разглядел правильные и очаровательные формы ее спокойного личика. Казалось, она просто спит, скоро проснется, побежит, будет радоваться жизни, играть с подружками и шалить. Тревоги на ее лице не было. Были лишь прекрасные ямочки на щечках.

Я покачал головой, отбросил лишние мысли и, настроившись на работу, сказал всем в операционной:

— Мы обязаны поставить этого ребенка на ноги! От нас потребуется самоотверженность и самоотдача! Но мы ее спасем!

Медсестры ответили:

— Да! Сделаем все.

Я подошел к операционному столу и приступил:

— Начинаем с фиксации головы. Слава богу, у нас есть детская скоба.

Эту чудо-скобу шведского производства Нана выписала год назад. И вот она пригодилась в первый раз.

Гурий сказал:

— Скоба готова.

Я прикоснулся к золотистым волосам девочки и даже через резиновые перчатки почувствовал их мягкую шелковистость.

Совсем как у ее мамы.

— Скажи мне, Гурий, как ее зовут?

— Анита.

— Интересно, что означает это имя?

Одна из красавиц предложила:

— Хотите, посмотрю в словаре?

— Нет, ты лучше смотри на датчики.

Слово «датчики» молниеносно вызвало цепь быстрых ассоциаций и, продолжая работать со скобами, я мыслями унесся в далекое прошлое.

Картины ярко предстали в памяти, оживляя малейшие детали.

* * *

Происходило это за неделю до нашей свадьбы с Марией, на выставке медицинского оборудования, в курортном городке на берегу моря, куда меня пригласили японские коллеги. Сначала мы хотели поехать вместе, но потом Мария передумала, решив спокойно завершить важные хлопоты со свадебным платьем и пригласительными карточками для гостей.

Я полетел один, отсидел все презентации по новому оборудованию, пообщался с коллегами, а к вечеру решил погулять по берегу моря и полюбоваться закатом. Стояла ранняя весна, до курортного сезона было далеко, так что пляж был пустым. Дул прохладный ветер. Солнце, вода и небо устроили мне мистическое представление, которым я наслаждался, покуривая.

Не хотелось идти в скучный номер гостиницы. Сама собой проснулась потребность неожиданной романтики и, полюбовавшись на стройный ряд красивых фонарей ночного освещения, я начал фантазировать.

Сейчас загорятся эти волшебные фонари, и произойдет настоящее чудо: появится прекрасная незнакомка, воздушной походкой приблизится ко мне и скажет:

«Привет, Николай! Давай пообщаемся поближе...»

Не успело солнце утонуть в море, как вдали появился силуэт приближающейся девушки.

Я пошел навстречу.

Морские волны шелестели мелодию типа «Истории любви», а сцена полностью соответствовала бы романтической музыкальной мелодраме «Встреча одиноких сердец в лучах весеннего заката».

Согласно жанру, невидимый режиссер приказал нам замедлить шаг, и сближение растянулось во времени, усиливая удовольствие от приятного, неопределенного предвкушения.

Она олицетворяла тонкое изящество морской стихии. Голубое платье и воздушный шарф... Девушка улыбнулась мне самой приветливой улыбкой и сказала:

— Привет, Николай.

Это был шок!

Не хватало окончания фразы: «Давай пообщаемся поближе».

— Привет. Мы знакомы? — промямлил я.

— А ты меня не узнал? — спросила она с грустью.

Тут моя находчивость очнулась от оцепенения, и, закулив следующую сигарету, я сказал:

— Давай угадаю с трех раз. Ты моя пациентка?

— Нет, слава богу! — рассмеялась она.

— Однокурсница?

— Я не училась на медицинском, я художница.

Я поднял руки вверх и сдался с юмором:

— Точно! Мы родились в одном роддоме, и нас уложили в общую кровать!

Она рассмеялась звонким и мелодичным смехом, повязала шарф вокруг шеи и ответила:

— Ты проиграл.

— Взываю к помощи.

Девушка скромно наклонила голову и сказала:

— Ты не виноват, что не узнал, я сильно изменилась. Мы пять лет сидели за одной партой в школе.

Тут я вспомнил:

— Ия!!! Это ты?! Какой сюрприз!

Я машинально обнял ее и расцеловал. Конечно, я никак не смог бы признать в этой прекрасной, изящной женщине мою неуклюжую, неопрятную и рассеянную одноклассницу. Ходили даже шутки про ее забывчивость.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я ее.

— Решила посмотреть на закат, но опоздала.

— Ну, конечно... закат... Но что ты вообще делаешь в этом городе?

— Я здесь работаю художником в театре. Мы поставили новый спектакль. Завтра премьера.

— Наша встреча — чудо! Надо отметить!

Тут мои волшебные фонари зажглись вдоль всего побережья, и она сказала:

— Давай отметим и пообщаемся поближе. Настоящая фантазмагория волшебного фонаря.

* * *

Тем временем я надежно зажал голову девочки в тисках, с помощью Гурия закрепил скобы на конструкцию, зафиксировал зажимы и перепроверил стойкость держателей. Очень важно, чтобы голова была в тесных крепежах и в полной неподвижности.

Теперь можно начинать. Гурий спросил:

— Волосы брить будем?

Я ответил:

— Стричь такую прелесть? Ни в коем случае! Эти волосы мне не помешают. Вот если были бы колючие, короткие... Однако не будем терять время. Надо спасти малютку.

Еще раз изучив снимок поврежденной части мозга, я аккуратно обозначил площадь надреза, и, мысленно пожелав себе удачи, уверенной рукой приложил к коже скальпель.

Чтобы не допустить потери крови, надо все делать быстро и точно. Знаю, что Гурий поможет с зажимами и клипсами...

Вот так...

Еще один надрез здесь...

Потом открываем апоневроз...

Все хорошо!

Обнажив вдавленный перелом, я начал изучать поврежденную область под микроскопом.

И что у нас здесь?

Ничего хорошего...

Для более точной диагностики нужно снимать скальп. Интересно, что с ней произошло?

Как бы отвечая на мой мысленный вопрос, Гурий сказал:

— Мама девочки сказала, что она бежала и упала с лестницы.

Я произнес задумчиво:

— Куда ты бежала, маленькая принцесса? И почему вы такие непоседы?

Не оглядываясь, я приказал красавицам:

— Приготовьте копьевидную фрезу, начинаю делать трепанационное отверстие.

Фреза как бы сама оказалась в руке. Я нажал кнопку, и она послушно зажужжала. Ну, вот! Приступаю к сверлению. Я всем телом прочувствовал твердость в руке и начал...

Кость девочки издала знакомый хруст, и запахло горелым.

— Держись, принцесса, я тебя вытащу!

Первичное отверстие почти готово! Отлично.

— Подайте шаровидную фрезу, — приказал я.

Скоро с первой дырочкой все было закончено. Я бросил взгляд на снимок, сверился с микроскопом и определился:

— Пробую поднять вдавленный перелом леватором. Если получится, отпадет необходимость снимать скальп.

Очень медленным и осторожным движением я просунул леватор в просверленное отверстие, начал поднимать сломанную кость, одновременно говоря:

— Косточка, милая, не подведи. Я лишь хочу тебя вправить на место. И не смей ломаться! Красавицы, как там с параметрами?

— Все в норме.

Пальцами почувствовал, что косточка поддается.

И тут следующая вспышка воспоминания осветила далекое прошлое.

* * *

Мы сидели в прибрежном безлюдном кафе. Свечка на столике, морской пейзаж за окном, звезды и тоненькая ленточка молодого месяца.

Я заказываю сладости и коктейль.:

Она говорит:

— Ты думаешь, это хорошая мысль — расслабляться джином? Завтра у меня премьера. Ответственный день! Кроме того, после алкоголя я начинаю говорить глупости.

Я отвечаю:

— Сейчас вечер, до завтра далеко, а нам надо выпить за встречу. Буду рад послушать твои глупости. Расскажи, как ты очутилась на пляже, прямо передо мной в этот вечер?

Она улыбается, отвечает стихами:

*Над холмами, над долами,
Сквозь терновник, по кустам,
Над водами, через пламя
Я блуждаю тут и там!
Я лечу луны быстрее,
Я служу царице фей,
Круг в траве кроплю росой,
Буквицы – ее канвой.*

Я смотрю на нее заморожено. В моей памяти пробуждается Шекспир, которого я учил в театральном кружке медицинского.

И я отвечаю ей теми же стихами:

*Ну да, я – добрый малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шалый,
В шутах у Оберона я служу.*

Теперь Ия смотрит на меня восхищенно:

— Ты знаешь это наизусть? Не могу поверить.

А я продолжаю:

*Все умирают, лопаясь от смеха,
И за бока держась, твердит весь хор,
Что не смеялись так до этих пор.*

Она восклицает:

— Bravo! Ты играл в театре?

— Нет, конечно. Я люблю Шекспира.

— К этой волшебной сказке я нарисовала декорации, оформила сцену и костюмы. Какое прекрасное название: «Сон в летнюю ночь»! Приходи завтра на премьеру, оценишь мое искусство. Придешь?

Девушка несет коктейли, но мне каким-то странным образом совсем расхотелось пить. Стаканы так и остались нетронутыми.

В кафе шумно заходит веселая компания из трех актеров. Впереди бородач, за ним красавица с парнем. Они смеются. Увидев нас, бородач медленно подходит, отвешивает поклон и произносит нараспев, обращаясь к Ие:

— О прекраснейшая из ваятельниц! Где кисть твоя? Наш дивный мир нарисовать пора! А кто твой друг, прекрасная виртуозка цвета?

Ия смеется:

— Это мой одноклассник Николай.

Артист поклонился:

— А я Оберон! Женщина же со мной, жена моя, надменная Титания, и с нами Деметрий, наш любовник пылкий.

Титания приседает в реверансе, а Деметрий прикладывает руки к сердцу.

Оберон смотрит в потолок и вопрошает:

— К добру ли наша встреча при луне?

Титания ему отвечает:

— Нам лучше будет удалиться, идиллия при нас здесь не родится.

Оберон взмахивает правой рукой, и в его пальцах возникает цветок. Он прыгает, крутится, подносит цветок к моим глазам и произносит тихим голосом:

*Ты, цветок пурпурный мой,
Ранен Эроса стрелой,
Сок в глаза ему пролей,
Пусть, проснувшись рядом с ней,
Он найдет ее прекрасной,
Как Венеру, в тверди ясной,
Пробудясь, моли ее,
Сердце вылечить твоё.*

Кафе аплодирует.

Титания говорит:

— Простите нас, мы в образах!

Оберон, повернувшись к ней:

— Дай же руку, улетим молча с сумраком ночным и мгновенно опояшем шар земной в полете нашем.

Титания с очаровательной улыбкой отвечает ему:

*Да, летим, о мой супруг,
Ты расскажешь, как случилось,
Что заснула я и вдруг
Между смертных очутилась.*

Артисты исчезают, Ия говорит мне:

— Ну, как? Ты придешь на нашу премьеру?

Я отвечаю:

— Честно, не знаю. Завтра мне уже нужно уезжать.

Неожиданно она смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Все школьные годы, которые мы провели за одной партой, я была в тебя влюблена, но держала чувства в секрете. Доверяла только своему дневнику.

Я удивлен, и она ошарашена своим признанием. Тут же, за столиком крепко ее целую и удивляюсь: я не прикасался к коктейлю. Подействовал цветок Оберона.

Несколько минут спустя мы уже обнимаемся в моем номере роскошной гостиницы с видом на ночное море. Потом заказываем фрукты, вспоминаем одноклассников, учителей, классную даму.

Потом я провалился в сон.

* * *

Тем временем я продолжал оперировать девочку. Мне удалось аккуратно вставить подъемник точно под травму, и я начал выдавливать треснувшую кость, но при малейшем напряжении перелом начинал расходиться. Вместо того чтобы вернуться на место, мелкие косточки грозили рассыпаться. В отчаянии я сверился с микроскопом и сделал еще одну попытку, но...

— Не получается, — сказал я — подъемник не справляется. Боюсь разломать все изнутри.

— Что будем делать? — отозвался Гурий.

— Пойдем сложным путем: буду снимать лоскуток, — ответил я и начал озвучивать свои действия. — Первым делом извлекаю леватор и начинаю делать еще четыре отверстия для выкраивания пораженного лоскутка. Давайте сюда фрезу. Ну, принцесса, придется тебя помучить еще немного. Потерпи, прекрасная, потерпи. Как же ты так сильно ударилась?

Я начал бурить второе отверстие.

Минут через пятнадцать все было готово, и Гурий сказал:

— Молодец, отличная работа.

Я ответил:

— К сожалению, главная трудность впереди. Подайте металлический проводник, красавицы.

Пластинка сразу оказалась в моей руке. Сейчас надо осторожно продеть этот проводник через правое отверстие и достать его из левого. Главное, все сделать так, чтобы не повредить твердую мозговую оболочку и с первого же раза попасть в маленькую дырочку изнутри.

Я сконцентрировался, начал и...

Попал!

Ну, вот!

Когда серебристый проводник вылез из головы девочки, Гурий меня похвалил:

— Отлично!

Я ответил:

— Подайте мне проволочную пилу.

Так, так. Прodelываем то же самое пилой. Но сейчас не так страшно задеть мягкую оболочку мозга. На то и нужен был проводник.

Я нацелился, легко протолкнул пилу и почувствовал, как она заскользила по металлическому проводнику под черепом. Вот она вылезла из другой дырочки.

Хорошо. Можно пилить череп принцессы изнутри.

Это, наверное, самый ответственный момент.

А волосы! Какие прекрасные, золотистые, шелковистые!

Как у мамы...

И опять последовала новая вспышка воспоминаний.

* * *

Я приласкал ее длинные, мягкие волосы, которые нежной волной рассыпались по всей подушке, потом тихо встал и всмотрелся в неподвижную гладь спокойного моря.

Отпало желание закурить. Вместо этого вдруг захотелось сделать что-нибудь особенное. Я набросил халат, покинул

номер, спустился на лифте и вышел на гостиничный пляж, голыми ступнями ощущая мокрый песок. Было холодно, я задрожал, но не отступил, сбросил халат и не раздумывая с разбега прыгнул в ледяную воду. Сердце замерло, съежилось, но я нырнул с головой, и море забулькало в ушах. Вместе с холодом меня пронзило чувство вины. Я предатель! За несколько дней до свадьбы соблазнил одноклассницу.

Ну, что было, то было.

Я даже не прикасался к алкоголю.

Во всем виноват цветок Оберона или... судьба.

Я чувствовал особенную близость с Ией. Не зря она встретила меня здесь. Скоро я вернулся в теплую постель. Ия открыла заспанные глаза и с очаровательной улыбкой сказала:

— Ты пахнешь как море... Ты море?

Я ответил:

— Да, я море.

Мы блаженствовали на фоне художественного шедевра за окном: бескрайняя водна гладь в лучах восходящего солнца.

* * *

Воспоминания даже помогали мне с операцией. Я и раньше улетал мыслями куда-то, а руки сами продолжали свое дело.

Работа с проводником и пилой закончена благополучно. Все идет хорошо. Сломанный костный лоскут выкроен, и я его легко поднял.

— Ну вот, начинаю исправлять травму.

Я осторожно положил частичку черепа девочки на бинты и приказал:

— Молоток.

Красавица отреагировала моментально и подала инструмент. Я нацелился и начал делать то, что у меня не получилось леватором изнутри. С молотком все было легче.

Несколько минут спустя я вправил кости и начал проверять лоскуток со всех сторон. Какое-то сомнение охватило

меня. Я положил кость под микроскоп, чтобы внимательней рассмотреть ее.

Гурий спросил:

— Что ты ищешь?

— Здесь много мелких кусочков.

Через глазок микроскопа я четко заметил нехватку нескольких очень мелких осколков и сказал:

— Не нравится мне это. В апоневрозе могли остаться осколки.

Развернув микроскоп и увеличив разрешение, я направил глазок на твердую оболочку мозга девочки и начал исследовать поврежденный участок миллиметр за миллиметром. Оболочка была напряжена и пульсировала. Это мешало, но я не мог позволить себе проглядеть хоть что-то: осколок позже станет причиной опухоли. Надо все полностью очистить! Слава богу, что я вообще это заметил! Медленно передвигая микроскоп, я увидел первый кусочек.

Очень маленький.

Тут же появился и второй.

Я осторожно направил отсос и вычистил их.

Хорошо.

Но, стоп!

Что это?

Здесь еще три осколка. Они побольше. Отсосом их не взять. Надо доставать вручную.

Я приказал:

— Пинцет!

Надо ухватить осколок острым пинцетом с первого раза, не задев ткань!

Я направил пинцет к одному из осколков очень медленно, зацепил и поднял.

Хорошо, принимаюсь за второй.

Зацепил, поднял.

Остался третий, он засел глубже других, зацепить его будет сложнее.

Но надо!

Я направил пинцет и...

Внезапно почувствовал недомогание.

Я пошатнулся, все завертелось. Какой-то слабый хлопок раздался где-то в глубине головы. Я еле удержал пинцет в пальцах и чуть не свалился прямо на девочку.

Гурий заволновался:

— Что с тобой?

Я заметил тревожный взгляд красавиц. Они тоже не понимали, что происходит...

Я подумал, что это — последствия похмелья.

Надо держаться ради принцессы!

Однако колени подкашивались сами собой.

Перед губами возникла трубка, тянущаяся из стакана. Это красавица подала мне воду. Я потянулся, чтобы отпить, но почувствовал, что начинаю падать.

Гурий схватил меня с одной стороны, красавицы с другой. Они усадили меня на стул, но у меня помутилось в глазах. Сердце словно провалилось под землю. Я невольно схватился за грудь, однако, это не помогло, и откуда-то из другого мира послышался голос Гурия:

— Нашатырный спирт ему!

Я услышал, как одна из красавиц побежала за баночкой. Я же подумал, что мне уже вряд ли что-то поможет, ибо мои конечности оказались парализованы, биения сердца не ощущалось, а в глазах потемнело.

Слава Богу, резкий запах подействовал отрезвляюще.

Секунду спустя голова очистилась от тяжести, и я понял, что подвожу эту прекрасную девочку с золотистыми кудрями, которая беспомощно лежала передо мной на операционном столе со снятым скальпом и осколками в мозгах. Она нуждалась в моей помощи.

Надо взять себя в руки!

Я постарался открыть рот и выговорил:

— Воды!

С глотком воды вернулась и ясность ума.

Гурий сказал:

— Не торопись. Посиди пару секунд. Что это с тобой было?

Я ответил:

— Ничего серьезного. Просто похмелье. Надо достать последний осколок. Он самый мелкий, но я его вытяну.

Я уверенно подошел к операционному столу. Гурий с красавицами заняли свои места. Направив пинцет к косточке, я настроил себя ухватить ее с первого раза. Зацепил осколок, глубоко вдохнул, напрягся и вытянул его. Гурий вздохнул с облегчением. Я еще раз направил микроскоп на пораженный участок, внимательно исследовал его и сказал:

— Гурий, здесь все чисто, но мне не нравится небольшая гематома.

Он спросил:

— Что будем делать?

— Будем ставить дренаж в нижнее отверстие.

Гурий кивнул и обратился к красавицам:

— Хорошо. Девочки, приготовьтесь для дренирования.

После этого через час все было закончено, и я сказал:

— Переходим к пластической части операции. Устанавливаем выкроенный лоскут на место. Думаю, принцессу мы спасли.

И я опять принялся сверлить девочку, продельвая отверстия для ниток. Руки заработали сами, а воображение ожило передо мной образы прошедших лет.

* * *

Мы расстались после завтрака в гостинице. Я ее проводил до театра, а сам поехал в аэропорт. Она просила остаться на премьеру, но я отказался.

Потом была моя свадьба, потянулись дни кутежа, и Ия надолго вылетела из головы.

Однажды она позвонила сама:

— Привет.

Я ей солгал:

— Здравствуй, часто думал о тебе.

Она ответила коротко:

— Надо встретиться. Это важно.

Я был не против увидеть ее и ответил:

— Конечно, но у меня сегодня две операции. Перезвоню тебе вечером, как только освобожусь.

Она сказала:

— Хорошо, буду ждать.

Вечером я ей не позвонил. Забыл связаться с ней и на следующий день, и неделю спустя...

Ее номер набрал я лишь через год, когда опять оказался в курортном городке. Волшебные фонари загорелись, но девушка больше не появлялась, а номер оказался недоступен.

Тогда я пошел в театр и узнал, что и Шекспира там уже не ставили. Через некоторое время я опять забыл об Ие...

А сейчас, вот...

Пришиваю лоскут вправленной кости в череп ее дочери. Операция заканчивалась успешно.

— Красавицы, как там с параметрами?

— Все в норме.

Гурий меня хвалил:

— Молодец! Это была отличная операция! Как ты себя чувствуешь?

Я не обращал внимания на самочувствие:

— Все хорошо.

* * *

Принцессу укатали в палату реанимации, а я направился к директору Нане.

— Как все прошло? — спросила она.

— Были проблемы. Хотел поднять вдавленный перелом изнутри леватором. Не вышло. Пришлось снимать часть черепа, поправлять все и чистить от осколков. Девочка все перенесла хорошо. Надеюсь, быстро пойдет на поправку. Сначала я почему-то думал, что это мальчик... Где мама?

— Она ждет тебя. Стойкая женщина. Хорошо, что со страховкой из театра у нее все в порядке. Документы уже отосланы. Ты мне не очень нравишься, Николай: бледный какой-то. Как ты себя чувствуешь?

— Симптомы похмелья.

— Не перепивай больше.

Тут мой взгляд задержался на экране телевизора. Показывали выпуск новостей. Появилась Мария и я сделал звук погромче. Журналистка задавала вопрос Марии:

— ...и каковы основные требования оппозиции?

Мария дышала взволнованно и отвечала привычной скороговоркой:

— Требования протестантов прежние. Они хотят отставку правительства. Этого может желать каждый, но неприемлемы методы политической борьбы, которые они выбирают. Митинги и уличные выступления вносят беспорядок в жизнь обычных граждан. Наши многократные попытки перевести диалог в цивилизованную форму ни к чему не приводят. И президент, и председатель парламента, и я готовы немедленно встретиться с лидерами. Но они не хотят диалога и добиваются дестабилизации ситуации по всей стране. Это рискованный путь для всех.

— Хочешь кофе? — спросила Нана.

— Лучше поговорю с Ией, — ответил я.

* * *

Я вошел в свой рабочий кабинет, обставленный роскошной мебелью и обвешанный сертификатами со всего мира.

Минуту спустя привели Ию. Она спросила твердым голосом:

— Что с моей девочкой?

Я ее усадил и ответил:

— Операция прошла хорошо.

В ее глазах появилась надежда:

— Правда?

— Да, правда. Я удалил все осколки, уверен, она скоро встанет на ноги. Сейчас ей нужно отлежаться. Раны скоро заживут. Здесь за ней будет очень хороший уход. Не волнуйся.

На ее глазах появились слезинки:

— Все в руках Бога... Знаешь, она вдруг побежала...

— Куда побежала?

— Не знаю. Мы с ней поспорили. Наверно, она обиделась, побежала и упала с лестницы. Это было так ужасно...

— Успокойся. Худшее уже позади. Уверен, что твоя дочка быстро поправится...

— Ты настоящий ангел.

Я усмехнулся.

— Ангелов здесь нет. Здесь только врачи, и я просто врач.

Ия ответила сквозь слезы:

— Ангелы есть везде. Я хочу посмотреть на мою девочку.

Я ответил:

— Она под наркозом, лежит в палате реанимации. Я тебя проведу. Накинь белый халат.

Третья глава

ТИХИЙ ЗОВ ВЕЛИКИХ ВРАЧЕВАТЕЛЕЙ ТАИНСТВЕННОГО ГОРОДА ИРТИФАХАН

После разговора с Ией я задержался в клинике еще на час: составил отчет о проделанной краниотомии, обошел

больных и внимательно проверил девочку. У нее все было в норме, кроме дренажа. Кровь вытекала густая, смешанная с подкорковой жидкостью. Нехорошо. Возможно, там небольшое засорение. Хотя я мог ошибаться, и на самом деле все в порядке. В любом случае пока ничего нельзя трогать. Нужна дополнительная проверка вечером. Если проходимость ухудшится, надо будет заменить трубку дренажа. Я приказал себе не забыть перепроверить дренаж вечером.

Сказав Нане, что вернусь ближе к вечеру, я быстрым шагом вышел на улицу и включил телефон. Пять пропущенных вызовов от Софи. Я приготовился набрать ее номер, но не успел, она позвонила в шестой раз и сказала с претензией:

— Ты что? Не разговариваешь со мной?

Мне опять пришлось оправдываться.

— Опять я виноват? Я был на операции.

— Какая операция? — спросила она строго.

— У маленькой девочки перелом черепа. Я сделал ей трепанацию.

После паузы Софи смягчилась.

— Жалко. Все прошло хорошо?

— Да, надеюсь. Прости, что не мог ответить на твои звонки. Как твои дела?

Тут ее голос повеселел:

— Поздравь меня! Да и себя тоже! Я добила встречу с ним!

— С кем?

— С самим Кэтчером.

Я припомнил, что это владелец международной фармацевтической компании «Кэтчер Лабс» из Лондона, богатейший человек с огромным влиянием в сфере фармакологии.

— Да ты что?! — воскликнул я удивленно.

— Я без ума от радости!

— Это прекрасная новость! Надо же... Как же ты добила личной встречи с Кэтчером? — восхитился я.

— Помнишь, я рассказывала, что встретила его в Вене на конференции фармакологов и заговорила с ним в фойе? Потом я написала ему несколько писем с предложением заняться продвижением их товаров у нас. Он не отвечал, и я уже разочаровалась, но сегодня совершенно неожиданно позвонил его секретарь и пригласил на личную встречу в гостиницу «Камертон». Он приглашает нас вместе...

— Как это?

— Я в письмах писала ему и о тебе. Думаю, они хотят, чтобы мы вместе составили план будущего сотрудничества.

— Очень интересно. Ты не знаешь, что он намерен предложить?

— Секретарь сказал, что речь пойдет о возможном совместном проекте.

— Ого!

— Ты представляешь, какая это честь сотрудничать напрямую с Кэтчером?!

— Я приеду за тобой в половине четвертого. Где ты будешь?

— Надо заказать билеты на Лондон в агентстве «Инга». Скорее всего, я буду там.

— Хорошо, я приеду туда.

— Целую.

— Чао!

Молодец, Софи! Всегда добивается своего. Надо же! Встреча с руководителем самой крупной фармакологической компании в Европе! Интересно, какие у него планы?

Тут я заметил свободное такси, которое учтиво остановилось передо мной.

* * *

Водитель оказался приветливым молодым человеком с красивым именем Антуан. Так значилось на его табличке. Он даже не был похож на таксиста, а походил на стильного юношу тридцатых годов прошлого века.

Он весело спросил:

— Куда едем?

Я ответил:

— Туристическое агентство «Инга».

Таксист ответил:

— Мы туда не поедem, а полетим!

По радио передавали последние новости. Корреспондентка в прямом эфире визжала как резаный поросенок:

— Оппозиционное движение под руководством Крикунова набирает такую силу, что сегодня на улицу вышла толпа в несколько десятков тысяч человек с требованием отставки правительства. Господин Крикунов заявил, что единственный человек, с кем он будет вести переговоры, — это вице-спикер парламента, однако, правительство на диалог не идет.

Водитель приглушил радио и сказал:

— Люди рвутся к власти и богатству, не понимая, что это бессмысленная суета, в которой мы все так безвозвратно затерялись.

Литературный язык водителя немного удивил меня, однако я не стал заострять на этом внимание, откинулся на кресло заднего сидения и с наслаждением закурил.

Доставив меня к месту, Антуан сказал:

— Помните, я буду крутиться поблизости.

Я не обратил внимания и на это, холодно поблагодарил водителя и вошел в туристическое агентство, где меня встретила несколько грустная Инга.

Она сказала:

— Рада вас видеть, доктор Николай. Как у вас дела?

Я сел и ответил:

— Спасибо, все хорошо. Как у тебя?

Инга сказала с некоторым разочарованием:

— У меня все как всегда. Отправляю людей в путешествие по миру, а сама сижу на одном и том же месте. Хотя с удовольствием съездила бы куда-нибудь. Вы объехали весь свет,

завидую вам белой завистью. Вот и сейчас готовитесь к путешествию. Куда мне отправить вас на этот раз?

— В Лондон, на конференцию нейрохирургов.

Она кивнула:

— Отлично. Сейчас забронирую вам билет. Когда отбываете?

— В конце следующей недели.

Инга защелкала клавиатурой компьютера, а я начал рассматривать рекламные плакаты на стене. Броские картины зазывали в Париж, Нью-Йорк, Турцию и Египет, но мое внимание привлекла реклама путешествия в Индию.

Плакат гласил:

«Незабываемое пребывание в совершенно недоступных местах, где вас ждет город великих врачей — Иртифахан!»

Я подумал вслух:

— Что за странное название — Иртифахан?

Инга оторвалась от компьютера и ответила:

— Это самое интригующее предложение на сегодняшний день. Но пока туда никто не желает ехать. Возможно, это будет интересно для вас как для доктора. Ведь Иртифахан — это старинный город чудесных врачей.

Я сказал:

— Действительно интересно.

Инга улыбнулась:

— Отправить вас в Иртифахан вместо Лондона?

Я подыграл ее шутке:

— Лучше после Лондона.

— Хорошо. В Лондон я могу заказать вам билет на субботу, в воскресенье у вас будет время пройтись по городу. Начиная с понедельника примете участие в конференции, а в четверг — обратный рейс вечерним самолетом.

Она распечатала данные полета, я внимательно их изучил и сказал:

— Все хорошо.

Инга предложила еще и гостиницу:

— У меня есть одно специальное предложение от отеля «Камертон». Пять звезд. Могу вам устроить отличный номер на Пикадилли за полцены. Комната с прекрасным видом. И трансфер из аэропорта включен.

Закончив с поездкой в Лондон, Инга порылась в бумагах на своем рабочем столе, нашла небольшой рекламный листок с фотографией Иртифахана и сказала:

— Вот, смотрите, какое прекрасное место.

Я взглянул на бумажку.

Горная лужайка с красными маками, зеленая трава, снег на вершинах вдаль, а еще дальше — затерянный в скалах монастырь. От этой фотографии у меня мурашки побежали по спине.

Инга объяснила:

— Гарантированное посещение диких гор со старинными монастырями, где по сей день живут таинственные врачеватели. И все это у берегов легендарного Океана Страсти...

Неожиданно для себя я брякнул:

— Поедем вместе?

Инга залилась краской, а меня унесли мысли, и сердце екнуло. Перед глазами возник туман...

Откуда-то издалека я услышал встревоженный голос Инги:

— Вы побледнели. Вам нехорошо?

Нахлынувшее недомогание откатило как волна, и я ответил:

— Ничего страшного. Можно воды?

— Конечно, сейчас.

Инга подала мне воду в пластиковом одноразовом стаканчике, а я сказал ей непонятную даже для себя самого фразу:

— Возможно, Иртифахан — это именно то, что мне нужно.

Зазвонил мой мобильный. Это была Софи.

— Ты освободился?

— Да.

— Хорошо. Я выезжаю. Буду напротив агентства минут через тридцать. Как раз успеем к назначенному времени.

— Хорошо.

Четвертая глава

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОДВИЖЕНИЯ НОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО НАПИТКА «КАЙ-ТАЙ-ФУН»

Выйдя на улицу, я начал думать, чем заполнить полчаса до приезда Софи. На улице стоять не хотелось, и я машинально направился в ближайший бар. За дверью я нашел полумрак, табачный дым и девушку в очень короткой юбке. Сев в угол, я заказал большой бокал разливного пива и фирменный клуб-сэндвич.

С экрана телевизора на меня орал лидер оппозиции Крикунов. Доказывая свою правоту, он краснел, потел и махал руками как сумасшедший:

— У нашей страны не правительство, а завоеватели! Посмотрите вокруг! Что они наделали? Сельское хозяйство разрушено! Экономика убита и похоронена! Здравоохранение и образование в руинах! Осталось физически истребить население, что они и сделают, если вы не потребуете их немедленной отставки!

После Крикунова показали Марию, которая заявила:

— Я готова встретиться с лидером оппозиции, если он перестанет нагнетать обстановку и членораздельно сформулирует разумные требования...

Сердце у меня опять дернулось, попыталось выскочить и забилося чаще. Я подумал, может не стоит пить пиво, но тут девушка принесла запотевший высокий бокал с шипучей жидкостью. Оно вовсе не выглядело опасным, и, уже не задумываясь, я сделал несколько больших глотков.

Пиво начало разливаться по телу с нежностью, устраивая мгновенный праздник чрева, и, как ни странно, полностью сняло болезненные ощущения в груди. Тем не менее я понимал, что нельзя все списывать на похмелье, и дал себе слово: «Вернусь из Англии, и проверюсь у кардиолога».

Приняв такое решение, я с удовольствием допил бокал, и предвкушал встречу с Софи.

Мои мысли сбил кляб-сэндвич — кусок поджаренного мяса, овощной гарнир и белая булочка. Я почувствовал, как заработали мои железы и начали выбрасывать слюну в рот. Уже был готов надкусить, но Софи испортила удовольствие звонком:

— Выходи. Жду перед агентством Инги.

Я с сожалением посмотрел на еду и сказал:

— Бегу.

В машине я попытался ее обнять, но она меня остановила:

— Постой, ты испортишь мне макияж и помнешь платье.

Как всегда, она была одета вызывающе. Короткая юбка подчеркивала ее стройные ноги, а глубокий вырез обнажал часть ее восхитительной груди. Когда я видел ее такой, у меня возникало единственное желание — уединиться с ней.

— К черту Кэтчера, поедem к тебе! — предложил я.

Чувствовалось, что Софи льстит моя неугомонность, однако она ответила:

— Кэтчера мы бросить не можем. Он нужен нам! Слишком большая ставка. А ко мне можем поехать после.

Я взмолился полусуто:

— Сжался! Я готов заняться любовью с тобой немедленно, прямо в машине.

Она остановила меня и строго сказала:

— Только после встречи! Этой аудиенции я добивалась целый год. Вела переписку, собирала всевозможные материалы и статистические данные, создавала отчеты. Теперь у нас есть шанс заработать быстрые деньги. Сам понимаешь, фармакологическая компания Кэтчера — одна из крупнейших в Европе! Их годовая прибыль пятьдесят миллиардов! Они специализируются на психотропных лекарствах и хотят войти на наш рынок.

Я согласился:

— Хорошо, сначала поедem за быстрыми деньгами. А какой конкретно план у него?

Она ответила:

— Подозреваю, что он хочет утвердиться на нашем рынке и ищет компаньонов. Вот и мы, лучшие компаньоны.

Мы вошли в вестибюль «Камертона», где нас встретил секретарь Кэтчера и повел по красивым ковровым коридорам в ярко освещенный зал переговоров. Там он усадил нас за большим овальным столом, предложил прохладительные напитки и сказал:

— Мистер Кэтчер скоро подойдет.

Пока мы ждали, я нес какую-то чушь:

— Хочу после встречи уединиться с тобой прямо в этой гостинице.

Софи отвечала:

— Мы еще не так богаты, но, если будешь вести себя хорошо и если будешь слушаться меня, то все скоро исправится к лучшему.

Я кивнул:

— Что мне делать?

— Сиди смирно. Выскажешься, когда тебя будут спрашивать.

Дверь переговорной широко открылась, и на пороге появился секретарь. Он объявил торжественно:

— Сэр Кэтчер.

Тут в пространство ураганом ворвался гений фармакологии. Он подлетел к Софи, заулыбался, нежно поцеловал ей руку и сказал, не скрывая радости:

— Я счастлив, что вы нашли время для меня. Восхищен вашей прелестью.

Софи кокетливо рассмеялась, а во мне вспыхнуло неконтролируемое чувство ревности и злости. Как она может так заигрывать в моем присутствии?! Я почувствовал себя круглым идиотом! Захотелось разорвать гадкого иностранца и убить Софи, однако она обернулась, обворожительно улыбнулась, еле заметно подмигнула мне и сказала:

— Мистер Кэтчер, позвольте представить доктора Николая. Это один из известнейших нейрохирургов с международным именем, активный член ассоциации врачей.

Тут я остыл, а Кэтчер пожал мне руку:

— Такие люди, как вы, нам всегда нужны!

Я ответил растерянно:

— Спасибо. Буду рад служить.

Потом Кэтчер попросил нас разместиться вокруг овального стола и сказал:

— Не будем терять время. Оно всегда ограничено, и тот факт, что его нельзя купить ни за какие деньги, делает его самым ценным продуктом во вселенной. Так захотел Бог! Я лично с Ним не согласен, однако у Бога Свой бизнес и я не хочу вмешиваться в Его дела. Уверен, вы о нас все знаете, ведь «Кэтчер Лабс» в презентации не нуждается. Наши производственные мощности, включая заводы и научные центры, разбросаны по всему миру. Кроме медикаментов мы занимаемся микробиологией и товарами по уходу за телом. Мы создали ряд вакцин, препараты для лечения онкологии, диабета, психических расстройств и так далее. Компания основана моим прадедом, и сегодня она входит в международную организацию «Фармакологи без границ». Мы

являемся частью ООН. Передаю вам документ с детальным описанием моей компании.

Секретарь передал нам папку, а Кэтчер похотливо уставился на Софи. Это меня опять задело, но особенно взбесила кокетливая улыбка, с которой она ответила:

— Это большая честь получить от вас интересный документ. Мы с ним внимательно ознакомимся.

После этого Кэтчер обратился ко мне:

— А вы что скажете?

Сердце колотилось и рвалось от нахлынувших эмоций, и я брякнул:

— Вы не упомянули о судебных процессах, которые постоянно преследуют «Кэтчер Лабс». Итальянская налоговая инспекция обвиняла вас в многомиллионных подношениях врачам, чтобы они продвигали ваши товары. Прокуратура Берлина уличила вас во взятках должностным лицам, а суд в России добился запрета на клинические испытания ваших вакцин на детях, потому что вы скрывали информацию о побочных действиях. Перечень можно продолжить. Это были громкие дела.

Встревожившаяся Софи яростно сверкнула глазами в мою сторону, а Кэтчер нахмурился и неожиданно воскликнул:

— Мне нравится этот парень! Наши партнеры должны знать о нас все! Да, это правда. Во многих странах чиновники нуждаются в деньгах. Им все мало, вот и поднимают шум, чтобы выбить из нас побольше. Но мы не поддаемся. Дешевле заглушать скандалы. Что делать? Все крутится вокруг этого.

Тут Кэтчер выхватил из кармана пиджака банкноту в один доллар и ткнул ее мне в лицо. Передо мной замаячила странная пирамида с оторванной верхушкой, в которой светило око.

Голос Кэтчера доносился как из погребя:

— Вот в этого единого Бога верят все! Этого жаждет душа каждого! И ты хочешь побольше таких! Потому ты здесь, а я

твой возможный пропуск в тот рай, где денег не считают. Вопрос лишь в том, хочешь ли ты вырваться из ада нищеты!

Вместо меня заговорила Софи, стараясь разрядить обстановку:

— Конечно, хочет. Мы оба хотим и готовы к сотрудничеству. Давайте перейдем к сути дела.

Кэтчер посмотрел на нее испытующим взглядом, спрятав свою банкноту в карман и ответил:

— Перейдем к сути. Итак, мы хотим запустить в вашей стране наш «кенийский проект». Картина проста. Мы расширяем свою сферу, создаем новые продукты и начинаем продвигать на местный рынок новый энергетический напиток.

Тут Кэтчер повернулся к секретарю:

— Подайте образцы нашим гостям.

Секретарь поставил перед нами поднос с разноцветными металлическими баночками и два стакана. Кэтчер сказал:

— Этот энергетический напиток выпущен на нашем заводе в Австрии. Он имеет оригинальное, легко запоминающееся название «Кай-Тай-Фун» и производится в трех вариантах: «Рикшист», «Сексист» и «Менталист».

Софи развеселили эти слова, и она воскликнула:

— Очень оригинально!

Кэтчер предложил:

— Пожалуйста, попробуйте на вкус.

Софи открыла первую баночку под названием «Кай-Тай-Фун — Сексист», и с улыбкой налила мне, а себе взяла другую баночку, с этикеткой «Кай-Тай-Фун — Менталист».

Я отпил большой глоток густой газированной жидкости ядовитого цвета. К удивлению вкус оказался не таким гадким, как я ожидал. Напиток немедленно поступил в кровь, которую сосуды распределили по мускулам и нейронам, придавая телу неожиданную бодрость. Вместе с тем по всем органам пробежала дрожь, и сердце необычно екнуло.

Софи тоже попробовала свой «Менталист», а Кэтчер начал пояснять:

— «Кай-Тай-Фун» быстро приводит в действие резервы организма, придавая человеку дополнительные силы для деятельности. Можно догадаться, что «Рикшист» увеличивает физическую силу, «Сексист» усиливает потенцию, а «Менталист» приводит в действие резервы мозга.

Софи подхватила:

— Я даже почувствовала прилив сил в моем мозгу. А что почувствовал ты, Николай?

Я тупо улыбнулся, пожал плечами и начал читать надпись на баночке. Перед глазами замелькали названия элементов, а в голове запрыгали формулы, приводя в действие накопленные знания о биохимии мозга.

Тем временем Кэтчер продолжил:

— Вот наш план: для продвижения нашего продукта, первым делом, мы сбрасываем цену ниже себестоимости и первые месяцы работаем себе в убыток. Одновременно запускаем агрессивную рекламу, и скоро новый энергетический напиток становится неотъемлемой частью клубной жизни молодежи. Год спустя мы уже займем достойное место на рынке, плавно скорректируем цену и выйдем на прибыль... Доктор Николай, вы очень увлеклись текстом на баночке. Скажите, что интересного вы там нашли?

Я ответил спокойно:

— Здесь кофеин и таурин — вещества, дающие необходимый тонизирующий эффект. Кофеин ускоряет работу внутренних органов, повышает давление и высвобождает ресурсы организма. Таурин улучшает обмен веществ. Еще есть витамины для улучшения моторики, а также сахар. Напиток повышает работоспособность и улучшает настроение. Причем, в отличие от кофе, его действие продлится дольше. Большая доза даст эффект легкого наркотического опьянения, вызванного чрезмерной перегрузкой нервной системы.

Кэтчер похвалили меня:

— Очень интересный и точный анализ. А что бы вы как доктор сказали о долговременном действии?

Я ответил:

— Очевидно, что в этой банке нет никакой энергии. Результат достигается за счет высвобождения резервов организма. А взятую в долг силу нужно вернуть. Если употреблять это раз в месяц, то ощутимый вред никто не почувствует. Но ежедневное применение не даст организму возможность восстанавливаться. Для достижения необходимого эффекта человек будет потреблять все больше и больше, нанося своему здоровью непоправимый ущерб. Кроме того, напиток может расшатать нервную систему, вызывать язву желудка, нарушить деятельность сердца, спровоцировать аритмию и тахикардию в начале, а потом — инфаркт миокарда. Если же выпить десять банок подряд, можно и умереть. Сам кофеин вызывает привыкание, но здесь к тому же есть вещество морофен, благодаря ему от «Кай-Тай-Фуна» возникнет сильная зависимость.

Кэтчер заплотировал:

— Bravo! Вы настоящий профессионал! Именно такие люди нам нужны! Вижу, вам наш напиток понравился. Вы очень смекалисты. Молодец! Морофен — наша фирменная добавка, которая обеспечит защиту наших капиталовложений. Попробовав «Кай-Тай-Фун» один раз, люди должны желать еще и еще. Именно из-за этого нужно ожидать, что круг потребителей будет широким. Мы посеём среди молодежи тягу к нашему энергетическому. Эта программа уже оправдала себя в Кении, потому мы и называем ее «кенийским планом». Что скажете?

Софи отреагировала сразу:

— Думаю, проект очень интересный. Вы вкладываете солидную сумму для продвижения товара. Это необходимо для будущего коммерческого успеха. Наше участие будет

значимым. Я могу наладить реализацию и обеспечить государственную поддержку через министерства, под черкивая, что мы создаем дополнительные рабочие места.

Кэтчер опять уставился на декольте Софи, искры страсти заплясали в его глазах, что вызвало во мне еще одну волну ревности, и я выпалил:

— Насколько я понял, суть «кенийского плана» в том, что мы намеренно и целенаправленно подсаживаем людей на полудовитый полунаркотик и потом получаем прибыль от продаж.

Софи укоризненно посмотрела на меня, а Кэтчер улыбнулся и спокойно ответил:

— Не нужно перегибать палку. Энергетики придумали не мы. Согласен, чрезмерное употребление принесет вред, и мы указываем это на баночке. Но, что делать, если люди неразумны? Они всегда выпивают больше дозволенного. Таков характер человека. Люди всегда травили себя ядами. Все дело в человеке и в его потребительском поведении. Главное, что мы никаких законов не нарушаем.

Тут вмешалась Софи:

— Доктор Николай имел в виду то, что...

Кэтчер неожиданно резко перебил ее:

— Я отлично понял, что имел в виду доктор, милочка! Всегда существует обратная сторона медали. Но бизнес не строится на заботе о людях! Человек лезет из кожи вон, пытаясь заработать побольше, но лишь для того, чтобы потратить одну часть на пагубные развлечения, разрушающие здоровье, а другую часть отдать на неудачные попытки восстановить потерянное здоровье. Чем больше человек зарабатывает, тем больше он тратит именно на такой такой яд, как алкоголь, сигареты, наркотики и энергетические напитки. И что вы нам прикажете? Пожертвовать деньги на благотворительность и указывать людям на ошибки? Нет! Это не бизнес! Бизнес — это понимание реальности и производство

товаров, у которых есть спрос. Вот и все! Как дважды два. И важно еще то, что мне легко найти других партнеров в этом деле, с которыми у меня будет большее взаимопонимание.

Тут Софи занервничала, начала кокетничать и, водя пальцем по верхней части своей полуобнаженной груди, игриво заговорила:

— Мистер Кэтчер, я уверена, что мы достигнем полного взаимопонимания. Не так ли, доктор Николай?

Ревность закипела во мне с новой силой, да еще к неприятным эмоциям прибавилось учащенное сердцебиение, вызванное выпитой банкой «Кай-Тай-Фун — Сексист». Однако я подавил эмоции, чтобы не навредить делу, и сказал, сдерживая себя:

— Конечно, у нас полное взаимопонимание. Я за этот проект и готов честно проделать свою часть работы.

Кэтчер улыбнулся, встал и обратился к Софи.

— Раз так, то можно считать нашу встречу продуктивной. Я вам оставляю упаковку нашего напитка, попробуйте, оценивайте. Надеюсь на скорую встречу.

Он недвусмысленно покосился на Софи, которая обворожительно улыбалась ему, и быстро удалился вместе с секретарем.

Пятая глава

РЕВНОСТЬ И СТРАСТЬ

ПОД МУЗЫКУ «СЕКСИСТА»

Мы вышли на улицу, огрызаясь друг на друга.

Наверное, я выглядел смешным, бушуя от ревности и неуклюже придерживая в руках упаковку из двенадцати бутылок «Кай-Тай-Фуна».

— Ну ты молодец! Вела себя как настоящая жрица любви. Выставляла напоказ то грудь, то ножки. Этот козел тебя глазами насиловал.

Сев в машину, Софи хлопнула дверью и закричала в ответ:

— Козел не он, а ты! Испортил всю встречу своей тупой ревностью!

Я сел в машину вслед за ней, продолжая громко возмущаться:

— Я не тупой, а злой от того, что ты всей своей сущностью выражала готовность отдаться Кэтчеру прямо на столе! Я чуть не задушил вас обоих!

Софи завела машину и заорала:

— Слушай, Отелло! Души кого хочешь, но не порть мне дело! Я не хочу упускать этот редкий шанс заработать! И ни с кем я не кокетничала, а вела себя как желанный деловой партнер.

Во мне кипели волны ревности. Я не мог больше сдерживать себя от переполняющей меня злости. Не обращая внимания на жуткую тахикардию, которую списывал на выпитый «Сексист», я уже не контролировал себя и закричал как последний истерик:

— Ты вела себя как похабный секс-символ!

Софи самодовольно улыбнулась в ответ:

— Заткнись, кретин! У тебя крыша поехала! Не буду я перед тобой оправдываться!

Это меня взбесило:

— Кому нужны твои оправдания! Я же видел! Вы так страстно смотрели друг на друга, что было тошно!

Тут Софи ударила по тормозам и закричала во всю глотку:

— А сейчас мне тошно от тебя! Я не дам тебе испортить мои деловые отношения с Кэтчером! Впервые в жизни у меня есть шанс добиться чего-то весомого, а ты, вместо того чтобы помочь, устраиваешь сцены. Если тебе что-то не нравится, убирайся вон!

Я еле дышал. Сердце колотилось в груди. Я хотел выскочить из машины и исчезнуть, но рядом с нами остановилась патрульная машина. Полицейский сердито посмотрел на меня и заговорил в громкоговоритель:

— Не задерживаете движение! Здесь нельзя останавливаться!

Теперь я понял, что из-за нас остановилась вся улица. Софи обворожительно улыбнулась полицейскому, кивнула в знак полного послушания, и машина тронулась дальше.

Остальную часть пути мы ехали молча.

Меня мучили противоречивые чувства. Мне хотелось разорвать Софи на части и в то же время броситься перед ней на колени в знак извинения.

Она молча остановила машину у своего дома, вышла, не сказав ни слова, и быстрым шагом направилась к подъезду.

Я еле дышал от волнения. Мне хотелось исчезнуть. Я сделал несколько шагов, как вдруг передо мной остановилось такси:

— Добрый вечер. Мне кажется, тебе нужно прокатиться.

Я узнал водителя:

— Антуан.

Он весело ответил:

— Точно! Поедем?

Я открыл дверь автомобиля, сел на заднее кресло и бросил рядом упаковку «Кай-Тай-Фуна».

Машина тронулась, и я сказал Антуану:

— Очень странно, что в таком огромном городе мы с тобой встречаемся уже второй раз за день.

Антуан улыбнулся и ответил:

— Ну, про большой город ты преувеличиваешь.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот представь, что ты взлетаешь, поднимаешься все выше над городом и уже летишь высоко над планетой, так что внизу блестит голубой океан. Города зажигаются, как маленькие лампочки на елочке, а в воздушной голубизне ты видишь закат Луны. Она плывет по земной атмосфере, опускается в нее и теряется в синеве. Полет ускоряется, и ты летишь прямо над неописуемой красотой зеленоватого

северного сияния. Но вот ты устремляешься ввысь, и теперь наблюдаешь восход Земли с Луны. Это захватывающее зрелище завораживает тебя, и ты понимаешь, что твой большой город совсем не такой уж и большой. Отсюда он смотрится как пылинка... Но ты летишь еще дальше, за Солнце, в глубину галактического безмолвия, и теперь не только Земля, но и вся Солнечная система превращается в пылинку.

Антуан замолчал.

Я был удивлен:

— Ты настоящий поэт. Рассказываешь, будто сам так летал.

Он ответил:

— Я просто о том, что большим этот город можно назвать лишь со многими оговорками. Однако, будь он хоть пылинкой, хоть мегаполисом, главное, что ты на самом деле даже не знаешь, куда ехать.

Вдруг во мне опять разыгралось чувство бешеной ревности. Перед глазами возникла картина: Софи заигрывает с Кэтчером. Это воспоминание прямо душило.

Антуан с пониманием смотрел на меня через зеркало заднего вида и сказал:

— Видно, что в деле замешана женщина. Это не страшно. Когда со мной было такое, я сел за руль и поехал куда глаза глядят. Давай сейчас попробуем то же самое. Я буду ехать куда попало, а ты осматривайся. Думаю, поймешь, куда направиться.

Машина начала блуждать по городу, а я — по дебрям своих беспокойных чувств.

Как она могла так нагло заигрывать!

За окном автомобиля мелькали витрины магазинов, ресторанов и кафе. На перекрестке я увидел рекламу сочного гамбургера. Вспомнил, что сегодня не завтракал. Даже не успел кляб-сэндвич попробовать, который так вкусно красовался передо мной на тарелке. Реклама утверждала, что гамбургер содержит только натуральные продукты. Я понимал,

что это чистая ложь, но какая разница? Я решил пообедать и сказал Антуану:

— Видишь эту рекламу?

Антуан посмотрел вверх и ответил:

— Да.

— Там и адрес ресторана. Это недалеко. Отвези меня туда.

Антуан понимающе кивнул, и машина повернула направо. Через несколько минут я вошел в переполненный зал. Пахло жареным мясом, а я жарился в собственных чувствах: «Нет, так я не уйду от нее! Я сначала вернусь к ней, скажу, как я ее любил, скажу, как много она потеряет, оставшись без меня, и дам ей почувствовать, как она не права! А потом развернусь и отправлюсь, куда глаза глядят. Оставлю ее мучиться в одиночестве».

Молодой парень за прилавком поднял руку и закричал:

— Касса свободна!

Я подошел в задумчивости.

— Здравствуйте. Что желаете заказать? — спросил юноша.

Вдруг я вспомнил, что Софи всегда заказывала здесь бургеры с рыбой, и решил взять еду с собой к ней. Парень выслушал и повторил за мной:

— Итак, два бургера с рыбой, два больших пакета жареной картошки и два шоколадных пудинга. Что будете пить?

Упаковка «Кай-Тай-Фуна» ждала меня на заднем кресле такси и я решил, что еду будем запивать энергетиком.

Антуан посмотрел на пакет с едой в моих руках и сказал:

— Теперь чувствуется, что вы уже знаете, куда ехать.

Я ответил:

— Да. Едем обратно...

Он быстро доставил меня обратно к подъезду дома Софи и сказал:

— Желаю приятно провести время. Но у меня такое ощущение, что мы сегодня еще раз увидимся.

Я удивился:

— Откуда такое ощущение?

Он объяснил:

— Мы два раза уже встретились, а Бог троицу любит. Значит, будет и третья встреча.

Я расплатился и ответил:

— Хорошо. Я не против.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я думал: «Зачем я иду к ней? Что я там потерял? Нарываюсь на то, чтобы она меня выгнала».

Дверь оказалась не запертой, и я вошел, задав в пустоту вопрос:

— Софи, ты где?

Квартира у нее небольшая. Сразу за прихожей гостиная, потом направо кухня, кабинет налево и спальня впереди. Было пусто, и я неуверенно позвал:

— Софи.

После этого я приоткрыл дверь спальни. Там было темно. Окна завешаны. Вдруг загорелся ночник у кровати. Тусклый свет как будто пополз по простыням и одеялам и осветил полуголую Софи в постели. Она улыбнулась застенчиво и сказала завораживающе:

— Где ты ходил так долго? Иди, я ждала тебя.

У меня выпала из рук упаковка «Кай-Тай-Фуна», а за ней и пакет с гамбургерами. Улетучились все враждебные фразы, испарились все злые мысли.

Не отдавая себе отчета, я без слов очутился в постели рядом с ней и почувствовал взрыв страсти.

* * *

Потом мы закурили, лежа на спине. Моя ревность исчезла бесследно, и я спросил:

— Хочешь есть?

— Хочу, но в доме нет еды.

— Я принес.

В ее глазах заблестел восторг.

Я вскочил воодушевленный и вернулся в постель с пакетом. Софи разорвала упаковку и воскликнула:

— С рыбой! Ты купил мою любимую еду.

— На здоровье, — ответил я.

Некоторое время мы ели молча, шурша бумагой. Я почувствовал, как еда начала расползаться в желудке, а сердце задергалось. Биение то усиливалось и учащалось, то мерцало, как затухающая лампочка, но я не обращал внимания.

Софи сказала:

— Принеси энергетик Кэтчера, заьем им гамбургеры.

— Сейчас... Какой тебе открыть?

— Хочу попробовать баночку «Сексиста».

Я засмеялся:

— Проверим действие.

Пару секунд спустя я снова улегся в постель с баночкой энергетика и, открыв ее, предложил сначала Софи. Она выпила половину, передала мне и сказала:

— Вкус какой-то странный.

Я допил и, сделав паузу, ответил:

— Да, но мне кажется, что действует.

Она улыбнулась:

— Так быстро?

— Мне уже не терпится накинуться на тебя.

— Тогда иди скорей.

И опять в спальне Софи взорвался фейерверк страсти.

* * *

Мой мобильный позвонил очень некстати. Софи недовольно перевернулась и простонала:

— Кошмар. Иди, отвечай.

Я подполз к брюкам за телефоном, нашел этот гадкий предмет в переднем кармане и взглянул на экран. Звонила Мария.

— Привет, — сказал я.

Она спросила:

— Ты где?

Сделав секундную паузу, я ответил уверенно:

— На встрече. В фармакологической компании.

Софи недовольно поморщилась, встала и пошла в ванну.

Мария сказала:

— Здесь творится полный кошмар. Крикунов спятил. Ведет страну к пропасти. Он сумасшедший... Ну, потом расскажу, а сейчас у меня к тебе просьба.

— Я слушаю.

— Нам нужна поддержка международных общественных организаций. Я хочу, чтобы ты позвонил своему другу из британского фонда «Врачи без границ» и попросил их сделать заявление в поддержку правительства. Надо успеть к вечернему выпуску новостей.

Я осмыслил ее просьбу и сказал:

— Хорошо. Я сейчас позвоню.

Мария уточнила:

— Передай им мое предложение. Пусть назначат пресс-конференцию ровно в пять, а я направлю телевизионщиков. Заявление фонда станет главной новостью шестичасового выпуска. В благодарность после нашей победы на выборах я включу их в государственную программу медицинского страхования. Для них это дополнительный доход в размере двух миллионов в год.

— Думаю, он будет доволен.

— Ладно, целую.

Я вздохнул и положил телефон на тумбочку. Сердце успокоилось. Тахикардия исчезла, хотя пульс оставался учащенным. После пива и «Сексиста» это не должно удивлять.

Вернулась Софи. Сбросила халат, залезла обратно в постель и сказала:

— Ты знаешь, «Сексист» и на меня сильно действует. Я тоже захотела броситься на тебя.

— Тогда иди скорей.

Мы опять потянулись друг к другу, но мой мобильный снова зазвонил.

— Это какой-то ад! — воскликнула Софи.

Я сказал:

— Успокойся. Не буду отвечать.

Она покачала головой:

— Нет уж. Раз звонит, иди отвечай.

— Хорошо, я его сейчас выключу.

— Ну, иди, отключай.

И тут...

Мне сложно описать последующее из-за нехватки соответствующих слов, но, конечно, я попытаюсь.

Я резко повернулся к тумбочке, чтобы дотянуться до звонившего аппарата. И...

Мое сердце вдруг резко забилося, как насмерть подстреленное чудовище. Вместе с тем кровь хлынула по артериям так, что давление ощущалось в ногах. Все мое тело и внутренние органы одновременно задрожали. Ужасная, нестерпимая головная боль разрывала мозг.

И тут меня начало выворачивать наизнанку.

Жуткая рвотная жидкость полилась изо рта, а конечности стали вялыми как тряпка.

Тело мне уже не подчинялось.

Звонок мобильного растянулся на вечность, я продолжал отчаянно тянуться к телефону, чтобы отключить его.

И тут меня оглушил резкий, звонкий и четкий хлопок.

Я бы называл его всепроникающим хлопком.

Он чувствовался во всем теле. Я его услышал всеми органами одновременно, каждой точкой своего сознания.

Казалось, будто мое тело целый день ждало именно этого хлопка и, получив его, вдруг утомилось.

И я поплыл.

Да!

Я именно поплыл в сторону мобильного на тумбочке.

Желание отключить его еще осталось, но...

Я нечаянно скользнул в аппарат, почувствовал в себе микросхемы, мерцающий экран и все номера адресной книги одновременно.

Это ужасное чувство отбросило меня к потолку, хотя руки продолжали тянуться за телефоном, удлинняясь, как резиновые.

И перед тем как выпасть из сознания, я понял, что это не мои руки.

У меня больше не было рук.

Шестая глава

ПОЛЕТ СКВОЗЬ БОЖЕСТВЕННЫЕ ОКЕАНЫ

Сначала я даже не понял, где нахожусь. Надо мной темно-ло бескрайнее небо без единой звездочки. Я сам плавно носился над непостижимой водной стихией в крошечной тьме. Глаза не видели, ибо их не было!

Было лишь яркое восприятие.

Тончайшие струны духа моего легко вбирали пустоту простирающейся Вселенной. И дух мой был един с тьмой небесной надо мной, и тьмою водной подо мной.

Все, включая меня, простиралось в пустоте до бесконечности. И я летел быстрее света по пустоте, сквозь тьму, где не было ничего.

Света не было.

Был лишь дух мой, полностью погруженный в глубину себя самого, в состояние безмолвия, безмыслия и беспредельности.

Боже!

Какое это блаженство!

И тут молнией мелькнула искра мысли. Она радугой загорелась в глубине океана тьмы подо мной и притянула меня.

Не в силах сопротивляться закону притяжения, я последовал за ней, опустился в глубину пучины, и передо мной открылся волшебный мир великой Золотой Пирамиды. Она ни на чем не стояла, никуда не устремлялась и была настолько великой, что даже мысль духа моего не могла ее объять. Пирамида кружилась в пространстве, создавая неописуемо прекрасную вибрацию божественной музыки. Ее вершина засветилась. Подплыв поближе, я понял, что вибрация Золотой Пирамиды начала порождать миры. Это было захватывающее зрелище! Из высокой острой вершины вырывались все новые облака пламени, которые рассыпались по бесконечному пространству и начинали жить собственной жизнью. Мне захотелось приблизиться вплотную к Золотой Пирамиде, и тут я понял, что она притягивает не только меня. Вокруг нее уже собрались миллионы Духов! Все они были подобны мне, и я всех чувствовал. Мы были едины! Пирамида призвала нас сильнее. Некоторые из нас начали проникать в нее. Я долго витал вдоль ее сверкающей стены, наслаждаясь теплом, потом прикоснулся к ней и нырнул внутрь.

Там я наполнился величайшей силой творения. Я устремился к ее вершине, загорелся огнем созидания, вылетел вместе с рассыпанным огнем и понял, что хочу нарисовать свой мир! Во мне заиграла божественная музыка, я закружился в чудесном танце вселенской вибрации и неожиданно осознал, что Золотая Пирамида танцевала вместе со мной.

Рассыпанный вокруг меня огонь словно почувствовал вибрацию моего танца и заплясал в чудесном хороводе, превращаясь в звезды и планеты. Я чувствовал, что мой танец рождает мириады прекрасных, чудесных, гармоничных галактик.

Я созидал свою Вселенную!

Танец закончился лишь тогда, когда мой прекрасный мир начал жить собственной жизнью. Тут я ощутил, что пришла пора идти дальше.

Следуя за ощущениями, я окунулся в глубину своей самости и снова очутился в океане — у дна морского, под небом звездным.

Вся Вселенная была продолжением Духа моего, а Дух мой был продолжением всей Вселенной.

Устремляясь вниз, я понял, что мне нужен корабль. Сверкнувшая молнией мысль превратила меня в восхитительное судно дальнего плавания. Конечности превратились в весла, и, повертев ими, я пустился в захватывающее путешествие через море кристальной чистоты.

Я плыл по спокойной глади миллиарды лет, и на окраине вечности передо мной возник чудесный остров.

Там я увидел берега прелести, цветы благоухания, деревья плодородия и скалы могущества. Животные и птицы восхваляли Господа, кто как мог. Все было частью Его, включая меня. Это был мой Райский остров с Эдемскими садами. Долго я наслаждался прелестью собственного творения.

Вдруг я увидел, что с острова ко мне летит Голубь Быстрокрылый. Он опустил мне на плечо и преподнес клювом кисть виноградной Лозы. Я принял его дар и сказал:

— Спасибо тебе, мой Райский Голубь.

Он же заворковал в ответ:

— Я пребуду здесь.

Я улыбался ему:

— Воля твоя. Пребывай.

Я бережно спрятал кисть виноградной Лозы в золотой сундучок, а голубь послал мне вибрацию любви.

Теперь нас было двое — я и Быстрокрылый у меня на плече. Мы поплыли по безмятежной воде, удаляясь от Райского острова, дыша прозрачной чистотой морского воздуха и упиваясь ласковым теплом восходящего Солнца. Господь проникал в наши души, набирая аккорды Божественных нот. Эта музыка, переходя в дуновение Господне, подталкивала меня все дальше от райских берегов, и я безотчетно

рассекал очаровывающую неподвижность вод, пока Эдем не скрылся от нас.

Скоро у горизонта появилось растущее золотистое облачко, а под ним было настоящее чудо — морская лестница.

Да!

А как иначе назвать водяной ступенчатый спуск, где океан рисовал полотно стихии, понижаясь до глубоких впадин и принимая форму громадной лестницы с тремя великими ступенями размером в целые моря? Ступени переходили друг в друга высокими водопадами. Нижние моря бушевали, в то время как на верхних царило спокойствие.

Тут я понял, что нам предстоит головокружительный спуск. Наверное, то же самое подумал Быстрокрылый и заворковал:

— Летим дальше?

Я ответил:

— Летим! Ибо Божественная симфония, играющая внутри меня, направляет нас туда.

Голубь вспорхнул, сделал круг над головой, как бы благословляя меня, и, опустившись обратно на плечо, проворковал:

— И я с тобой.

Благословение придало мне дополнительную смелость, и я поплыл быстрее. Безобидное же облачко начало вырастать в грозовую тучу, порождая множество себе подобных, и в одно мгновение вся твердь покрылась угрюмой чернотой со сверкающими косыми молниями.

Бурлящая волна скоро выбросит меня в огромный водопад. Надо грести сильнее, чтобы оседлать поднявшийся вал и удержаться на вершине высокой волны. Я быстро задвигал веслами, водоворот же увлек меня, и мгновение спустя мой корабль летел вниз на гребне волны, как на прыгнувшем в пропасть жеребце.

Я падал сквозь неопределенность черных туч, сверкающих молний и громохание грома, пока волна не принесла

меня в среднее море. Оно было менее доброжелательным. Здесь не так сильно ощущалось единение с водой и пространством, и казалось, что Господь отделился от меня.

Я уже не чувствовал Его в себе.

Это меня встревожило. Обеспокоенный, оглядывался я в поисках хоть какой-то опоры и скоро увидел перед собой Образ. Он был чистым и светящимся, упав на колени перед Ним, я взмолился:

— Бог мой! Молю, не бросай меня! Ты создал меня Духом, творившим Вселенную. Потом я погрузился в собственное существо, опустился вниз из верхнего моря, и Ты уже не проявляешься так явственно во мне. Передо мной встает всего лишь Образ твой. Что это? Я хочу вернуться к Тебе, но как подняться обратно наверх? Я повинуюсь Твоей воле и отправлюсь, куда укажешь, но знай, что душа моя жаждет быть лишь с Тобой!

Загремел гром.

Засверкали молнии.

И Образ сказал:

— Через падение вознесешься! Путь твой дальше вниз! Таков мой Закон!

Сказав это, Образ исчез в сверкающей молнии, и я понял, что нахожусь на краю следующей водной пропасти.

Быстрокрылый на моем плече заворковал:

— Не бойся!

И я смело направился навстречу обезумевшей волне.

Она хотела накрыть корабль, но мне удалось обуздать ее, и вместе с ней мы вылились в омут бурлящего океана.

Неожиданно проснувшийся инстинкт подсказал мне, что нужно приложить усилия, ибо если скорость гребли не превысит падение самой волны, то я утону. Достаточно было лишь подумать об этом, и мощь моих весел возросла стократно.

Бог дал мне силы!

Я верю, Он не оставит меня!

Я заработал веслами еще быстрее, стараясь удержаться на поверхности. Тут мои руки размножились в сто весел. Усилившаяся мощь придала мне уверенность и, взмахнув всеми веслами одновременно, я начал грести против течения, не давая громадной волне поглотить себя. Мешал еще и бушующий шторм. Ветер шквалами налетал на меня, грозя перевернуть мое судно. Молнии ударили со всех сторон, и даже гром был такой силы, что казалось, его вибрация способна разорвать изнутри.

Полило как из ведра, и ко всем бедам добавилась еще одна: проливной дождь вдруг превратился в разрушающий град. Градины с кулак начали бить меня, причиняя нестерпимую боль. Хотелось все бросить, отдаться воле волны и погибнуть, но я продолжал сопротивляться, призвал Высшего и замахал веслами сильнее.

Мгновение спустя волна поддалась и согласилась взять меня в спутники. Покорившись, она признала меня, и мы превратились в одно целое. Это был безумный полет вниз: волна унесла меня в глубину океана.

Ошеломленный, я вслушивался в тишину подводного мира, однако спокойствие тут было кажущееся. Подводное течение подхватило меня, затрясло и опустило еще глубже, в мутную, пропахшую тинной воду. И там, на дне океана, я увидел затонувший город — тысячелетние руины некогда великих сооружений возвышались над головой. Я плыл между развалинами гигантских домов, по улицам невероятной ширины, по необъятным площадям. Потом очутился над древним храмом, который стоял, величественно возвышаясь над остальными полуразрушенными постройками. Рядом с ним я увидел ошеломляющей величины дворец. Казалось, что здесь жили не люди, а великаны. Вот и гигантский памятник очаровательной богине. Она покосилась, но еще держится на пьедестале, продолжая призывать руины к

единению с Богом. Громадная пирамида, напротив, светилась серебристым светом. Но она была лишь жалкой копией Золотой Небесной Пирамиды. Проплывая над ней, я почувствовал прилив сил и понял: это руины тех времен, когда жили на земле исполины, сыны Божии, которые стали входить к дочерям человеческим. Девушки рожали им сильных и славных людей. И тогда увидел Господь, что велико развращение людей на Земле и все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. Раскаялся Господь, что создал человека, почувствовал скорбь в сердце Своем и сказал: «Истреблю с лица земли людей, которых Я сотворил».

Так исчезли исполины.

Я посмотрел на себя и обомлел. Да я же сам великан! И тут заметил, что вода не выталкивала меня наверх. Наоборот! Она затягивала все глубже и, казалось, что тонуть уже некуда, но вдруг океанское дно разверзлось в одном месте, божественная рука подтолкнула нас, и подводное течение унесло корабль во впадину.

Мы упали в бездонную пропасть.

Боже!

Что со мной происходит?!

Я был Творцом Вселенной, а теперь, спустившись с небес, падаю в преисподнюю.

И тут корабль закрутила подводная кипящая волна, которая неожиданно выбросила нас на поверхность, в другую действительность, в совершенно иную зыбкую воду. Судно замедлило ход. Град и ливень перешли в мелкий холодный дождь, который пробивал до костей. Я огляделся и, спохватившись, положил руку на плечо:

— Быстрокрылый, где ты?

Его не было.

Сам же я обнаружил себя у штурвала какого-то странного судна. Вместо моего прекрасного корабля, я плыл на

громадной деревянной лоханке, смазанной смолой со всех сторон. Только теперь я ощутил вонючий запах животного помета и понял, как жутко смердела вода, по которой я плыл.

Быстрокрылый спрятался.

Тут я почувствовал чье-то присутствие за спиной. Странный ужас охватил меня. Сначала я боялся оглянуться и ждал. Потом увидел длинный кинжал у себя на поясе. Не знаю, откуда и когда он появился, но он был кстати. Возможно, за моей спиной враг. Я решил неожиданно выхватить кинжал и внезапно напасть на него. Выждав некоторое время, так и поступил. С военным кличем обнажил лезвие, повернулся и принял боевую позу. Но, видимо, все это я проделал напрасно. Передо мной была жалкая компания из трех бородастых мужчин в лохмотьях и четырех женщин, закутанных в грязные тряпки. Мужчины тоже были великанами, как я, а женщины — пониже, вполовину нашего роста. Я осмотрел себя и понял, что на мне тоже оборванные тряпки непонятного происхождения.

Некоторое время я удивленно смотрел на них, не понимая, откуда они тут появились и наконец выдал из себя вопрос:

— Кто вы такие?

Меня удивил собственный странный сдавленный голос. А люди передо мной вдруг ожили, задвигались в нерешительности и начали смотреть на меня с великим благоговением. Мужчина постарше заговорил первым и сказал с почтением:

— Спасибо! Ты еще раз спас всех нас!

Потом заговорил второй:

— Мы в неоплатном долгу перед тобой!

Наконец высказался и третий:

— Мы рабы твои, отче наш!

— Отче ваш?! Да, я первый раз вас вижу! Какой я отче ваш? Кто вы? — выкрикнул я.

Мужчины нисколько не смутились. Смиренно опустили головы и ответили поочередно:

- Я Сим, твой старший сын, а это моя жена.
- Я Хам, твой средний сын, а это моя жена.
- Я Иафет, твой младший сын, а это моя жена.

Услышанные имена вызвали из глубин моего подсознания какие-то воспоминания, однако происходящее показалось мне абсурдом, и я засмеялся:

— Ха, ха, ха! Сим, Хам и Иафет с женами. И я отче ваш. Выходит, что я Ной? Так?

Они склонили головы в знак согласия и повиновения, а четвертая женщина, та, которая выглядела старухой, ласково улыбнулась мне, шагнула вперед, низко поклонилась и сказала:

— Да, мой государь! Ты именно Ной! А я жена и рабыня твоя, Ноэма.

От этого заявления я пришел в ярость! Быстро направил клинок на уродливую старуху и заорал:

— Не смей приближаться, Баба-Яга.

Однако мои «сыновья» не возмутились, а поклонились мне, и Сим сказал:

— Не сердись на нас, государь! Ты воистину Ной! Сын Ламеха. Ты человек праведный, и ходишь ты перед Богом, непорочный в роде своем! А мы воистину сыновья твои, Сим, Хам и Иафет, которых ты родил от Ноэмы, когда тебе было пятьсот лет.

Потом продолжил Хам:

— Мы все в ковчеге, который ты сам построил, как повелел тебе Бог. Смотри, он из дерева гофер, длиной триста, шириной пятьдесят, а высотой тридцать локтей, и сделал ты отделения в ковчеге и осмолил смолой все внутри и снаружи.

Наконец, заговорил Иафет:

— И навел Бог на Землю потоп, чтобы истребить всякую плоть, а в ковчег вошли мы и жены наши, все животные по

паре, и ты провел нас по непостижимой буре, по подводным течениям и спас всех нас. Мы благодарим тебя, отче.

Они запели хором:

— Спасибо тебе, отче наш!

Во мне забурилась непонятная злость и вырвалась изнутри криком:

— Бред! Я не отче ваш! Вон с глаз моих, не то всех перебью!

Я набросился на них с кинжалом, и они в ужасе разбежались по углам вонючего судна. Потом я бросился к корме корабля и начал кричать в ночную пустоту:

— Боже! Где ты? Неужели Ты меня бросил? Покажись мне!

Но Образ не появился.

И я зарыдал:

— Молю Тебя, Господь мой, выпусти Ты меня из этого ада. Я не хочу здесь быть. Молю! Освободи.

Бог не явился мне, не освободил, и Образ Его не предстал передо мной. Я упал на палубу корабля и в полном отчаянии начал бить себя по голове. Но рассудок я не потерял и, решив покончить с этим безумием, тут же бросился в грязную, болотистую воду, пытаясь себя утопить.

И тут выпал из Ноева кошмара.

Седьмая глава

ОДИНОКОЕ ТАНГО

ВОКРУГ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА

Где-то совсем рядом тикали настенные часы, и я витал там же, прямо под потолком. Остатки живых грез о Ное медленно рассеялись, как сон, и я полностью ощутил страшную картину в спальне Софи.

На полу валяется мое бесчувственное тело. Оно свисает с кровати, как большой, грязный мешок. Почерневшее лицо

перекошено, губы и щеки вымазаны едкой грязью желтоватой рвоты с остатками гамбургера в «Кай-Тай-Фуне». Прижавшись к спинке кровати, Софи с ужасом смотрит на меня, умирающего, тихо плачет и шепчет:

— Как он мог...

Из пустоты возникает желание успокоить ее. Дуновение безмятежности слабым ветерком подталкивает меня, и я невольно поплыл к ней.

Я не представлял, что будет, когда я соприкоснусь с ней. Произошло самое неожиданное: сквозь ее грудь я немислимым образом проник в нее.

Но это было не физическое проникновение. Я очутился посередине ее невидимого мирка, где ярко ощущались все вибрации ее чувств и мыслей. Это кошмарное место ошарашило меня: урчащий энергетик в желудке, сумасшедший поток кровяных клеток, громохание частого сердцебиения и ураган кислорода в легких. В растерянности осматриваясь по сторонам, я вдруг почувствовал молниеносный удар сильного разряда тока ее нервных импульсов. Это была белая вспышка прозрения. Передо мной живыми образами забежали ее мыслишки. По углам появились уродливые котята в кустах цветущей сирени, а в центре вспыхнула фигура голдой Софи перед зеркалом. Она прихорашивалась, нервно накладывая себе макияж. У ее ног валялось мое гниющее тело, а волосы ей заплетал возбужденный Кэтчер. Все пространство пульсировало в унисон с ветром ее дыхания, который резво разносил зеленые денежные купюры, кружащиеся как осенние листья. Сразу последовало громохание каскада ее мыслей: «Как он мог со мной так подло поступить?! Как он посмел умирать в моей постели? Я готова добить его, но надо делать что-то другое. Надо от него отделаться. Кто мне поможет? Майя?! Да! Она работает врачом в скорой! Звоню ей. Наверно, выгляжу ужасно. Вызову скорую и приведу себя в порядок».

Тут появился возбужденный Кэтчер. Он упал перед голой Софи на колени и сказал:

— Ты прекрасна! Дай мне прикоснуться к тебе!

Софи снисходительно взглянула на него:

— Пока не до тебя. Фу!

Кэтчера сразу сдуло. Он превратился в букашку и молча отлетел в угол, унося с собой хвостик страсти:

— Я буду ждать тебя здесь.

Сначала я спокойно наблюдал за всем, но скоро во мне загорелся огонек негодования. Он быстро разросся в костер возмущения, и я взорвался: «Я там умираю, а она думает лишь о том, как от меня избавиться и быстрее привести себя в порядок. Да еще у нее в мыслях голый Кэтчер и деньги. А я для нее лишь обуза. Ах ты стерва!»

Вулкан тревоги залил меня лавой, грозя расплавить мою хрупкую сущность. Я испугался, и страх вытолкнул меня из нее обратно к потолку.

Мне захотелось улететь отсюда подальше, но тут я заметил, что привязан к своему телу мерцающей голубоватой ниточкой, и подумал: «Надо бы мне оживить себя, встать и хлопнуть перед ней дверью. Да! Именно так!» Эта мысль придала мне некоторую уверенность, я поплыл к себе почерневшему и скользнул внутрь.

Тут меня сразил сильный запах вязкой гнили. Ощущение было настолько мерзкое, что я отлетел и упал в гущу гнойных скоплений. Физиологическая свалка ядов начала меня быстро засасывать. Особенно смердели жир от бургера, и загнивающие от никотина легкие. Где-то за горизонтом моего понимания чувствовалась слабая вибрация угасающего сердцебиения, а кровь текла медленно, попахивая канализационным сливом. Я почувствовал, что мой мозг плавает в грязной жиже собственных отходов после внутримозгового кровоизлияния. Как врач, я понял, что умираю от инсульта.

Долго находиться в этом ужасном месте было нестерпимо. Я понял, что не в силах оживить эту гниль, и эта мысль сразу вытолкнула меня вон из себя.

Вернувшись к тикающим часам под потолком, я был охвачен страхом неопределенности. Дрожал от негодования, и в то же время какая-то частица меня пребывала в спокойствии, и это странное сочетание противоположностей удерживало меня в некотором равновесии. Я попытался вернуть себе здравый смысл и решил в деталях прочувствовать окружающее. Все выглядело как прежде, но сейчас по-иному воспринимался цвет, и изменилось ощущение звука. Все было гораздо тоньше и легче, а время изменило свой ход, превращая действие в замедленные кинокадры. Тут, как из глухой пещеры, я услышал звонок своего мобильного. Во мне зажегся порыв немедленно ответить, однако желание двигаться сильно притупилось, и я завис на полпути, понимая, что ответить на звонок в любом случае не смогу.

Софи зашевелилась. Она дождалась, пока мой мобильный перестал звонить, и со своего телефона набрала Майю.

Она ей ответила быстро:

— Привет, Софи.

Тут я понял, что не слышу голоса, но ощущаю высказанные мысли, будто бы они звучат во мне. То же самое происходило со зрением. Видеть при помощи глаз я уже не мог, однако окружающее воспринималось внутри меня.

Софи неожиданно заплакала и сказала сквозь слезы:

— Он потерял сознание.

Майя строго ответила:

— Во-первых, бери себя в руки и высказывайся яснее. Кто потерял сознание?

— Николай. Ему стало плохо в моей спальне. Свалился с постели, почернел и еле дышит. Помогите!

Майя, готовая к любым неожиданностям, сразу вникла в пикантность ситуации и начала давать четкие указания:

— Для начала сделай глубокий вдох, задержи дыхание и медленно выдыхай! Это успокоит тебя!

Софи все выполнила и сказала:

— Сделала.

— Молодец! Я уже выезжаю с каретой скорой помощи. Не отключайся, буду задавать вопросы, а ты отвечай спокойно, без эмоций, как врач. Что ты думаешь? Это инфаркт? Он хрипел?

— Нет, не хрипел.

— Хорошо. У него сегодня болела голова?

— Не знаю. Он просто свалился.

— Возможно, это апоплексический удар.

— Возможно.

— Мы скоро подъедем к твоему дому. Главное, не паникуй. Я все улажу. Все хорошо.

Эти слова произвели обратный эффект: Софи сорвалась и сквозь слезы заорала на подругу:

— Все очень плохо!!! Он умирает! Или уже умер!

Майя не возмутилась и приказала:

— Не реви! Этим ничего не поправишь! Отвечай на вопросы! Это важно! Его вырвало?

— Да, он весь в блевотине.

— Лицо перекошенное?

— Да.

— Очень похоже на insult. Теперь сделай в точности то, что я прикажу! Найди платок или тряпку и удали изо рта рвотную массу.

— Сейчас сделаю.

Софи засуетилась, начала водить простыней по моей измазанной и перекошенной физиономии. Потом сказала:

— Все, прочистила.

Майя скомандовала:

— Теперь переверни его на бок и положи голову повыше, чтобы кровь оттекла. Это тоже поможет.

— Хорошо. Вот, подложила подушку.

— Теперь проверь пульс. У него есть пульс?

Софи взяла мою руку и сказала:

— Пульс очень слабый, еле прощупывается.

— Понятно. Теперь измерь давление.

— Не могу. У меня нет аппарата.

— Тогда проверь зрачок. Он реагирует на свет?

Софи посмотрела, и ответила:

— Нет. Но дышит.

— Ладно, тогда одевайся. Ты, наверное, голая. Мы уже скоро будем. Держись.

Софи присела к зеркалу и открыла свой косметический сундучок.

Вот именно в этот момент я и заметил голубоватую нить, которой был привязан к своему телу. Она мерцала, переливаясь разными оттенками, то притягивая меня, то отталкивая как воздушный шарик.

Майя продолжала контролировать действия подруги по телефону:

— Что ты делаешь?

— Наношу губную помаду.

— Виши?

— Нет, Лореаль.

— Проверь ему еще раз пульс.

— Очень слабый.

— Держись! Мы в подъезде.

Майя вбежала в сопровождении двух санитарок. Она быстро осмотрелась, оценила обстановку и немедленно начала действовать.

— Софи, теперь не мешай. Мы обо всем позаботимся. Девочки, запомните, я запрещаю вам обсуждать с кем бы то ни было все, что вы здесь увидите.

Санитарки послушно кивнули.

Майя нагнулась над моим телом, проверила пульс, зрачки, давление и продолжила отдавать приказы:

— Итак, приступаем к немедленной госпитализации. Все процедуры проводим в реанимобиле. Где водитель с носилками? Вот и он.

Все задвигались и засуетились вокруг моего полуживого тела. Я чувствовал вибрацию их волнения внутри себя и вдруг осознал тяжесть моего положения. Тело умирает, но я еще живу и воспринимаю окружающее. А еще привязан к своему полутрупку голубоватой ниточкой.

Тем временем санитарки с помощью водителя водрузили мое тучное тело на носилки и совместными усилиями потащили вниз по лестнице.

Я невольно последовал за ними.

Как ни странно, у меня начали возникать философские вопросы: «Кто же я на самом деле? Вот я валяюсь без сознания на носилках, однако без помощи глаз и ушей воспринимаю все происходящее. Так, если я там, на носилках и без сознания, то кто же здесь привязан ниточкой? Или наоборот: если же я здесь, в тонком сознании, то кто же там, на носилках?»

Я запутался в рассуждениях, и тут почувствовал новые вибрации в пространстве. Это была беседа в машине скорой помощи.

Майя копошилась над моим телом и говорила Софи:

— Не хочется тебя пугать, но состояние очень тяжелое. Не знаю, как быть с таким высоким давлением. Может, сделать инъекцию?

«Я бы не стал», — мелькнула у меня мысль, и Майя решила:

— Не буду.

Я в ответ подумал: «Молодец!»

Тут меня удивило, насколько сейчас мне безразлична судьба моего тела.

— В больнице первым делом надо будет подсоединить его к аппарату искусственного дыхания. Не нравится мне проходимость дыхательных путей. Надо будет еще легкие прочищать немедленно.

Софи сидела с кислым лицом. Майя спросила ее:

— Как ты? Даже в слезах ты выглядишь очень привлекательно!

Софи усмехнулась:

— Спасибо.

— Расслабься. Напряжением ему сейчас не поможешь.

Софи в отчаянии покачала головой:

— Ему стало плохо в моей кровати.

Майя ответила:

— Об этом никто не узнает. Я уже записала в анкете вызова, что инцидент произошел на улице, в твоей машине. Кстати, вы же были вместе?

— Да.

— Куда выехали?

— На встречу с Кэтчером.

Это восхитило Майю:

— С тем самым?! Молодцы! Это Николай устроил?

— Нет. Я сама.

— Bravo! Как ты это сделала?

Софи вздохнула:

— Сама не знаю. Я долго искала пути к нему. Однажды увидела его на ежегодной конференции фармакологов в Берлине. Пыталась подойти к нему в течение двух дней, но не вышло. Не смогла выловить его одного. Последняя надежда была поговорить с ним на прощальной вечеринке. Я принарядилась, надела платье от Лаурель, купленное специально для этого случая, и, представляешь, он меня заметил!

— Ну, тебя он заметил бы и без платья Лаурель.

— О таком счастье я и не мечтала. Он сам подошел ко мне и спросил, нравится ли мне вечеринка и откуда я.

— Надо же! Удачно ты съездила в Берлин.

— Не говори. В общем, мы разговорились. Он даже пригласил меня на ужин, но я отказала. Чувствовала, что придется ему отдаться после ужина. Не хотелось так быстро.

— Правильное решение.

Эти слова вызвали во мне неожиданное раздражение. Я вдруг закипел от чувства отчаяния и ревности. Значит, я был прав! В «Камертоне» они открыто кокетничали друг с другом! Говорила ведь, что не хотелось ей в первый раз. Значит, все-таки хотелось.

Кипение во мне достигло предела, запищал аппарат, и Майя засуетилась:

— Давление подскочило. Есть аритмия. Плохо. Вколоть ему клофелин, что-ли?

Я заорал от злости:

— Да заткнитесь вы, дуры! Не ведите себя как шлюхи, и давление будет держаться без клофелина.

Мой крик, конечно же, услышан не был. Я лишь навредил себе и заткнул свои эмоции.

Майя сказала с облегчением:

— Слава богу, давление пошло вниз. И что же было потом?

Софи ответила:

— Потом мы долго переписывались. Я предлагала ему инвестировать средства для открытия у нас новой сети аптек. Он обещал подумать. Потом исчез на время, не отвечал на письма. Наконец объявился с предложением продавать новый энергетический напиток «Кай-Тай-Фун».

— Ну и название.

— Он хочет, чтобы я возглавила его бизнес здесь.

— Прекрасно! Поздравляю.

— Еще рано.

— Уверена, все у тебя получится.

— Посмотрим.

Майя указала на меня и спросила:

— И ты взяла на встречу этого? Зачем он тебе был нужен?

Софи вздохнула:

— Согласна, лучше было бы его не брать, но мне был нужен эксперт. А он лучше всех разбирается в современной

фармакологии, у него хорошие связи в министерстве и в неправительственных организациях.

— Да, у него была хорошая голова...

Софи насторожилась:

— Была? Ты думаешь, он умрет?

Майя успокоила ее:

— Скорее всего да. Но если даже откачают, вряд ли он сохранит ясность ума. У него, наверно, уже гематомы образовались. Кстати, не забудь и меня, Софи. Когда станешь большой начальницей, возьми меня на работу к себе. Я лучше поработаю дистрибьютором «Кай-Тай-Фуна», чем буду всю жизнь сидеть в этой тачке скорой помощи и каждый день смотреть на полуживых.

Тут зазвонил мой телефон.

Майя подумала и ответила:

— Алло, здравствуйте.

Звонила Мария. Она резко спросила:

— Кто говорит?

— Это Майя, врач скорой помощи. А вы кто?

— Что? Врач? Где Николай?

— Пожалуйста, скажите сначала кто вы?

— Я Мария, его жена! Что с ним?

— Ему стало плохо на улице, и сейчас мы везем его в больницу, — объяснила Майя.

Мария воскликнула:

— Господи! Как не вовремя! Что с ним такое?

— Мы точно не знаем.

— Не знаете? Какие же вы врачи?!

— Возможно, у него инсульт, кровоизлияние в мозг. Нужна диагностика.

— Куда вы его везете?

— В его собственную клинику. Там у них все оборудование для неврологических больных. Нана обязательно найдет ему лучшего врача.

— Лучший врач — он сам. Однако это правильное решение. Я сейчас туда приеду.

— Как угодно.

Майя отложила телефон и взглянула на Софи.

— Ты чего задумалась?

— Может, мне не нужно было надевать это черное платье?

И опять на меня навалилось ужасное раздражение. Как это она может в такую минуту думать о наряде? Майя ответила:

— Оно очень идет тебе. В нем ты смотришься художественно сексуальной.

Да, вы обе — суки!

Машина остановилась, и Майя скомандовала:

— Приехали. Действуем быстро и слаженно! Выгружаем больного и поднимаем на седьмой этаж.

Я орал от внутренней злости: «Не трогайте меня! Вы — гадкие женщины! Я не хочу, чтобы вы ко мне прикасались. Я вообще не хочу здесь быть!»

Это желание не быть здесь вдруг быстро раздулось, как воздушный шар, и лопнуло, издав хлопок.

Хлопок выбросил меня из собственных ощущений, и я опять попал в бредовую действительность Ноя.

Восьмая глава

СПАСЕНИЕ ЭДЕМСКОЙ ЛОЗЫ

Я лежал на палубе из неотесанного дерева, облаченный в мокрые и смердевшие лохмотья. Водоросли в длинных волосах, во рту — вкус человеческих испражнений, ощущения самые гадкие. Я утешал себя мыслью, что вижу сон, но понимал, что вру себе. Это было явью. Высоко в небе я видел густые тучи, на лицо капал холодный дождь а над головой стояла моя оборванная, унылая, несчастная семья.

Как же они смешны в этих дырявых тряпках вместо одежды! Хотя о чем я говорю? Сам в рваных лоскутах грубой

материи, притом насквозь промокшей. Я вспомнил, как выбросился за борт корабля, желая убить себя, но они спасли меня и теперь досаждают с собачьей преданностью во взгляде.

Дрожа от холода и негодования я крикнул на них:

— Прочь от меня!

Они покорно отошли на несколько шагов.

Я встал, увидел навес с деревянной крышей на краю огромной палубы и укрылся там от дождя. Там же я нашел бочку с пресной водой и умылся.

«Семья» стояла на почтительном расстоянии.

Увидев, что я умываюсь, ко мне подошла карга, называющая себя моей женой и поднесла полотенце. Она улыбалась беззубой улыбкой. Мне было противно смотреть на ее морщинистое лицо, и я ее отогнал:

— Сгинь, старуха! Ты мне не жена!

Желая отделаться от них, я спустился в нижний трюм и ужаснулся. В клетках томились мычащие, урчащие и рычащие животные, все измазанные собственными выделениями. Смотреть на них было невыносимо, поэтому я поспешил обратно на палубу.

Да, это на самом деле Ноев ковчег.

А я действительно Ной.

И это не грезы.

Это реальность какого-то нереального состояния.

И вот передо мной «сыновья», «невестки» и...

Боже! Худшее невозможно даже представить.

Я не хочу верить, что это происходит со мной на самом деле, и я кричу:

— Знайте, что вы мой сон!

Они отвечают смиренно:

— Как скажешь, отче наш.

Махнув на них рукой, я понимаю, что надо позаботиться о себе и найти выход отсюда.

Но как?

Где его искать?

Я был брошен.

Господь меня покинул, и Быстрокрылый тоже. Я подбежал к борту ковчега и закричал во весь голос:

— Быстрокрылый! Вернись!

Мой крик разнесся по всем сторонам и затерялся в тумане.

Я успокоил себя и начал вспоминать: я плыл по райским морям вдоль берегов Эдема. Потом Бог направил меня вниз по океанской лестнице и послал испытание в лице моей «семьи».

Испытание!

Конечно!

Это все испытание!

Я почувствовал чье-то присутствие за спиной, резко обернулся и увидел Сима.

Он взмолился:

— Отче, выслушай меня.

Я схватил его за шиворот, потряс и приказал:

— Говори.

Он испугался, но начал рассказывать:

— Государь наш, ты уже не раз называл нас сном. Мы знаем, что твоя явь — это Господь Бог, который заключает с тобой Заветы, ибо ты обрел благодать перед Его очами. Он повелел тебе построить этот ковчег, и мы вошли в него, а вместе с нами вошли все животные, птицы и пресмыкающиеся. Всех по паре. Потом Бог послал на землю потоп. Воды полились отовсюду, и все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих, было истреблено. Господь пощадил только тебя и тех, кто с тобой. И вот, плывем мы по водам потопа уже сто пятьдесят дней, и за это время ты много раз спасал нас от опасных волн и водопадов. Сейчас мы должны найти сушу, ибо в этих водах наша погибель. Но вокруг нас туман и ничего не видно. Мы преклоняемся перед тобой, верим

в тебя и ждем твоих приказов, ибо ты есть глас Господа нашего. Укажи нам путь! Куда плыть?

Раздражение отступило, и нечто заговорило во мне вслух, так что я сам удивлялся своим словам:

— Сим, не повторяй больше эту сказку про потоп, ибо мы не спасаемся от него, а плывем по опускающейся морской лестнице, которая привела нас с Небес на Землю. Бог послал меня сюда, но даже я не понимаю Его умысла. Возможно, он хочет, чтобы я населил Новый Земной Мир. Я божественное семя будущего человечества. Я видел Эдем, где пребывал в Боге, но после водопадов Господь покинул меня. Вместо него появились вы. Чем ниже я опускаюсь, тем больше отдаляюсь от Господа! Теперь же я потерялся среди туманных вод. Не знаю, куда плыть.

Сим задумчиво ответил:

— Отче, обратиться к Богу с молитвой. Может быть, он услышит тебя.

Я понял, что он прав.

И я немедленно упал на колени и взмолился:

— Бог мой! Где ты? Неужели ты меня бросил навеки? Где дуновение Твое? Мне больше не грезится Твой глас, а Твой светлый образ удалился в туман. Что мне делать? Как быть и куда идти? Я теряюсь в дебрях сомнений. Не хочу быть брошенным на произвол судьбы. Молю тебя, Господь мой, дай знаки, как у берегов Эдема. Прояви Себя передо мной и упаси нас от гибели.

Я замер в ожидании гласа Господа моего, который вызволит нас из этого ада, но никаких знаков не было. Поднявшись с колен, я в унынии присел на деревянную палубу ковчега.

Вдруг я почувствовал дуновение сухого ветерка.

— Слышите? — прошептал я, — Бог вспоминает о нас!

Я подошел к краю палубы на цыпочках, чтобы не отогнать посетившее меня видение.

И вдруг меня осенило!

В дымке тумана показался черно-белый Ангел: справа он сверкал белизной, а слева — чернотой. Я обратился к Симу:

— Ты видел?

Он ничего не видел.

Никто не видел, кроме меня.

Черно-белый Ангел улыбается мне всепроникающей улыбкой. И я ощутил ее всем телом и всей душой.

— Черно-белый Ангел, кто ты? Хочу верить, что Господь послал тебя ко мне.

Ответа от Ангела я не почувствовал, однако он улыбнулся мне шире, и я задрожал от этой черно-белой улыбки.

Ничего не говоря, он лишь указал мне взглядом на восток и исчез в облаках.

Восток...

Неужели на востоке суша?

Родилось сомнение: может, это бес, который хочет погубить наши души?

Однако других знаков нет, и я решил:

— Плыдем на восток!

Я развернул ковчег и сказал семье:

— Немедленно гребите все!

Они засуетились и побежали выполнять приказ. Спустя мгновение ковчег тихо закачался, развернулся к востоку и медленно поплыл туда.

Вдруг я понял — надо выпустить птицу.

Я позвал Быстрокрылого, но он не отозвался, и я закричал:

— Ворону мне! Пусть кто-нибудь бежит за птицей! Остальные гребут, гребут, гребут!

Краем глаза я заметил, что за птицей помчался мой средний сын Хам. Вскоре он вернулся. Я закричал:

— Что ты принес?!

Он упал передо мной на колени и взмолился:

— Господь мой, отче наш, я побежал за вороной, но по дороге увидел эту птицу, забившуюся в темный угол. Это

голубь. И я подумал, что ворона не найдет путь в тумане! А голубь найдет! Сейчас вокруг нас очень густой туман. Молю тебя, накажи меня сурово, если я заслуживаю. Если же нет, прими в помощь этого голубя, которого я принес вместо вороны.

Склонив голову, Хам протянул мне дрожащую птицу.

Что это?! Неужели это Быстрокрылый?

Однако что с ним? Он испуган? Не может этого быть!

Я принял голубя из рук Хама и почувствовал учащенное сердцебиение и спросил шепотом:

— Ты Быстрокрылый? Тот самый, который преподнес мне лозу?

Тут я вспомнил о Лозе, которую спрятал в золотой сундук.

Голубь ответил дрожа:

— Да, я Быстрокрылый.

— Успокойся, отдышись. Что же с тобой случилось? Ты был отважнее меня. Почему ты напуган теперь?

Слава Богу, я еще не потерял способность говорить с птицами.

Быстрокрылый ответил мне:

— Молю, молю! Боюсь, боюсь! Не отпускай меня, не отпускай!

— Спокойно, бесстрашный голубь! Ты прекраснейшая из птиц! Твоя внешность и суть прелестны! Неужели спуск с Небес на землю так напугал тебя? Если ты чувствуешь себя здесь потерянным, то знай, что я тоже тут потерян! Мы сильно удалились от Небес, но верю, что Бог не покинет нас, ибо у нас божественная миссия! Просто лучам Господа трудно пробиться сквозь этот туман. Но это не причина для уныния. Он с нами! Он пребывает в нас! Он во мне и в тебе. А сейчас ты мне очень нужен! Ты хочешь быть полезным?

Я почувствовал, что моя речь его успокоила.

— Да, да! Хочу помочь, — ответил голубь.

— Молодец! Если ты выполнишь все мои приказы, тогда я дам тебе звание Бесстрашного! Впредь тебя все будут величать Быстрокрылый-Бесстрашный!

Я почувствовал, как сердечко птицы опять забилося сильнее, но на этот раз от радостного предвкушения.

— Слушай мой приказ! Я выпущу тебя и хочу, чтобы ты летел по туману на восток за Черно-Белым Ангелом так далеко, как сможешь! И если долетишь до суши, принеси оттуда знак, чтобы я понял, что плыву к берегу.

— Хорошо, хорошо.

Я поцеловал голубя, что придало ему дополнительные силы, и выпустил.

— Лети, мой гонец!

Голубь вспорхнул, неуклюже замахал крыльями и камнем полетел вниз к воде.

Боже! Он утонет? Возможно, он разучился летать?

Я взмолился:

— Господь! Дай силу этой птице!

И Господь услышал меня!

В самый последний миг голубь широко раскрыл крылья и, коснувшись пенистой волны, вспорхнул вверх. Когда он скрылся в тумане, я вздохнул с облегчением.

— Счастливого тебе полета, Быстрокрылый!

К вечеру он вернулся измотанный. Суши он не достиг, и я дал ему отдохнуть.

Всю последующую неделю ковчег медленно плыл на восток, однако туман только сгущался. Семья гребла неустанно и безмолвно. Я не разрешал им ни есть, ни пить, ни спать, но они не осмеливались возражать.

Так мы продвигались по вязкой, мутной воде.

Спустя неделю я еще раз выпустил Быстрокрылого, и он опять вернулся ни с чем.

Так тянулись дни и недели безмолвного плавания.

Однажды утром я взял птицу в руки и прошептал:

— Друг мой, Быстрокрылый! Молю тебя, найди мне сушу! Чувствую, мы погибнем, если скоро не доплывем до берега.

Сердечко Быстрокрылого опять затрепетало.

— Да, да.

И он опять улетел.

Всю ночь я просидел, всматриваясь в темный туман, но ничего не увидел и не почувствовал.

На рассвете ко мне подошел Сим и сказал:

— Покорнейше прости меня, отче.

Я с жалостью взглянул на оборванца:

— Что тебе?

— Мы гибнем. Мои братья утратили силу духа. Наши жены больны. Мы все на пороге смерти. Исчезла надежда, и умирает наша вера.

— Что же ты хочешь?

— Мы решили просить. Нет, решили умолять тебя на коленях развернуть наш ковчег и поплыть обратно в Моря Эдема.

Я покачал головой в отчаянии:

— Нет! Ты не мой старший сын! Мой первенец не может быть таким жалким!

Сим настаивал:

— Отец, пойми, мы погибнем, если не развернемся!

Тут я взорвался:

— Да ты глупец! Вы все глупцы! Как вы можете говорить и думать такое? Вы требуете, чтобы я пошел против Господа нашего? Вы желаете развернуться против Его воли? Мы погибнем, если воспротивимся воле Господа нашего! Иначе будем жить, даже если тела наши иссохнут! Бог послал нас с Небес сюда, и мы должны выполнять Его завет!

Сим задрожал от негодования и повысил на меня голос:

— Но ты не чувствуешь больше Господа! Он покинул тебя, и наша жизнь сейчас зависит только от жалкого голубя, который и летать разучился!

Моя чаша терпения переполнилась. Я встал во весь рост, возвысившись над Симом, схватил наглеца за горло, легко подбросил его в воздух и с силой бросил на палубу в сторону остальной семьи. Все стояли ошарашенные, а Сим жалко ползал по палубе как раздавленный таракан.

Тут выступил мой средний сын Хам и сказал резко:

— Отче наш, ты меня разочаровал. Как ты можешь быть таким жестоким и не слушать никого? Ты обязан развернуться.

Я в гневе схватил Хама, потряс его и закричал:

— Ты, Хам, цыпленок! Не ведаешь ты, что говоришь! Жалкий отпрыск. Я буду слушать лишь Господа, а не тебя!

Хам залился слезами:

— Но Он больше ничего не приказывает тебе!

После эти слов я поднял Хама вверх и бросил в сторону Сима. Он упал рядом и скорчился.

Вперед выступил Иафет и закричал, размахивая руками:

— Этим водам нет края, и мы утонем. Отец наш, ты погубил нас! Все кончено!

Злость завладела мной. Мне хотелось разорвать Иафета на части и выбросить в море. Я выхватил нож и заорал:

— Уничтожу каждого, кто пойдет против Бога!!!

Вдруг ковчег сильно ударился о подводную скалу, накрепчился и ударился второй раз еще сильнее.

Удар был такой силы, что нас подбросило в воздух, и все свалились на палубу.

В то же время на нас хлынула вода, и я понял, что судно разбито. Женщины в испуге завизжали:

— Что это?

Я увидел, что вода быстро заливает трюмы через огромную выбоину.

— Мы тонем! Надо спасать всех! — закричал я.

Тут Ноэма, моя карга, подняла свой кривой палец в воздух и произнесла с дрожью в голосе:

— Смотрите, голубь вернулся!

Быстрокрылый прилетел с веточкой в клюве.

Я заорал:

— Суша!!!

Это было избавление! Берег близко, и мы доплывем до него!

Ничего не говоря, я схватил всех женщин, вскинул их себе на спину, и перед тем как прыгнуть в воду, закричал сыновьям:

— Открывайте все трюмы! Выпускайте животных на палубу и ждите моего возвращения!

Я прыгнул, и вода поглотила меня, однако я вынырнул и поплыл, еле справляясь с тяжелой ношей. Я держал трех женщин и тащил их за собой по мутной воде. Быстрокрылый летел впереди, указывая путь. Скоро силы мои начали таять. Женщины барахтались и бултыхались за спиной, и это сильно утомляло. К тому же они беспрерывно причитали, что мешало мне сосредоточиться.

— Не дергайтесь! — приказал я им.

Они утомонились.

Но мои силы иссякли: «Все, начинаю тонуть» — думал я, но, к счастью, нащупал скалистое дно и начал судорожно цепляться ногами за подводные выступы. Я сильно поранился об острые камни и почувствовал, как кровь полилась из ран. Но несмотря на это продолжил двигаться вперед, и мы вышли на сушу.

— Господь мой, благодарю Тебя! Ты услышал мои молитвы!

Я положил плачущих женщин и принялся осматривать свои окровавленные ноги.

«Надо бы остановить кровотечение», — подумал я.

Однако времени не было и я прыгнул обратно в воду, крикнув Быстрокрылому:

— Веди меня обратно к ковчегу, друг!

Голубь заворковал в воздухе:

— Да, веду, веду.

Ковчег стремительно тонул. Я забрался на палубу и поплелся, оставляя за собой кровавый след.

Слава богу, сыновья сумели открыть все трюмы, но до смерти перепуганные животные в панике забились по углам. Надо было немедленно уговорить их, и я приказал:

— Спокойствие!

Животные остановились, замороженные, и уставились на меня.

Я продолжил:

— Криками и неистовством вы погубите себя! Следуйте моим приказам, и спасетесь. Те, кто умеет плавать, прыгайте в воду и следуйте за мной. Те, кто плавать не умеет, пусть цепляются за плавающих. За мной!

Я схватил своих сыновей, перекинул их через плечо и прыгнул в воду, подавая знак Быстрокрылому. Голубь меня сразу понял и полетел к берегу, указывая путь. Я поплыл за ним, надеясь, что вся компания следует за мной. Плыть во второй раз оказалось гораздо сложнее. Силы быстро оставляли меня а ноша была тяжелее. Однако я добрался до суши, где нас ждали женщины.

Сим закричал радостно:

— Мы спасены!

Все трое упали к моим ногам и зарыдали:

— Прости нас, отче! Ты опять нас спас! Накажи нас!

Но на разговоры у меня не было времени.

Я посмотрел на море, и понял, что большинство животных спаслось. Одни уже отряхивались, а другие карабкались на берег. Посмотрев наверх, я нашел взглядом Быстрокрылого и сказал:

— Отлично! Плыдем обратно. Надо убедиться, что помощь уже никому не нужна!

Добравшись до ковчега я увидел, что он почти весь под водой. Я вскарабкался на площадку, откуда долгое время управлял, и с грустью окинул взглядом тонущее судно.

Казалось, что все спасены, но в самый последний миг я заметил сундучок с лозой, который стоял на столике. Вот, что осталось спасать!

Лоза не умеет плавать!

Однако я очень ослаб. Ноги продолжали обильно кровоточить. Не знаю, смогу ли доплыть до берега. Я обратил свой взгляд к небу и крикнул Быстрокрылому:

— Спустись ко мне и возьми лозу. Это наш Эдемский дар, и мы не можем его потерять. Неси лозу к берегу. А я доплыву... Возможно...

Открыв сундучок, я подбросил гроздь в сторону Быстрокрылого. Он ловко поймал!

— Молодец, Бесстрашный-Быстрокрылый! Лети к суше и сохрани лозу! — крикнул я.

Голубь заслужил это звание! Он сделал круг над моей головой и полетел к берегу.

Я вздохнул и со спокойной душой смело прыгнул прямо в мутную синеву.

Тут меня ослепила яркая вспышка синего света знакомых лампочек на потолке коридора моей собственной клиники.

Девятая глава

ПРЕДОТВРАЩАЯ

НЕСЧАСТЬЕ БЕЗ РУК

Я скользил за своим бесчувственным телом, которое катили на носилках медсестры скорой помощи. Рядом шагали Майя с Софи, а навстречу спешили Нана и Гурий.

Я обещал Нане вернуться к вечеру, вот и вернулся. На колесах, и в форме полугруппа с историей госпитализации на груди, но...

Что делать? Это удар судьбы!

Нана негодовала:

— Не может этого быть! Что с ним случилось? Пару часов назад он вышел отсюда совершенно здоровым. Как такое возможно?

Гурий нервно покачал головой, быстро просмотрел анкету и обратился к Майе:

— Каков ваш диагноз?

Майя ответила уверенно:

— Думаю, апоплексический удар. Когда приехали, он уже был неконтактабельным. Реакции отсутствуют, давление высокое, пульс слабый.

Гурий открыл мой перекошенный рот, осмотрел язык и сказал заплаканным красавицам:

— У него аспирация. Срочно в реанимацию, очистим дыхательные пути, а потом сразу на томографию.

Красавицы покатали носилки дальше, и меня потянуло за своим телом в сторону реанимации.

Я почувствовал вибрацию беседы из кабинета Наны.

Нана допрашивала Майю:

— Где это случилось и как?

Майя ответила уверенно:

— Он потерял сознание в машине Софи, которая сразу вызвала скорую. Мы приехали в считанные минуты. Все было оперативно.

Нана с некоторым подозрением посмотрела на Софи и спросила:

— Вы из фармацевтической компании? Кажется, я вас знаю.

— Да, мы поставляем вам препараты, — ответила Софи.

— Вы дружите с Николаем?

Софи кивнула, а Нана сказала:

— Надеюсь, все будет хорошо.

— Я тоже надеюсь. Итак, все бумаги заполнены, жена Николая в курсе и приедет сюда. Вот его мобильный и личные вещи. Думаю, я могу идти, — ответила Майя.

Встала и Софи.

— Я тоже пойду.

Но уйти они не успели. Дверь кабинета резко открылась, и на пороге появилась Мария в сопровождении министра здравоохранения Владимира Кабинетова, который говорил по мобильному:

— Да, да, господин президент, вот мы уже на месте. Сейчас все узнаем.

От неожиданности у Наны подкосились ноги. Она начала мямлить:

— Ой, прошу вас, господин Кабинетов, Мария, проходите, садитесь.

Кабинетов, пыхтя, пронес свое грузное тело до рабочего стола Наны, там разместился в кресле как хозяин и всех поприветствовал:

— Здравствуйте, девочки.

Мария же резко спросила:

— Где он?

— В реанимации. Его привезла врач скорой помощи Майя. — ответила Нана.

В сторону Майи Мария даже не посмотрела, она уперлась взглядом в Софи и спросила:

— А вы кто?

Ей ответил Кабинетов:

— Это Софи, менеджер по продажам фармацевтической компании. Мы сотрудничаем с ней. Точнее, с ними.

Мария спросила резко:

— Что она здесь делает?

Софи объяснила:

— Я коллега Николая. Мы вместе были на встрече.

— На какой встрече? — допытывалась Мария.

Софи сказала:

— В гостинице «Камертон». Нас туда пригласил мистер Кэтчер, владелец «Кэтчер Лабс».

Кабинетов наострил уши:

— Что? Кэтчер здесь? Почему он не сообщил мне о своем приезде?

Мария не обратила внимания на вопросы министра и продолжала задавать свои:

— Это случилось в «Камертоне»?

Тут вмешалась в разговор Майя:

— Нет, это случилось в машине Софи, на улице. Они ехали вместе.

Мария подняла брови и спросила с сомнением:

— Куда вы ехали?

Софи ответила ей:

— Послушайте, мы были на деловой встрече у Кэтчера.

Министр перебил ее:

— Интересно, что вы обсуждали с Кэтчером?

Не скрывая раздражения, Мария строго сказала Кабинетову:

— Да подожди ты! Какая разница, что они обсуждали.

Софи предпочла все-таки ответить на вопрос министра:

— Мы обсуждали интересное деловое предложение. Я с удовольствием ознакомлю вас с ним позже, если захотите.

Министр кивнул:

— Да, да. Ознакомьте обязательно. Я жду вас в любое время.

Кабинетов бросил вожделенный взгляд на декольте Софи, а Мария продолжала допытываться:

— Итак, куда вы ехали?

Софи прикрыла рукой грудь, чем вызвала еще один вожделенный взгляд министра, и ответила спокойно:

— Мы никуда не ехали.

— Как это, никуда?

— Мы не успели обсудить маршрут. Ему стало плохо.

Тут министр сменил тему:

— Перейдем лучше к делу. Какой диагноз у Николая?

Нана ответила ему:

— Инсульт. Это предварительный диагноз. Сейчас доктор Гурий прочищает дыхательные пути.

— Данные томографии есть?

— Нет еще.

— Почему?

— Его только что привезли.

Министр сказал:

— Все ясно. Нам надо вызвать Кайлаша Кейва.

Нана застыла в изумлении:

— Кого? Сам Кайлаш Кейв здесь? Это же великий нейрохирург из Индии! Он лучший в этой области!

— Он приехал по нашему приглашению для проведения мастер-класса в Медицинском университете. Я сейчас договарюсь с ним и отправлю водителя, — ответил министр.

— Нам повезло, что он сейчас здесь, — сказала Мария.

Министр тем временем набрал номер:

— Вот, он ответил. Ало, Кайлаш, хай, ви хев емердженси хиар. Ай нид ер хелп. Ю шуд кам имидиетли.

Договорившись с индусом, Кабинетов послал ему машину и обратился к Майе:

— Вы уже можете идти. Спасибо вам за оперативность. А вас, Софи, я жду в любое время.

Он особо подчеркнул словосочетание «любое время».

Майя и Софи удалились под подозрительным взглядом Марии.

Министр обратился к Нане как к официантке:

— Кофе есть?

Нана с готовностью ответила:

— Да! У нас отличный кофе. Я сейчас.

* * *

Всю эту беседу я не слышал, а впитывал суть, наблюдая за мельчайшими деталями происходящего в кабинете Наны. В то же время я видел свое бесчувственное тело в руках

Гурия. Он безжалостно терзал меня, засунув катетер глубоко в нижние части дыхательных путей, и говорил красавицам:

— Аспирация. Желудочный сок с не переваренной пищей в бронхах. Кошмар.

Я сам не раз проводил аспирационное дренирование, но никогда не думал, что это настолько жутко выглядит сверху.

Мое тело дергалось в странных судорогах при каждом движении Гурия.

Однако я был совершенно безразличен к судьбе своей засоренной гортани. Благодаря неожиданно открывшейся способности чувствовать разговор на расстоянии, мое внимание было привлечено разговором Майи и Софи.

* * *

Выйдя из кабинета Наны, они дошли до двери лифта, и тогда Майя сказала:

— Не волнуйся, все будет хорошо.

— Какая она гадюка. Ты видела, она смотрела на меня, как на проститутку, — ответила ей Софи со злостью в голосе.

— Не драматизируй. Сделай глубокий вдох и задержи дыхание. Давай вместе, — успокоила подругу Майя.

Они вдохнули глубоко.

— Ну, как? Полегчало?

— Да, так полегчало, что хочется выброситься с высокого моста в пропасть, — грустно покачала головой Софи.

Майя покачала головой:

— Лучше поезжай со мной. Будем спасать других самоубийц.

Софи усмехнулась, и тут у нее зазвонил мобильный. Она посмотрела на экран и сказала:

— Смотри, Кэтчер звонит.

— Так, отвечай скорей. Отойдем в сторонку, чтобы никто не помешал и включи громкоговоритель, очень хочется послушать.

Софи включила громкую связь и ответила на звонок:

— Слушаю.

— Кэтчер здесь. Как у вас дела?

— Не очень хорошо.

— Что случилось?

— После встречи с вами Николаю стало плохо. Сейчас он в реанимации центра неврологии.

Последовала пауза, затем Кэтчер сказал:

— Очень надеюсь, что с ним все будет хорошо. Он отличный специалист. Я звоню, чтобы спросить, не свободны ли вы сегодня вечером. Я бы хотел обсудить детали нашего сотрудничества за ужином. У вас есть время?

Услышав предложение Кэтчера, Майя зашептала:

— Не отказывай! Не смей!

Софи поколебалась и сказала:

— Да.

— Отлично! Тогда я заеду за вами в восемь.

— Да.

Софи отключила телефон, а Майя обняла ее:

— Молодец! Нельзя было отказывать! Такой шанс! Не забудь про меня тоже. Вместо умирающих буду возить энергетики. Как он там называется? «Кайфун»?

Софи устало улыбнулась:

— Я, наверно, ужасно выгляжу.

— Выглядишь супер! Пойдем, я тебя подвезу домой. Надевай то же самое платье, что и в Германии, и больше Кэтчеру не отказывай.

Софи рассмеялась:

— Ну ты и развратница.

— Это не разврат! Это бизнес. И не наша вина, если деньги перемешаны со страстью. На самом деле я завидую тебе белой завистью. Мужчины так легко западают на тебя! Ты заметила, как смотрел на тебя Кабинетов? И как тебе это удастся? Научишь?

Они вошли в лифт.

А меня опять взяла злость, я начал бессмысленно метаться по пространству, однако голубая ниточка дернулась и вернула мою сущность в покой реанимации, где я увидел продолжение ужасного зрелища собственной интубации.

Боже! Лучше бы он оставил мои трахеи в блевотине.

К счастью, все скоро закончилось, и меня покатали на томографию. Точнее покатали мое туловище, а я сам задержался у кровати Аниты.

На подушке красиво лежали ее чудесные волосы, которые освещали все помещение. Она выглядела такой же спокойной, как во время операции, но дышала тяжело.

С ней что-то неладное.

Я направил внимание на девочку, поплыл и стрелой проник в нее. Меня сразу сдавило ее отрывистым дыханием, вдоль и поперек молниями проносились слабые импульсы нервных волокон, но здесь не было живых мыслей, образов и страстей. Ничего похожего на то, что происходило внутри Софи, когда я проник в нее.

Я находился в пустой пещере с причудливыми настенными детскими рисунками, похожими на искусство доисторических людей. Картинки были, но не было души.

Аниты здесь не было.

Где же ты, девочка? Куда сбежала? — думал я.

В тишине пещеры я услышал звуки капающей жидкости.

Кап-кап.

Этот звук мне не понравился. Неожиданно проснувшаяся интуиция подсказала мне, что здесь проблема с оттоком жидкости, и тут же я вспомнил про дренаж, который надо было проверить к вечеру и заменить при необходимости. Почувствовав это, я немедленно окунулся в медленную струю грязной реки, которая текла по какой-то трубке. Я понял, что эта река крови, смешанная со спинномозговой жидкостью.

Боже, кошмар какой!

Эта жидкость не должна течь!

Это смертельно опасно!

Поток надо остановить немедленно!

Мое внутреннее беспокойство завопило:

— Она умирает! Надо что-то сделать!

Откуда-то всплыло и название: ликворея.

С этим диагнозом немедленно пришло и решение: прочистить дренаж, проверить швы, наложить еще один, если надо, и прижать коллодийной повязкой!

Эту процедуру надо проделать немедленно!

Я даже вскочил, чтобы начать, но понял, что не могу: у меня нет рук.

Ужас выбросил меня куда-то наверх. На мгновение внутри меня взорвалась вспышка, которая осветила окружающую физическую реальность, и я четко увидел все, что происходило в покое реанимации. Меня уже вернули с аппарата томографии, и теперь над моим бесчувственным телом копошились красавицы, распространяя круги тревоги.

Где Гурий?

Я должен как-то внушить ему проделать все необходимые процедуры для спасения Аниты!

Эта мысль притянула меня к Гурию, который направлялся к Нане, но, открыв дверь кабинета, застыл в замешательстве, и тотчас прикрыл дверь.

Подоспела Нана с двумя чашками горячего кофе на подносе.

Гурий пролепетал:

— Мне показалось, или за твоим столом сидит Кабинетов?

Нана ответила полупшепотом:

— Сидит! Открой мне дверь и заходи за мной.

Гурий пропустил Нану с подносом вперед, а потом вошел сам.

Нана представила его:

— Познакомьтесь, это доктор Гурий. А это настоящий кофе из Бразилии.

Намереваясь внушить Гурию идею спасения девочки, я напрягся и стрелой пронзил его грудную клетку. Здесь на меня посыпались оглушительные удары ритмично бьющего сердца.

Я попал в миокард.

Сжимающаяся мышца чуть не раздавила меня и, борясь с удушьем, я заорал всей мощью духа:

— Эй, Гурий! У Аниты ликворея! Иди к ней быстрее и останови! Ты меня не слышишь? Ты оглох?

Он не воспринимал меня.

Его внимание было направлено наружу, и до меня докатился глухой вопрос министра:

— Каково ваше мнение по поводу состояния Николая, доктор Гурий?

За этим последовала волна быстрой вибрации, и Гурий ответил:

— Дыхательный путь был очень засорен желудочной массой. Я все прочистил. Скоро будет проявленный снимок компьютерной томографии, и тогда вся картина прояснится.

Я опять заорал всей мощью:

— Забудь ты про томографию! Спасай девочку, козел!

Он не понимал меня.

Он слышал министра:

— Прекрасно! Проследите лично за снимком и принесите заключение сюда. Надеюсь, Кайлаш Кейв будет здесь к тому моменту.

А я вопил:

— Не слушай его! Снимок сделают и без тебя! Иди к девочке!

Но Гурий игнорировал меня и ответил министру:

— Хорошо, сейчас сделаю...

Волна злости вытолкнула меня из него в пространство кабинета Наны.

— Ах ты глухой тупица, Гурий! Еще моим другом называешься! — негодовал я.

Тут я заметил Марию, которая задумчиво сидела в кресле с чашкой кофе. Я решил попробовать достучаться до нее! Может быть, поймет, что девочке нужна помощь? Я влетел в свою жену, и меня тут же смыло струей горячего кофе вперемишку с ее тревогами.

Раздался звонок телефона моей супруги, и я изнутри почувствовал ее ответ:

— Слушаю, господин президент.

— Как твой муж?

— Плохо.

— Держись. Ты очень нужна нам сейчас.

— Я стараюсь.

— У меня для тебя задание особой важности. Я хочу, чтобы ты отправилась выполнять его немедленно.

Мария удивилась:

— Как я оставлю Николая тут одного?

Президент возразил:

— Зачем одного? За ним присмотрит Кабинетов.

Мария заколебалась:

— Что нужно сделать?

— Позвони немедленно Крикунову и назначь встречу.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила лидеру оппозиции и вступила с ним в переговоры?

— Да, и очень тесные переговоры...

— Что ты имеешь в виду?

Президент объяснил:

— Ты должна поговорить с ним в приватной обстановке и добиться прекращения пикетов.

— Что случилось? Мы же договорились не обращать на них внимание. Пусть себе стоят и кричат.

— Договорились, но сейчас все изменилось. Всемирный банк отказывается проводить переговоры по поводу предоставления следующего транша по кредитам, пока мы не восстановим спокойствие. Это для нас жизненно важно! Я не могу допустить осечки со Всемирным банком, и поэтому мне нужно, чтобы Крикунов приостановил свои протесты. А ты можешь его убедить!

— Как?

— Он тебя послушает.

— Почему ты так думаешь?

Президент сделал паузу и ответил, взвешивая слова:

— По моей информации он запал на тебя. Он тебя хочет...

— Что?

В Марии начала просыпаться тревога.

— Я знаю об этом давно, но пока придерживал этот козырь. Ты сама ничего не замечала? — продолжал президент.

— Нет, хотя он вел себя странно.

— Цветы посылал? Духи? Послушай, ты должна это сделать для блага всей страны! Считай, что это твой прямой путь к посту председателя парламента.

На меня полилась смесь всевозможных гормонов из разных желез Марии.

— Хорошо, я сейчас позвоню ему, — ответила она.

Тут я увидел образы ее оживших мыслей.

Вот она вместе с Крикуновым идет по красному ковру прямо к пьедесталу с креслом председателя парламента. Они одеты как жених и невеста. Вдруг Крикунов подхватил ее и понес к этому креслу как к алтарю.

Мария сразу заполнилась приятным чувством карьерного скачка, а я загорелся жутким огнем негодования. Злость и ревность выбросила меня из Марии вон, и мне вдруг захотелось выпить стаканчик чего-нибудь крепкого и закурить сигарету. Это желание почти затмило стремление помочь девочке, однако какая-то другая сила помогла, и меня осенило!

Ию, мать, она поймет!

Я проникся единственным желанием увидеть Ию, и это желание бросило меня прямо сквозь стены, через палаты, в темный уголок напротив лифта. Там у окна стояла убитая горем женщина и тихо плакала, стараясь никому не показывать слезы.

Кстати, где отец?

Не время для вопросов.

Я сконцентрировал свои духовные силы на единственной идее о том, что немедленно нужно сменить трубку дренажа Аните, и устремился во вздрагивающее от плача тело Ии.

Она ничего не почувствовала, и я заорал всей душой:

— Перестань ныть! Нужно проверить дренаж Аниты, наложить еще один шов и прижать гигроскопической ватой!!!

Я больно пронзил ее непонятным словом — ликворея.

Боже, сколько же сил это отняло!

Тут же меня настигла убийственная дремота, и я понял, что проваливаюсь в бессознательное.

Но в самый последний момент я почувствовал, что Ия направилась в сторону покоя реанимации.

Неужели я достучался до нее?

Вот она бежит.

Ей преграждает путь охранник.

Ия прорывается и кричит:

— Мне надо увидеть доктора Николая!

Охранник непреклонен:

— Вы не можете сейчас с ним говорить.

— Тогда анестезиолога! Кого-нибудь!

— Подождите.

— Нельзя ждать!

— Успокойтесь, врач выйдет к вам.

— Нет! Будет поздно! Пропусти меня!

На шум вышла Нана из кабинета:

— Что происходит?

Но Ия уже не слушает никого, толкает охранника, бежит по коридору, врывается в покой реанимации, бросается перед Гурием на колени и молит:

— Пожалуйста, проверьте дренаж Аниты! Надо наложить специальную вату! Я слышала слово... Ликворея! Что это такое?

Гурий обернулся.

— Ликворея? Это истечение спинно-мозговой жидкости.

Гурий в это время рассматривал данные моей томографии, а я мысленно приказал ему из последних сил: «Оторвись!» — и влетел в Гурия.

Тот вздрогнул.

В это время Ию схватили, но было уже все равно.

Гурий понял!

Он быстро подошел к Аните, увидел желтоватые пятна на повязке и немедленно приказал красавицам:

— Проверяем дренаж! Срочно принесите гигроскопическую вату! Возможно, понадобится наложить еще один шов.

Слава Богу!

Пару минут спустя все было сделано, шов наложен, и Аните сразу полегчало.

Последнее, что я почувствовал, было недоумение Ии, когда она увидела мое тело:

— Что с Николаем? Почему он лежит здесь? Он умер?

Ей никто не ответил. Оставшаяся у моей кровати медсестра занервничала:

— Пожалуйста, выйдите отсюда, вам нельзя здесь находиться.

Охранник силой выдворил Ию, и в коридоре она чуть не столкнулась с индусом.

Это был Кайлаш Кейв. Он держал в руке снимок моего мозга и за ним следовала свита из студентов.

Врач рассуждал вслух:

— Типичный случай обширного кровоизлияния в мозг, то есть апоплексический удар. Пациент в коме, что ослож-

няет состояние. Есть высокая вероятность быстрого образования гематом. Наиболее приемлемый метод лечения на данном этапе — краниотомия. Вскрытие поможет снизить внутричерепное давление и очистить мозговую оболочку от гематом.

Я устал, и мне это было безразлично.

И сознание мое потухло.

Я медленно ушел в сон, и в моих видениях опять ожила тревожная действительность Ноя.

Десятая глава

РАДУГА ЗАВЕТА

Я лежу на влажной земле, а надо мной — прекрасная золотистая гроздь спелого винограда. Сочные ягоды переливаются янтарным свечением, купаются в теплом сиянии лучей восходящего солнца, черпают прелесть существования, упиваются милостью Божией, снизошедшей на них с небес. Кажется, лоза чувствует мимолетность существования, конечность физического бытия, но это ее вовсе не заботит. Она просто есть, а ее плоды просто зреют на радость человека, дарят вкус солнца и Божественную вибрацию, которую вбирают в себя весь год. Радость тому, кто попробует эту прелесть.

А для меня это блаженство: лежать вот так на влажной земле и наблюдать, как дозревает эта великолепная и неповторимая лоза от Господа Бога моего.

Я все помню!

Знаю, что ее принес мне Бесстрашный-Быстрокрылый из сада Эдемского, из которого я и спустился в нижние океаны тверди.

Я взрастил ее с любовью и благоговением, ибо это единственное сокровище, оставшееся у меня от Бога.

Через нее я ищу Господа, которого потерял после нисхождения.

Я встал перед лозой на колени, уперся в мокрую почву и начал молиться:

— Господи, я обращаю свой взор и свои чувства к Тебе одному! Я Твое создание и частица Тебя Великого! Я был рожден в Тебе от животворящей искры Твоей, и я был полон огнем Твоим! Ты послал меня в путь по нисходящим водопадам океана Твоего, и я следовал зову, покинул Эдем и теперь нахожусь там, где Ты указал мне быть, но я потерял Тебя. Я больше не чувствую Твое присутствие, мне не является Образ Твой лучезарный, и я в смятении. Где искать Тебя? С последней надеждой взираю на лозу Твою, возвращенную в саду Эдемском, ища в ней путь к Тебе. Боюсь погибнуть, ибо вместо Тебя встает передо мной образ Черно-Белого Ангела. Он наставляет, указывает путь, но я вижу, что это не Твой путь, не Твой Светлый Образ. Он уводит меня в сторону, а Великая Мощь Твоя спит во мне. Молю Тебя, Бог мой, проснись в душе моей, яви мне видение Твое, чтобы я знал, что не брошен.

Я закрыл глаза, но вместо Бога я слышал лишь пение птиц и шуршание листьев.

Вдруг в безмолвии громом грянул трубный голос:

— Господин мой, я вернулся.

От неожиданности я свалился на землю, а человек, который произнес испугавшую меня фразу, в беспокойстве подбежал ко мне:

— Отче мой, прости, я не заметил, что ты молишься. По своей неосторожности я потревожил тебя.

Он помог мне встать и я увидел перед собой усталого вида бородача.

— Ты кто?

Он сказал со смирением в голосе:

— Я Хам, твой средний сын.

Я отозвался на его слова удивленным эхом:

— Ты Хам, мой средний сын?

Он ответил:

— Да, отче, господин мой, я верный раб твой.

Тут из-за спины Хама выступила девушка. Она скромно улыбнулась мне и поклонилась в знак полного повиновения.

Я бегло рассмотрел ее, нашел привлекательной и спросил Хама:

— Кто это с тобой?

Он взял за руку девушку и ответил:

— Это жена моя, Хамуталь. Неужели ты нас не узнаешь?

— Может быть... Что же вы делаете тут, в моем винограднике?

Хам ответил:

— Мы по твоему поручению.

— Какое поручение?

Хам объяснил:

— Отче наш, ты должен помнить, что мы помогаем тебе во всех деяниях твоих, но не понимаем, что ты делаешь и ради чего. Мы лишь беспрекословно выполняем все твои приказы. Вот вчера ты послал нас в город за едой и посудой. Сейчас мы вернулись и все принесли. Здесь кушанья, кувшин и чаша. Все перед тобой.

Хам указал на две большие корзины с едой в глиняной посуде.

Я спросил:

— Откуда вы это принесли?

Хам ответил:

— Из нашего города Фарабун. Он выстроен у подножия этой горы. Мы возвели его по твоим мудрым указаниям за триста пятьдесят лет после потопа.

Я грозно посмотрел на Хама и прошипел:

— Это был не потоп, а нисхождение из Эдема! Как ты не понимаешь?

Хам виновато опустил голову:

— Конечно, мой Господин! Прости, я оговорился. Как только закончилось наше нисхождение из Эдема, мы сразу

начали воздвигать Фарабун. Теперь это величайший город. Вон он, у подножия твоей горы.

Только сейчас я обратил внимание на то, что в долине, вдоль морского побережья раскинулся белый город. Дома и дворцы были выстроены в прекрасные ряды вдоль широких, вымощенных улиц. В бухте виднелась пристань и большие корабли на якорях. В центре возвышался храм с огромными золотыми куполами.

Я сказал полушепотом:

— Триста пятьдесят лет? Как быстро летит время!

— Да, мой Господин, — ответил Хам, — За это время Фарабун вырос! Сейчас у тебя, мой Господин, уже двести внуков, три тысячи правнуков и бесчисленное количество праправнуков. Многие уже уехали исследовать и населять другие земли.

Я кивнул, и сказал:

— У тебя есть старший брат, мой первенец. Как он?

— Сим стал настоящим учителем, создал школу. Он воспитывает всех детей Фарабуна. Он трудится во славу Господа нашего и уже вырастил много поколений.

Тут моя память начала оживать, и я вспомнил о своем третьем сыне:

— А что делает твой младший брат, Иафет?

Хам ответил:

— У него большая лавка.

— Он торговец?

— Нет, хранитель. Ему приносят все лишнее, а он выдает нуждающимся необходимое. Через него люди делятся, сдают излишки урожая, изделия, товары и берут кому что надо. Каждый может взять у Иафета любую вещь или еду. То, что мы тебе принесли, было взято у него. Кстати, он с нетерпением ждал плодов твоего виноградника, чтобы раздать желающим, однако, ты отказал ему. Вместо того чтобы собрать урожай и угостить всех, как мы все делаем, ты решил поступить иначе.

Я удивился:

— Неужели? Что же я сделал?

Хам объяснил:

— Ты возжелал отжать виноградный сок так, как тебя научил Черно-Белый Ангел. Он является только тебе, и ты с ним говоришь.

Я вспомнил:

— Ты прав! Ко мне приходит Черно-Белый Ангел. Именно он подсказал, что через лозу я познаю Бога, если отожду виноградный сок.

Хам продолжил рассказ:

— Так вот, ты послал меня с Хамуталь за бочками. Мы нашли мастера и изготовили три большие бочки, которые привезли их. Потом мы отжали в бочки весь урожай винограда так, как учил тебя Черно-Белый Ангел.

Теперь я все отчетливо вспомнил и обрадовался:

— Да, Черно-Белый Ангел наказал отжать сок в бочки, настаивать и помешивать. Он говорил, что сок начнет бродить, превратится в Божественный напиток и, выпив, я вновь познаю Бога!

Хам тоже обрадовался:

— Именно так все и было, мой Господин! А вчера ты послал нас в город принести посуду, для того чтобы попробовать Божественный напиток впервые. Вот глиняный кувшин, вот и чаша.

Хам поднес к моим ногам корзину с посудой и едой.

— Где же мои бочки с соком? — спросил я.

Хам указал в сторону легкой постройки, на которую я не обратил внимания и ответил:

— Ты сам поставил их туда.

Я посмотрел и замер в ужасе. У дверей постройки сидел улыбающийся Черно-Белый Ангел.

Я воскликнул:

— Смотрите! Видите?

Хам с женой оглядывались в замешательстве.

— Там нет ничего, — удивился Хам.

Тем временем Ангел подмигнул мне, в мгновение ока очутился рядом и сказал шепотом:

— Вот и настал час испробовать Божественный напиток!

Иди, не стесняйся!

Я посмотрел ему в глаза с сомнением и спросил:

— Ты меня не обманываешь?

Он принял совершенно невинный вид и ответил:

— Как я могу тебя обманывать? Ты же сам его изготовил.

Я возразил:

— Ты меня научил.

— Я лишь подсказал.

Меня охватило волнение, и я спросил:

— Ты обещаешь, что этот сок возвысит меня до Господа нашего, и я увижу Его?

Ангел покачал головой:

— Я не Бог, чтобы давать обещания. Я всего лишь Ангел, к тому еще и Черно-Белый. Однако могу заверить, что видел людей, которые утверждали, что летают от этого сока к Богу.

— Отче наш, с кем же ты говоришь? — спросил недоумевая Хам.

Я ответил ему:

— Слушай, сын мой. Я вижу видения. Мне является Черно-Белый Ангел. Он хочет, чтобы я выпил этот сок из бочки, и говорит, что это путь к Господу Богу нашему. Я не знаю, что делать. Я в сомнении.

Хам ответил:

— Отец мой, мы все не раз ели виноград, и после этого ничего плохого не происходило. Что же худого ждать от сока?

— Да, да. Я попробую, даже если погибну, — кивнул я.

Я пошел к бочке и чувствовал, как Черно-Белый Ангел пристально следит за мной. Хам шел рядом. Я открыл крыш-

ку. В бочке была странная жидкость цвета мутной мочи, в которой я сразу увидел отражение Черно-Белого Ангела.

Я возмутился:

— Ты в соке?

Он ответил из-за моей спины:

— Нет, мой дорогой. Я позади тебя, а это лишь мое отражение.

Хам достал чашу, зачерпнул из бочки сок и подал мне. Я принял из его рук чашу, поднес ее к губам, вдохнул странный аромат и выпил со словами:

— Да пребудет со мной Господь мой!

Прохладная жидкость разлилась по жилам. Приятные токи сразу разбежались по всему телу. Тонизирующая вибрация медленно перешла в возвышенное дрожание. Что это? Я чувствовал подъем души. Или это было только похоже на восхождение?

Переживаемая от сока вибрация разбудила далекие воспоминания Эдемского пространства, и я подумал, что Бог вот-вот вернется ко мне.

Хам со своей молодой женой смотрели на меня с нетерпением, а рядом еще этот Черно-Белый.

Вдруг дрожь прошла, и кровь хлынула к голове.

Задрожав всем телом я приказал Хаму:

— Еще!

Он немедленно зачерпнул вторую чашу, и я выпил крикнув:

— Да пребудет со мной Господь мой!

Дрожь повторилась, в голову ударил дурман, и я почувствовал упорный взгляд Хама со спины.

Резко обернувшись, неожиданно для себя, я накричал на него:

— Чего палишься!

Он отпрянул. Я понимал, что теряю контроль над собой, и сам не свой зачерпнул чашу в третий раз.

Выпил до дна.

Мигом закружилась голова. Меня качнуло в одну сторону, потом в другую. Я осмотрелся, ища глазами Черно-Белого Ангела, но не увидел его, хотя и услышал шепот:

— Еще, еще! Пей больше! Бог любит пресыщение.

Я пробормотал в ответ:

— Да, еще.

И опять осушил полную чашу. Однако это лишь отдалило меня от Господа.

Я понял, что мой рассудок помешался. Понял, что Черно-Белый Ангел обманул меня.

Он водит меня за нос!

Я начал орать на него в бешенстве:

— Покажись, предатель! Что ты со мной сделал? Ты меня околдовал! Это не божественный напиток! Ты напоил меня дурманом! Я тебя поймаю и уничтожу!

Все кружилось и воспринималось искаженно.

Я начал хватать руками воздух, в надежде поймать предателя, кричал и сквернословил.

А он появлялся то тут, то там, но всякий раз ускользал от меня.

Наконец я схватил его за глотку, начал бить и орать:

— Вот тебе, негодяй! Вот тебе.

О, с каким удовольствием я уродовал его ангельское лицо! Потом мои сильные удары обрушились на его живот и пах! Потом я схватил Ангела за ноги и со всей силой стукнул головой о камень! Наконец, подбросил его высоко вверх и с удовольствием наблюдал, как он обрушился на землю.

Потом я понял, что устал.

В изнеможении опустил руки и только сейчас заметил, что вместо Черно-Белого Ангела, избивал бедного Хама.

Он валялся передо мной, жалкий и беспомощный. Но в нем не было ни капли злости. Он лишь удивленно вопрошал:

— Почему ты избил меня, отче? Ты великий человек! Ты придумал плуг и мотыгу, научил нас пахать, сеять и собирать урожай. Ты...

Он хотел продолжить, но из-за его спины выглянул гадкий Ангел и захихикал. Я заорал в неистовстве. Избитый Хам хромая убежал прочь.

Тут силы совсем меня покинули, и я свалился у бочки.

В глазах двоилось, голова кружилась, к горлу подступала тошнота, а мозги расплывались. Казалось, меня раскачивают на качелях, и сквозь муть пелены в глазах я увидел какую-то фигуру.

— Эй, кто там? Подойди ближе.

Я еле выговорил эти слова, однако силует двинулся в мою сторону, и скоро можно было разобрать смутные очертания девушки.

В это время напиток уже впитался во все клетки и играл во мне, превращая меня в непонятное существо.

— Кто ты? — спросил я незнакомку.

Она ответила:

— Неужели не узнаете? Я Хамуталь, жена Хама и ваша невестка. Вы только что избили моего мужа...

— Что тебе надо?

Она была в явном замешательстве:

— Я хотела помочь Хаму, но он убежал. Теперь я подумала, что надо помочь вам, потому, что вы погибаете.

Я огрызнулся:

— Я здоров! Мне очень хорошо! Оооочеееннь...

Она посмотрела на меня с подозрением, потом заглянула в бочку, а во мне вдруг заговорил голос Черно-Белого Ангела: «Пусть и она пьет».

Странно, что мне уже не хотелось бороться с ним. Ангел заиграл во мне, я встал перед ней во весь рост, наполнил чашу и приказал:

— Пей!

Она нерешительно посмотрела на меня, однако чашу взяла и поднесла к губам. Выпив все содержимое, она улыбнулась мне странной улыбкой вожделения.

Черно-Белый Ангел уже жил во мне как у себя дома. Он больше не советовал, а приказывал: «Дай ей еще!»

Он владел моим рассудком в дурмане, управлял моей искореженной душой, а я не мог ему сопротивляться. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, немедленно наполнил чашу и протянул невестке.

Она взяла, осушила и сказала припевая:

— Боже! Как хорошо!

Тут она запела и закружилась в обворожительном танце.

Девушка сделала несколько кругов, платье ее вдрут сползло, обнажая грудь. Она приблизилась ко мне настолько, что я почувствовал ее дыхание, и сказала:

— Теперь выпьем из одной чаши.

Это сразу вскружило мне голову и я ответил:

— Да.

Она сама зачерпнула, отпила и дала мне.

А Черно-Белый Ангел совсем разыгрался в моей душе: «Смотри, какая у нее восхитительная грудь! Какие у нее прекрасные губы! Попробуй ее на вкус, и ты постигнешь Господа!»

Я уже не мог остановиться, выпил, обхватил ее за талию, прижал к себе, а она не сопротивлялась. Мы сбросили одежду.

И я взял ее тут же, под бочкой.

А она взяла меня, и мы забылись в пьяном сне.

Помню, что потом девушка разбудила меня, чтобы выпить еще и мы опять впали в забытье.

* * *

Проснулся я в мерзком состоянии: голова забита камнями, во рту глина, глаза как два кирпичика в глазницах. Горло пересохло, сердце подавало признаки мерцания, а желудок

провалился в кишку, где этот адский сок коварно продолжал бродить. Сделав невероятное усилие, я открыл глаза и увидел голую Хамуталь, лежащую рядом. И я сам голый. Боже! Я переспал с собственной невесткой?! Какой срам!

Вдруг послышался шорох травы и плач. Я осмотрелся. Над нами стоял рыдающий Хам, а за ним — моя угрюмая карга.

Черно-Белый Ангел злорадно хихикнул. Это он меня погубил! Это он меня совратил! Взбешенный от ненависти к этой гниде, которая так ловко поселилась во мне, я вскочил на ноги. Однако как мне его изгнать из себя? Как отделаться от этого червя в моей душе?!

Я загорелся изнутри и заорал на Ангела:

— Будь ты проклят на веки вечные! Ты лжец! Ты Сатана!

Хам решил, что мои слова обращены к нему, и зарыдал сильнее:

— Отец, что ты говоришь? В своем ли ты уме?

Черно-Белый Ангел продолжал глумиться внутри меня, торжествуя:

— Я Сатана! Я хозяин Земли! А ты теперь мой! Я владею твоей душой! Теперь от меня не уйдете ни ты, ни твои потомки!

Вернувшийся ко мне здравый смысл подсказал, что я погибаю. И погибает все мое потомство вместе со мной.

Душа кричала: «Спаси всех!»

А я кричал на предателя:

— Ты ничем не владеешь!

Он расхохотался, а я побежал как сумасшедший к городу Фарабун, не обращая внимания на то, что бегу совершенно голым.

Склон был длинным, однако до городских ворот я добежал в считанные минуты.

Вот я уже мчусь по красиво вымощенным улицам. Вокруг меня мелькают удивленные лица моих родственников. Они

выскакивали из домов, в недоумении показывали на меня пальцами и, не зная, что сказать, шептались:

— Ной бежит голый по улицам Фарабуна.

— Ной сошел с ума.

— Он одержим.

Они были правы.

Я одержим единственной мыслью: изгнать из себя беса, который продолжал злорадствовать во мне: «Беги, беги! От себя не убежишь!»

Я не ответил и скоро достиг величественного храма с золотыми куполами.

Как ураган я ворвался внутрь. Там шла служба, и перепуганные прихожане застыли в оцепенении. Первосвященник стоял у жертвенника и держал в руке факел. Быстро оглядевшись, я увидел то, что искал — кувшин с маслом. Он стоял в углу. Я подхватил его, облился маслом, вырвал факел из рук первосвященника, бросился на жертвенный камень и поджег себя...

Масло вспыхнуло мгновенно.

Я загорелся и заорал:

— Бог мой! Господь мой! Владыка! Я приношу себя в жертву. Я пал из Эдема в грех, подобно праотцу моему, Адаму. Прими мою душу в жертву, дабы грех мой не пал на сынов моих.

Последнее, что я услышал, был отчаянный глас Черно-Белого Ангела:

— Это тебе не поможет!

Он начал хрипеть и удаляться от меня вместе с дымом.

Запахло жареным, и сквозь нестерпимую боль, перед тем как окончательно потерять сознание, я услышал в себе голос.

И я сразу узнал Его!

Господь Бог заговорил со мной!

Он проснулся во мне перед самой смертью!

И сказал Господь:

— Я создал тебя Человеком! Я создал тебя мужчиной и женщиной и оживил вас обоих Божественной искрой. Я создал Землю, Воду, Воздух и Огонь и населил Вселенную жизнью! И дал все блага тебе в пользование. Создал свободный выбор и послал тебя на землю размножаться и жить в счастье и в гармонии. А ты насадил виноградник, сделал из него дурман и по нашептыванию Сатаны впал в грех. Однако ты осознал падение и принес Мне в жертву себя самого. Я принимаю эту жертву. Вернись ко Мне, о блудный сын!

Тело мое горело, но душа рыдала от счастья!

Я покидал эту жизнь с умиротворением!

И последнее, что я услышал, был Глас Божий, который раздался в храме во всеуслышание:

И сказал Господь:

— Я постановляю такой завет Мой с вами и с потомством вашим, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа и не будет уже потопа на опустошение земли! Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением вечно-го завета между Мною и землею!

А первосвященник объявил:

— И жил Ной после потопа триста пятьдесят лет. Всех же дней Ноевых было девятьсот пятьдесят лет.

А на улицах Фарабуна торжествовали:

— Смотрите, радуга на небе!

— Это чудо!

— Бог с нами!

А я испарился с дымом и...

Уткнулся в потолок операционной.

* * *

Я вижу себя сверху.

Точнее, я вижу свое тело.

Оно находится в полусидящей позе. Голова закреплена скобами. Волосы побриты. Надо мной стоит Кайлаш Кейв.

Кругом аспиранты и ординаторы. Кто-то снимает видео. Это показательная операция.

Я почувствовал себя лягушкой в студенческой лаборатории биофака.

Точнее, не я лягушка, а тело мое.

В руках Кайлаша сверкает скальпель, он готов сделать трепанационный надрез.

Но моя сущность против!

Я не согласен!

Я не хочу!

Остановись! Не надо! Оставь меня в покое!

Сотни раз я сам стоял так над другими черепами в скобах, со скальпелем в руках, и даже не предполагал, что душа витает здесь же, под потолком, и она может быть против моего надреза!

Я не хотел, чтобы мое бедное тело трогали, потому что душе моей было лучше без этой обузы.

Ну его в помойку быстрее!

Скальпелем меня не вылечить!

Срок есть срок!

Мне хочется остановить хирурга, и я стрелой пронзил великого врача.

Он ничего не почувствовал.

Направил скальпель к голове.

Сделал надрез и...

Я в полутьме.

Сквозь затуманенный разум слышу бесстрастный голос из динамиков:

— Внимание, внимание, началась посадка в самолет. Пассажиров просим срочно пройти к стойке.

Что это?

Аэропорт?

Какая посадка?

Какой самолет?

Что за бред!

Я открываю глаза.

Надо мной стоит улыбающаяся незнакомая девочка.

Я спрашиваю:

— Что происходит?

Она отвечает звонким, прекрасным голосом:

— Мы полетим на самолете!

— Что?

— Ты должен встать и пойти за мной к стойке, чтобы нас посадили на самолет.

— Где мы?

Девочка рассмеялась, ее веселье разлилось цветными лучами по всему залу, и она сказала сквозь смех:

— Неужели ты не видишь? Это аэропорт! Вот посмотри, за стойкой выход к самолету. А я еще никогда не летала и мечтаю подняться над облаками. Там, наверно, так прекрасно и я найду радугу. Какая будет прелесть!

Голос из динамиков повторил объявление:

— Улетающих пассажиров просим срочно пройти к стойке.

Девочка сказала:

— Слышишь? Это зовут нас! Вставай! Хватит тебе лежать!

Удивляясь происходящему, я спросил девочку:

— Кто ты?

В ответ она опять рассмеялась и побежала:

— Идем скорее!

Только сейчас я заметил ее золотистые кудри, которые невозможно забыть.

Те, что я не побрил.

Я закричал:

— Анита?!

Она обернулась с улыбкой:

— Догоняй!

Наконец я поднялся и побежал за ней.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Наверное, лицо у меня перекошилось от оцепенения. Только сейчас, когда он замолчал, я понял, что все это время сидел и слушал его рассказ не двигаясь. Нога затекла. Кажется, я даже не моргнул ни разу. Краем глаза посмотрел на часы и с удивлением отметил, что уже семь вечера. А слушаю я его с девяти утра и даже не заметил, как пролетел весь день! Странно, что за все это время даже телефон не звонил.

Николай понял мое замешательство, указал на диктофон и сказал:

— Сейчас можно остановить запись.

Я нажал кнопку, и брякнул:

— А я вам не верю.

Он широко улыбнулся:

— Чему не верите?

Я ответил резко:

— Ни одному слову!

Он встал, положил на стол визитку с номером телефона и сказал:

— Главное, что вы заворожено слушали, а вера — понятие относительное. Если захотите узнать продолжение, звоните. Желаю удачи во всех ваших начинаниях.

Он поклонился, повернулся и исчез из кабинета.

Некоторое время я сидел, уставившись в стену. Потом скопировал файл с записью на жесткий диск.

Семь часов подряд!

Тут я понял, что ужасно проголодался, и поехал домой.

После ужина я начал рассказывать по комнате взад и вперед.

«Нет! Это не может быть правдой! — думал я. — Однако он великолепный рассказчик: наизусть продиктовал мне первую часть прекрасного романа! Но это все — его вымысел».

Потом я сел в кресло, перемотал запись, включил наугад и услышал слова доктора Николая:

«Я скользил за своим бесчувственным телом, которое катили на носилках медсестры скорой помощи. Рядом шагали Майя с Софи, а навстречу спешили Нана и Гурий.

Я обещал ей вернуться к вечеру, вот и вернулся. На носилках с историей госпитализации на груди. Но что делать? Получился удар судьбы!»

Я прослушал это место три раза подряд, и вдруг мне пришла гениальная идея!

Подбежав к письменному столу, я включил компьютер и набрал в поисковике: «Болезнь доктора Николая».

За те несколько секунд, пока компьютер выдавал результаты, я надеялся, что все окажется полной выдумкой, но полученная информация поразила меня: 5000 статей в новостях!

И заголовки:

«Известный на весь мир нейрохирург Николай попадает в собственную клинику в состоянии комы»;

«Известный нейрохирург из Индии делает краниотомию своему не менее знаменитому коллеге»;

«Врачи не знают, очнется ли доктор Николай»;

«Вот уже полгода, как доктор Николай в коме».

Значит, он не врал?

Я продолжил поиск, но не нашел ни слова о выздоровлении доктора Николая.

«Газетчики любят плохие новости, — подумал я, — о хорошем они уже не пишут, однако, видимо, он не лжет. Он выздоровел и даже выглядит помолодевшим».

Во мне проснулся журналист-следопыт, и я решил сходить в клинику доктора Николая за дополнительной информацией.

Я прибыл туда утром пораньше. Навстречу вышла санитарка и вопросительно посмотрела на меня.

— Здравствуйте, я бы хотел поговорить с доктором Николаем, — сказал я.

Она удивилась:

— Поговорить о чем?

— Знаете, он мой близкий друг... В общем, он заказал мне книгу и я хочу обсудить это с ним.

Санитарка строго сказала:

— Подождите.

Она ушла и вернулась минут через пять:

— Проходите, вас примет директор клиники.

Скоро я оказался в кабинете Наны.

Она сидела за письменным столом и пила кофе, точно так же, как описывал Николай.

Предложив мне сесть напротив, она спросила:

— Итак, Николай заказал вам книгу? Какое содержание?

— Да! Он хочет, чтобы я написал про него.

— Биография?

— Нет, роман.

— Он обещал заплатить?

— О деньгах мы не говорили. Он просто пришел ко мне и рассказал первую часть. По его просьбе я все записал на диктофон.

— Хорошо. Что же вы хотите сейчас?

— Я хочу увидеть его или поговорить с вами о его болезни.

Нана сделала длинную паузу.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Как почему? Он же просил написать книгу.

Нана нахмурила брови и сказала:

— Тогда вам надо подождать.

— Хорошо, я готов подождать.

— Вы не поняли. Надо ждать долго, потому, что Николай никак с вами не сможет поговорить в ближайшие недели, а может, даже и месяцы.

— Почему? — удивился я.

— Значит, вы не в курсе? — вздохнула Нана.

— В курсе чего?

Она вздохнула:

— Доктор Николай сейчас болен. Он перенес инсульт и лежит в реанимации в состоянии комы. Ему сделали тяжелейшую операцию и сейчас мы проводим различные процедуры и очень надеемся на благоприятный исход, хотя шансов очень мало. Я бы сказала, почти нет. Так что вам придется ждать долго.

Некоторое время я сидел разинув рот. Потом выдавил из себя вопрос:

— Как долго он в коме?

— Вот уже больше полугода.

— Но...

— Что?

— Но этого не может быть.

— К сожалению, это так.

— Он же...

Я хотел сказать, что он же вчера провел в моем кабинете целый день, рассказывая о себе, но промолчал сдерживая эмоции, и произнес спокойно:

— Понятно. Вы позволите навестить его и справиться о его здоровье некоторое время спустя?

Она ответила учтиво:

— Конечно, приходите в любое время.

Уже на улице я нервно начал шарить в бумажнике в поисках визитки доктора Николая. Наконец она нашлась.

Я набрал номер, и пару секунд спустя мне ответил тот самый бодрый и полный сил голос моего вчерашнего собеседника:

— Здравствуйте, писатель.

— Кто вы? Вы меня обманываете! — спросил я резко.

Николай рассмеялся:

— Понятно...

Я рассердился:

— Ничего понятного нет! Все запутано!

— Вы были в моей клинике, — догадался он.

— Да, был! Ваша Нана сообщила, что вы и сейчас лежите в реанимации в состоянии комы, и никто не знает, будете вы жить или нет. Не хотите ли все объяснить?

— С удовольствием, — ответил он.

— Тогда, давайте, объясняйте, в чем дело!

— Для этого я должен прийти к вам завтра и рассказать вторую часть моей повести.

— Нет! Так не пойдет! Объясните мне сейчас! — сказал я раздраженно.

Николай рассмеялся:

— К сожалению, по телефону это невозможно. Потерпите до утра, и в девять часов я буду у вас.

Мне ничего не оставалось, как согласиться:

— Хорошо, договорились. Приходите в девять.

— Чувствую, что вас очень заинтересовала первая часть моего рассказа и вам не терпится услышать продолжение, — сказал он.

Да! Мне не терпелось услышать продолжение.

Вторая часть

ВСТУПЛЕНИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Я приехал в свой офис на час раньше. В ожидании доктора Николая выпил две большие чашки кофе и прошел километр, меряя шагами расстояние от кресла до стены.

В назначенное время долгожданный гость вошел, радужно улыбаясь, и любезно поприветствовал:

— Доброе утро, мой писатель! Вижу, вы озадачены, узнав, что я в реанимации.

Я возмутился:

— А вы бы не озадачились? Я уверен, что вы мне лжете, выдавая себя за больного человека, который находится в состоянии овоща. Рассказываете от его имени всякую чушь про Ноя! Зачем вам это нужно?

Он спокойно ответил:

— Я вижу, в вас говорит нетерпение.

— Нетерпение? Это противоречие данных.

Он удивился:

— Каких данных?

Я ответил с горькой улыбкой:

— А вот каких: вы рассказываете мне одно, а директор вашей клиники, Нана, утверждает противоположное. Отсюда логически вытекает простое заключение: один из вас врет. Я не увидел лжи в словах Наны, значит, врет кто-то другой.

Это рассуждение развеселило Николая:

— Поздравляю! У вас был отличный учитель по логике! Наберитесь терпения. Я же сказал, все станет ясно только в конце рассказа.

Я покачал головой:

— Нет! Я требую объяснений немедленно. Скажите, как вы можете быть здесь, когда ваше полуживое тело там?

Тут он ответил резко:

— Я не обязан давать объяснения. Все ответы в конце рассказа, и никак не раньше. По-другому не может быть.

Я повысил голос:

— Как я могу слушать, когда я думаю только о том, что вы мне врете.

— Не думайте об этом, потому что я не вру!

— Значит, врет Нана?!

Он улыбнулся еще раз:

— Нет. Она тоже говорит правду.

Я почти закричал:

— Это невозможно!

Николай ответил невозмутимо:

— Вижу, у нас сложилось серьезное недопонимание. Лучше я уйду, и мы про это забудем.

Он поклонился и, развернувшись, направился к двери.

В самый последний миг я понял, что тайна может навсегда ускользнуть от меня и остановил его:

— Секунду...

Он остановился и медленно повернулся ко мне. На лице у него снова была улыбка. Это облегчило мне задачу, и я спокойно сказал:

— Извините за резкость.

— Ничего, бывает. Все в порядке.

— Значит, вы утверждаете, что не врете и Нана не врет?

— Да.

— Но вы также признаете, что есть расхождения и этому имеется логическое объяснение, без всякой мистики?

- Верно.
 - А для понимания происходящего надо дослушать ваш рассказ до конца?
 - Так!
 - Я подчинился и сказал:
 - Извините, что я повысил на вас голос.
 - Я не в обиде.
 - Тогда включим диктофон и продолжим рассказ.
 - Самое время сделать это, — спокойно ответил он.
 - Чай?
 - Нет, спасибо.
- Мы сели, я включил диктофон, и доктор Николай приступил ко второму рассказу.

Первая глава

ПУСТОЙ АЭРОПОРТ

Пытаясь сжечь Сатану в себе и не докричавшись до индуса со скальпелем, я почувствовал, что мое раздражение разрывало тонкую голубоватую нить, которая соединяла меня с телом. Потом я вывалился в совершенно непонятную действительность, где встретил свою пациентку.

Анита...

Она весело бежала по залу пустого аэропорта, и ее прекрасные волосы развевались в золотистом сиянии.

— Догони меня, Николай! Беги! — кричала девочка.

Что же мне оставалось делать? Я побежал за ней.

Это был самый обычный современный аэропорт. Блестящий пол, декоративные растения, сувенирные лавки. Но зловещим было то, что кроме нас никого не было, и двери отсутствовали. Был лишь единственный выход, к которому бежала Анита и торопила меня:

— Быстрее! Можешь пересчитывать шаги? Раз, два, три... Наш самолет скоро полетит, потому что мне так хочется к

облакам! Там мы увидим Солнце, а еще радугу, и Луну, и звезды! Я обещала маме нарисовать небесную радугу. Потом она сохранит мой рисунок и покажет мне, когда я вырасту.

— Почему ты решила, что мы куда-то летим? — спросил я.

Она звонко засмеялась:

— Оглянись. Где мы?

Я ответил:

— Это аэропорт.

Анита зааплодировала:

— Молодец! Тебе пятерка за наблюдательность. Теперь подумай: зачем люди приезжают в аэропорт?

— Чтобы улететь.

Анита похвалила меня:

— Еще одна пятерка за логику. К концу триместра ты будешь отличником.

Я не понял:

— К концу чего?

Анита засмеялась моей непонятливости:

— К концу триместра. Ты не знаешь, что такое триместр?

— Нет.

Она покачала головой и сказала:

— Триместр — это время учебы между каникулами. Все тебе нужно объяснять! Сейчас у нас каникулы! Потому мы и летим! Теперь тебе нужно угадать, где выход к нашему самолету.

Я неуверенно указал на единственный выход.

Анита обрадовалась:

— Правильно! Видишь, как все просто? Мы идем к этому выходу, и там нас посадят на самолет.

Тут я почувствовал, что очень сильно хочу закурить.

— Хорошо, полетим, только я сначала куплю пачку сигарет, — сказал я.

Анита возмутилась:

— На каждой пачке написано, что курение убивает. Ты хочешь умереть?

Тут опять прозвучало объявление по залу:

— Вылетающих пассажиров просим немедленно подойти к выходу...

Анита вскрикнула:

— Ой! Мы опаздываем! Быстро, быстро!

Она схватила меня за руку, и мы побежали вместе. Точнее бежала она, а я плелся за ней, еле передвигая ноги, превозмогая жуткое желание курить и глотнуть холодного пива.

За стойкой нас встретила огромная горилла в пиджаке и при галстуке.

Животное хмуро посмотрело на нас и сказало не особенно учтиво:

— Вам в самолет?

Анита сразу скороговоркой выпалила:

— Да, да, да! Мы летим! Я так хочу скорее оказаться над облаками. Однажды я видела, как взлетает настоящий самолет. Представляете! Скоро и я полечу! У меня с собой карандаши и бумага для рисования. Я хочу нарисовать радугу!

Горилла нахмурила брови и сказала:

— Нужно проверить вес. Встаньте на эти весы по очереди. Сначала девочка.

Анита вскочила на большие весы. Горилла удовлетворительно кивнула волосатой головой и обратилась ко мне:

— Теперь ты.

Я с недоверием посмотрел на животное, но на весы встал. Стрелка немедленно задрожала как сумасшедшая и быстро убежала за красную линию. Одновременно зазвучала сирена тревоги, и Анита испуганно подпрыгнула.

Горилла поморщилась, отрицательно покачала головой и сказала:

— У тебя лишний багаж!

Я переспросил с удивлением:

— Какой багаж? У меня даже сумки нет.

Тогда горилла скривила рожу и сказала грозно:

— При чем тут сумки? У тебя лишний багаж, и ты не полетишь.

За меня вступилась Анита:

— У нас правда ничего нет, кроме карандашей! Вот посмотрите, нет ни чемоданов, ни саквояжей, ни сумок, ни ящичков.

Горилла, указывая на меня, с раздражением сказала:

— Лишний багаж не с ним, а в нем! Я его на посадку не пущу, потому, что это опасно!

Животное враждебно смотрело в мою сторону, но Анита не сдавалась:

— Умоляю! Пропустите нас! Я так хочу на самолет!

Горилла с размаха ударила кулаком о стойку, которая чуть не треснула, и сказала строго:

— С таким перегрузом туда нельзя!

Анита тихо заплакала.

Я продолжал стоять на весах в растерянности и с удивлением смотрел вокруг себя, не понимая, о каком лишнем весе идет речь.

Вдруг желание курить и страсть отомстить Софи за то, что она отвернулась от меня, вновь закипели во мне, и тут стрелка весов убежала еще дальше.

Горилла закричала:

— Смотрите, он становится еще тяжелее! Я вижу этого паршивца насквозь! В нем целая тонна всякой грязи, которую он лелеет!

Я решил договориться с гориллой:

— Постойте, возможно, есть какой-то выход.

Она мерзко засмеялась и развела лапами:

— Какой тут может быть выход?

Я сказал:

— Нельзя ли доплатить за лишний вес?

Горилла задумчиво посмотрела на меня, в ее глазах сверкнула хитрая искра:

— Заплатить нельзя, но если очень хочешь, можно попробовать выбить из тебя всю лишнюю дурь. Ты согласен?

Такого неожиданного ответа с ее стороны я не ожидал и оторопел, однако, Анита обрадовалась и ответила вместо меня.

— Выбить?! Это хорошо! Николай согласен.

Тогда горилла извлекла из-под стойки огромную толстую палку наподобие бейсбольной биты, испустила чудовищный рев и, не дав мне опомниться, замахнулась своим оружием. Палка попала мне прямо в грудь. Жуткая боль, казалось, выбила из меня все внутренности. Меня отбросило на пол. Я понял, что не могу выдохнуть, и...

Как во сне, я услышал писк аппарата искусственного дыхания в покое реанимации.

Словно сквозь полупрозрачную пелену, я увидел свое тело, подсоединенное проволоками к датчикам. Тут же услышал писк аппарата сердечного ритма. В глубине подсознания я понял, что этот писк означает остановку сердца, и тут пространство наполнилось пустотой.

Был лишь писк.

А я никак не мог выдохнуть. Откуда-то слышались приближающие звуки шаркающих шагов. Наверно, медсестра. Как из глухой каменной гробницы донеслось тревожное восклицание:

— У него остановилось сердце.

Забегали люди. Из полной тьмы я слышал звуки вокруг моего умирающего тела и забился в судорогах, стараясь выдохнуть.

Тут меня облили ледяной водой, я задрожал и почувствовал странную легкость. Писк прекратился, сердце опять забилось, ко мне вернулись ощущения, и я понял, что нахожусь в руках гориллы, которая трясет меня.

Я взмолился, еле поворачивая язык:

— Пойдите! Не бейте больше! Вы меня убьете!

Горилла бросила меня обратно на весы, и стрелка опять зашкалила.

— Тебя и надо убить!!! — заорала горилла.

Животное подняло грозное оружие, чтобы нанести следующий удар, но меня спасла Анита:

— Подождите! У меня есть идея.

Горилла возмутилась:

— Какая тут может быть идея? У него лишний вес, нельзя выбить, значит надо убить! Вот так просто.

Тут Анита закричала на животное:

— Но мы же летим вместе!

От этого крика горилла остолбенела, потом нахмурилась и сказала:

— Ну, и что?

Девочка спокойно объяснила:

— То, что нас надо поставить на весы вместе, потому, что в среднем, на двоих, лишнего веса не будет. Моя подруга летала с родителями, и я знаю, что им там сказали — что их общий багаж надо усреднить.

Горилла задумалась и ответила:

— Я не могу принимать такие решения.

Тут вмешался я и сказал:

— Вызывайте пилота! Его послушаем!

Горилла махнула лапой, опустила палку и закричала:

— Капитан!!!

Я вздохнул с облегчением. Перед нами открылась та самая единственная дверь. В ней появился симпатичный молодой человек в кожаной куртке, с радушной, приветливой улыбкой. Он недовольно посмотрел на гориллу с палкой и сделал реверанс девчужке.

Я его сразу узнал!

Это водитель моего такси!

Я воскликнул:

— Антуан!

Он посмотрел на меня, на весы, быстро оценил ситуацию, и с улыбкой сказал нам:

— Да, я Антуан, капитан вашего самолета. Добрый день маленькая принцесса! Вижу, вы здесь скучали без меня.

Аните он понравился с первого взгляда. Она выскочила вперед и сказала:

— Да! Да! Мы все здесь скучаем без вас.

— Как зовут тебя?

— Я Анита! И мне не терпится взлететь! Я так хочу нарисовать раду!гу!

— Первый раз мне тоже не терпелось парить высоко над облаками. Так, чего же мы ждем? Полетели! Моторы моего самолета прогреты и крылья крепки! — улыбнулся капитан.

Тут вмешалась горилла:

— Не торопитесь, капитан. С ней еще этот...

Вместо меня ответила Анита:

— Это Николай!

Антуан посмотрел на меня.

— Здравствуй. Мы с тобой уже виделись, — сказал я.

Он удивился:

— Правда? Я не припомню.

Я сказал:

— Ты меня дважды за день возил на своем такси. У меня даже визитка есть. Ты еще мне сказал на прощание, что мы сегодня встретимся третий раз.

Антуан ответил:

— Такси? Как странно. Я каждую ночь вижу сон, в котором я таксист, езжу по безобразному городу и развожу всяких... И визитка у меня была во сне, но тебя я не помню.

Я был удивлен:

— Так значит, твой сон — моя явь! Чей же сон здесь и сейчас?

Горилла сказала раздраженно:

— Это не сон! У него лишний вес. Выбить невозможно.

Его нельзя пускать в самолет.

Анита попросила еще настойчивее:

— Пожалуйста, капитан! Он, чуть не умер от первого удара этой битой.

Вдруг Антуан согласился:

— Так и быть. Возьмем его с собой. Конечно, есть вероятность, что самолет упадет, но это для меня не в первый раз.

Анита пришла в восторг:

— Антуан! Какой ты добрый! Ты правда падал?

Он ответил:

— Еще бы! Мой самолет падал пятнадцать раз. Приходилось перевозить и более тяжелый груз.

Горилла издала огорченный рев и сказала со злорадством:

— Приятного падения.

Анита прыгала от радости:

— Ура! Ура! Ура! Спасибо, капитан! Я потом тебя нарисую!

А горилла объявила в микрофон:

— Посадка в самолет окончена.

Для кого она это сделала? Аэропорт ведь был пустой.

Вторая глава

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Вскоре после этого мы стояли у небольшого самолета с крутящимся пропеллером. Анита подпрыгивала от радости, а Антуан похлопал самолет и сказал:

— Посмотрите, вот это моя гордость — Кодрон-Симун шестьсот тридцатый. Один мотор и целых триста лошадиных сил. Стальные лонжероны. Летает с невообразимой скоростью — триста километров в час.

Анита восторженно переспросила:

— Триста лошадиных сил и триста километров в час?! Если в карету принцессы запрячь триста лошадей, и кучер разгонит этих лошадей до скорости триста километров в час, то они смогут поднять в воздух принцессу, и она полетит?

Антуан ответил:

— Наверняка, так и будет! Но сейчас мы не в карете принцессы, а на моей птичке. Она может держаться на высоте шести километров с помощью этих крыльев с размахом в пять метров!

Анита опять пришла в восхищение:

— Шесть километров! Это выше облаков? Я хочу, чтобы мы летели над облаками! И я посмотрю сверху вниз и увижу всю землю, а потом нарисую и подарю маме.

Антуан напомнил ей:

— Не забудь нарисовать и меня! Ты обещала!

— Тебя нарисую на фоне радуги, которую мы там увидим...

Тем временем я ерзал от беспокойства. Идея полететь на этой рухляди с подозрительной мощностью в триста железных лошадей мне уже не нравилась. Конечно, я ожидал, что нас посадят в современный надежный лайнер, но никак не в жестяное корыто, которое вряд ли могло уверенно держаться в воздухе.

Тут капитан повернулся ко мне и сказал:

— На этом жестяном корыте я облетел половину вселенной и достигал дальних звезд!

Это меня сильно смутило. Он читает мысли? Возможно, я его оскорбил.

Но он продолжил, приветливо улыбаясь:

— Это не просто самолет, а орудие самопознания. Крестьянин познает себя с помощью мотыги, астроном — благодаря телескопу. Для меня же самолет — самый мощный инструмент для понимания собственной души! Будьте уверены, моя птица надежно плавает по еле заметным лучам далеких

солнц, скользит по лунным протокам и может привести вас к самым глубоким закоулкам вашего бессознательного. Однако хватит поэзии. Небеса ждут нас! В путь, друзья! И помните, что я беру вас с большим излишком багажа!

Упоминание о моем весе вызвало раздражение:

— Что вы все бредите про какой-то груз? Ничего у меня нет, и в себе я ничего лишнего не чувствую!

Антуан ответил приветливо:

— Раздражение кипит в тебе как чайник. Это и есть твой тяжелый саквояж. Там еще у тебя чемодан негодования, рюкзак ревности и большой сверток пагубных страстей.

Пока мы беседовали, Анита забралась в самолет и теперь позвала нас из открытого иллюминатора:

— Пожалуйста, полетим скорее, я хочу увидеть закат в небе!

Капитан радостно ответил ей:

— Обожаю летать на закате! В путь!

Антуан посадил меня рядом с Анитой, помог застегнуть ремни, закрыл иллюминаторы, двери и, устроившись на потертом сидении для пилота, выдал нам два шлема:

— Наденьте мыслерации. Я их мастерил сам. Очень полезная штука в полете. Когда мотор ревет как зверь, трудно общаться. Надо кричать во все горло. А с помощью мыслерации все просто! Я думаю, а вы слышите мои мысли! Вы думаете — я слышу ваши! Вот и будем общаться мысленно!

Анита пришла в восторг:

— Капитан Антуан, ты настоящий гений! Если бы ты учился в нашем классе, учителя были бы без ума от счастья! Тебя бы послали на конкурс юных изобретателей, директор передал бы тебе диплом в золотой рамке, а завуч вывесила бы твой портрет на доске почета!

Антуан ласково улыбнулся Аните и ответил:

— Спасибо, дорогая! Я был бы счастлив, учиться с тобой в одном классе! А теперь проверим мыслерации.

В голове у меня сразу заиграла музыка веселых мыслей Аниты и солнечная доброта капитана. Но девочка тем временем хмуро посмотрела на меня, и я услышал ее через шлем:

— Николай, у тебя действительно большая тяжесть в мыслях.

Капитан постучал по приборам, проверяя контакты, подтолкнул рукоятку газа, увеличивая обороты, и подумал: «Полетели!» Почувствовав, что хозяин взялся за штурвал, самолет радостно заворковал и тронулся с места.

Пока капитан вырубивал на взлетную полосу, мотор размеренно жужжал, однако скоро он напрягся до предела, затрещал, взревел и набрал скорость.

Так мы взлетели.

Через мыслерацию я слышал, что Антуан подумал:

— Молодец, птичка, оторвалась легко, несмотря на груз. Мысли Аниты заплясали в хороводе:

— Ура-а-а! Сбылась моя мечта! Я лечу! Видишь, Николай, я лечу на настоящем самолете! Смотри, домики внизу как игрушечные! Капитан, ты герой! Это настоящее чудо, что ты умеешь летать!

Антуан мысленно улыбнулся и ответил:

— Благодарю тебя, маленькая принцесса! Полет — моя стихия.

Анита подумала:

— Капитан, а ты не мог бы направиться вот к тем тучам. Там их несколько. Я очень хочу пролететь сквозь облака.

Антуан ответил:

— Скажу честно, у нас свой курс, и мы не можем отклоняться. А тучи я могу обещать вам в достаточном количестве. Впереди нас ждет шторм. Возможно, даже, буря.

Я засуетился:

— Шторм? На небе всего лишь пара маленьких туч. Откуда тут может быть шторм?

Антуан ответил:

— Опыт так подсказывает. Видите белизну впереди по курсу?

Я ничего не видел.

А Анита продолжала радоваться:

— Какой прекрасный закат! Я хочу его нарисовать!

Антуан сказал:

— Вслушайтесь внимательно в музыку!

Я подумал:

— Никакой музыки здесь нет. Только шум двигателя.

Антуан возразил мне мысленно:

— Нет, есть. Посмотри вокруг и прислушайся к музыке лучей заката, к мелодии мерцания звезд, к сонате полей и гор под нами. Начинает звучать новая симфония грозы.

Анита воскликнула в мыслях:

— Я слышу! Я даже вижу музыку! Как красиво!

Неожиданно, среди этой красоты, в совершенно невинной тучке, мне померещилось абсолютно живое видение.

Из облака выступило лицо Софи. Она улыбалась, сияла и радовалась. Сидя на диване перед низким столиком в полутемном интерьере дорогой гостиницы, она попивала коктейль, вкушала свежие фрукты, слушала спокойную музыку пианиста, а рядом с ней...

О кошмар!

Она с Кэтчером!

На ее лице играла кокетливая улыбка, а в алчном взгляде Кэтчера горел огонь похотливого самца. Я взорвался от ревности, и сразу же в облаке замелькали длинные тонкие линии молний. Они сверкали через все тело Софи и ножом прошлись по слащавому лицу Кэтчера, оставляя на нем огненные раны.

Анита воскликнула мысленно:

— Смотрите! Я вижу впереди всплеск. Это молния? Вот еще.

Я негодовал. Анита услышала мои мысли и, посмотрев на меня, сочувственно спросила:

— Тебя беспокоит то, что эта девушка пошла в кафе с тем дядькой?

Я рассердился на нее:

— Ничего ты не понимаешь.

— Хорошо. Не хочешь, не буду тебя успокаивать.

Тем временем мы почти вплотную приблизились к этому сверкающему облаку, и я засуетился:

— Почему мы летим прямо в молнии? Нельзя ли облететь?

Капитан подумал в ответ:

— Нет, но можно остановить грозу. Ее вызывает ты сам.

Я воскликнул в мыслях:

— Как?

— Выбрось пагубную ревность за борт, и молнии исчезнут. Забудь о страсти, и гроза затихнет. Отцепись от низких переживаний, и распогодится.

Я не мог.

Тут же на небесную авансцену выступила вторая бледно-серая туча со вторым живым видением. Там нарисовалось лицо Марии. Она тоже улыбалась, в левой руке держала тарелочку с суши, а в правой — японские палочки для еды. Ужинала она в компании оппозиционера Крикунова. Склонившись, он с нежностью учил мою жену, как правильно пользоваться палочками.

Мое раздражение усилилось, и тут же засверкали молнии. Тучи быстро увеличились, скоро покрыли все небо, и огненные стрелы запрыгали между ними. Мне ужасно захотелось закурить и запить сигаретный дым крепким алко-голем. Это желание разыгралось так сильно, что я заерзал на месте, и тут увидел третье облако с изображением меня самого на операционном столе, со вскрытым черепом.

Тревога резко возросла. Сначала по самолету ударили порывы ветра, но скоро нас начали бить плетки ураганов, и самолет затрясся в болтанке.

Капитан спокойно объяснил:

— Не надо волноваться, мы пролетаем сквозь слой завихрения. Он вызван дурными мыслями Николая. Думаю, мы прорвемся, но будет лучше, если успокоится сам Николай.

Я же ничего не мог поделать с собой — суетился, волновался, дергался, и...

Неожиданно исчез свет.

Мы оказались в полной темноте, и капитан подумал:

— Вот это настоящий ночной полет!

Я ужасался:

— Кошмар! Не вижу даже собственных рук.

Анита подумала:

— Антуан, как ты находишь путь в такой тьме. В машине можно зажечь фары, и они осветят дорогу. А здесь что зажечь? И что освещать? Вокруг нас мгла.

Капитан ответил ей мысленно:

— Здесь мы включаем вот эти красноватые лампочки, освещающие приборы. И только по этим датчикам мы пойдем, куда лететь.

— А что они показывают?

— Вот это высотометр, это компас, а это гироскоп. И, наконец, у нас тут датчик режима мотора. Он показывает, что наш двигатель работает на пределе, сражаясь с бурей мыслей Николая.

Он был прав, мои мысли крутились как смерчи.

Как они могли?!

Одна отдается за деньги.

Другая флиртует ради карьеры.

Я замкнулся в себе, и полная неопределенность окутала нас со всех сторон. Молнии сверкали уже не где-нибудь у горизонта, а у кончика левого крыла. Иногда казалось, что

можно дотянуться до огненных стрел рукой. Нас затрясло сильнее и подбросило вверх как щепку.

А моя тревога все усиливалась.

Вот мы здесь, подвешены в крошечной тьме моих переживаний, окутаны грозowymi тучами моих мыслей и обвеваны молниями моих губительных стремлений, от которых я не могу отделаться. Да, и не хочу.

Мы же неминуемо погибнем здесь. Среди этой стихии циклонов и порывистых ветров наш крохотный самолет качался как бумажный.

— Осторожно, капитан! Молнии могут нас подбить.

Мысленно Антуан опять улыбался и излучал спокойствие:

— «Подбить» нас может и болезнь в мягкой постели, среди теплых подушек. Все в руках Господа! А сейчас и в твоих, Николай!

— Что мне делать?

— Просто успокойся.

Но тревога продолжала пульсировать, и я попросил Антуана:

— Нельзя ли взлететь выше облаков? Возможно, там нет урагана?

Он ответил:

— Наверху и правда спокойнее. Но мотор моего самолета всего лишь в триста лошадиных сил. Вряд ли он потянет твой тяжелый багаж так высоко.

Тут я взбесился:

— Нет во мне багажа! Есть лишь я! Не надо сваливать свое бессилие на других!

Анита удивилась моей резкости, а капитан был невозмутим:

— Без лишнего веса ты бы не бесился! Злость и негодование как раз и есть вот эта буря. Угомонись.

Я же орал в ответ:

— Бред! Мои мысли не могут быть связаны с ветрами и молниями!

Но я горько ошибался.

Я почувствовал, что с моими пальцами начало твориться что-то странное. Сначала они совсем затекли, а потом набухли, словно от накапливающегося гноя.

Капитан же излучал спокойные мысли в ответ:

— Я все-таки попробую взлететь. Может, и прорвемся сквозь облака.

Анита восхитилась:

— Антуан, ты настоящий герой!

Антуан уверенно взялся за штурвал, до упора выдвинул рукоятку газа, и самолет начал восхождение. Нас затрясло, болтало. Когда мы столкнулись с облаками, было ощущение, что нас переворачивает.

Двигатель работал на пределе, но Антуан каким-то чудом добавил мощи, и вдруг мы вырвались из плена облаков в чистое небо. Нас ослепила луна! Я почувствовал, как во мне затихли все эмоции.

Неописуемый внутренний покой объял меня целиком. Вмиг утихомирились мысли, и я понял, что эта безмятежность и есть настоящее блаженство!

Прекрасная луна сияла над ночным небосводом и освещала бархатные облака под нами. И хотя там, внизу, опять сверкали молнии, здесь царило райское спокойствие.

Очарованная увиденным, Анита подумала с благоговейным восторгом:

— Какое небо!

А капитан опять улыбался:

— Да! Действительно прекрасно. Как в глубине души человеческой! Но я не могу долго удержать здесь самолет. Нам нужна твоя помощь, Николай.

Я спросил:

— Что мне делать?

Антуан сказал:

— Угомонись...

Я же, неожиданно для самого себя, заорал в ответ:

— Оставь меня в покое! Кретин!

И внезапно сверкнула молния. Она вырвалась из грозных облаков под нами. Стрелой поднялась прямо к нашему маленькому самолету и ударила в правое крыло. Нас ослепило сияние. Сильно встряхнуло. Крыло вспыхнуло ярким огнем.

Анита воскликнула:

— Прелесть!

Капитан закричал:

— Держитесь!

— Помогите! — орал я.

Самолет перевернулся. Мы завертелись в свободном падении, и ветер начал нас трясти. Наш самолет проваливался в облака, скользя между сверкающих молний.

Панический страх неминуемой гибели овладел мной, и я затрясся, не зная, что с собой поделать.

Анита, тем временем, кричала от восторга:

— Я хочу нарисовать все это!

Капитан безуспешно пытался справиться с ситуацией, но мы были обречены.

Понимая, что скоро грохнемся на землю, я забился в панике. Однако перед самым падением Антуан каким-то чудом выровнял машину. У меня в глазах мелькнула быстро надвигающаяся песчаная желтизна. Мы врезались в песок. Самолет ломался с треском и грохотом. Нас переворачивало и ударяло со всех сторон. Искры сверкали вокруг. Наконец все резко закончилось и замерло. Даже ветер полностью стих. Капитан посмотрел на нас, снял мыслерацию и сказал:

— Надеюсь, мы приземлились недалеко от места назначения. Все целы? У кого что болит?

Анита тоже сняла шлем и воскликнула:

— У меня нет ни царапинки!

Несмотря на жуткое падение, я с удивлением заметил, что у меня нет переломов и ушибов. Хотя пальцы продолжали набухать от гноя.

— Как мы остались живы? — удивленно спросил я.

Анита засмеялась:

— Это настоящее чудо!

Капитан встал со своего кресла и сказал:

— Поговорим об этом позже. Сейчас надо скорее вылезти из самолета и отключить все аккумуляторы, иначе может случиться взрыв!

Мы выбрались благополучно.

Антуан с грустью посмотрел на разбитый самолет:

— Жаль, что моя птичка сломалась. Но я смогу починить ее, и мы с ней еще будем падать в будущем. Такова жизнь! Она состоит из взлетов и падений. Но наше совместное падение было самым интересным и прекрасным. Я его точно не забуду. Однако нам не стоит задерживаться здесь. Надо идти дальше.

Анита оглянулась в удивлении:

— А как мы узнаем, в какую сторону идти? Здесь полная тьма. Компас, конечно же, разбился вместе с самолетом.

Антуан сказал:

— Мы будем следовать моему золотому правилу.

— Какое правило?

— Если не знаешь куда идти, то надо идти на восток, наперекор всякой логике. Это для меня направление жизни! Вот у меня есть старый компас. Я его всегда ношу в кармане куртки.

Анита восхитилась:

— Как прекрасно, что мы не потеряемся!

Капитан огляделся и покачал головой:

— Мы в пустыне. Скоро рассвет, и нам нельзя терять время.

Я спросил:

— Куда мы, вообще, направляемся?

Аните понравился этот вопрос:

— Правда! Куда?

Капитан улыбнулся нам:

— Как же? Вы сами заказывали путешествие в Иртифахан.

От удивления у меня отвисла челюсть:

— Иртифахан? Почему в Иртифахан? Что мы там потеряли?

Антуан ответил:

— Я не знаю. Я ведь лишь пилот, но могу предположить, что у Николая есть четкая цель найти там врача, который возьмется вылечить его. Там даже есть медицинский университет.

Я замер в крайнем удивлении:

— Это заказывал я?!

Анита сказала:

— Если Антуан так говорит, значит, так и есть.

— Вперед! К таинственному городу великих врачейелей! — воскликнул наш капитан и уверенно зашагал вперед, Анита, подпрыгивая, побежала за ним, а я поплелся следом.

Пальцы зудели все сильнее.

Третья глава

ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ ПО ГОРЯЧИМ ПЕСКАМ

Идти мне было относительно легко. После падения мой мозг несколько заглох, и погода заметно изменилась к лучшему. Грозовые тучи рассеялись, на небе замерцали звезды, засияла луна, и в ее свете я видел бесконечные пески вперед. Ночь была чудесной. Вскоре прямо перед нами небо окрасилось в золото, и мы встретили бесподобный рассвет. Огромное солнце, переливающееся желтыми и красными цветами, величественно взошло над пустыней, посылая на землю горячие лучи. С восходом проснулся и мой беспокойный мозг, и сразу вернулись ревнивые мысли — к Софи и Марии. И чем дальше — тем хуже. Передо мной оживали образы

хуже тех, что я видел в облаках. Томный взгляд Софи страстно ласкал возбужденного Кэтчера, и это меня бесило. Они так влюбленно смотрели друг другу в глаза, что становилось тошно. Я ничего не мог поделать с внутренним спором, который беспрерывно продолжался во мне.

Как она могла?!

Как она может?!

Она готова продавать себя за деньги.

Или ей это нравится? Ей просто приятно, когда на нее падает самец. Потому и выглядит она всегда так возбуждающе и ведет себя с вызывающими нотками легкомысленного кокетства, чтобы потом отдаваться с лучшим расчетом.

Почему не могу отделаться от мыслей о ней?

Это же настоящее наваждение.

Я не знал, как быть с этой бесконечной внутренней беседой с самим собой. Возможно, этот спор жил во мне всю мою сознательную жизнь, но я никогда не обращал на него внимания. Ну работает мозг себе, и пусть работает.

А теперь каждая мысль причиняла режущую боль в пальцах рук и ног... А от моих мыслей в пустыне становилось все жарче.

И чем дальше — тем хуже.

Скоро обжигающая жара давила на нас многотонной тяжестью, и идти стало невозможно. Песок нагрелся до температуры углей, но мы не останавливались. Я шагал за Антуаном и Анитой, сопровождаемый ужасными переживаниями.

А Мария? Моя законная супруга ведет себя не лучше Софи. Она тоже такая? Продает себя в обмен на политическую карьеру. Я сам слышал, как президент отправил ее к Крикунову, который, оказывается, давно домогается ее. И она согласилась без колебания. Согласилась, потому что ей обещали быстрый карьерный рост.

И вот передо мной опять ее образ. Мария обсуждает политику в обстановке полной интимности.

Интересно, как далеко она может зайти?

И видно, что это для нее не в первый раз.

Или мне все кажется и я схожу с ума?

Время от времени мне так ужасно хотелось курить или выпить алкоголь, что ноги от этого желания подкашивались. Несколько раз я чуть не упал, и с каждым шагом чувствовал, что мои конечности тяжелеют от накопившегося гноя. Становилось все труднее тащить их за собой.

И еще эта усиливающаяся жара...

Анита остановилась и сказала:

— Антуан, мне очень жарко! Сделай что-нибудь.

Антуан развел руками и посмотрел в мою сторону.

— К сожалению, перед этой природой я бессилен. Чем мучительнее мысли Николая, тем жарче нам всем здесь.

Анита взмолилась:

— Николай, перестань думать!

Я отчаянно покачал головой:

— Не могу.

Антуан осмотрелся, заметил одинокую пальму у горизонта и сказал:

— Дойдем до тени этой пальмы и там устроим привал.

Анита с грустью вздохнула, и мы продолжили путь.

Я плелся с поникшей головой.

Вдруг песок под ногами поплыл, и под ним возник новый реалистичный мираж — трехмерная картина покоя реанимации, в которой лежало мое тело со снятым скальпом. Увидев этот кошмар, я отскочил, но все равно упал в него.

Теперь я чувствовал больничный запах, слышал звуки и ощущал движения. Одна из красавиц сказала:

— У него сильный жар. Температура подскочила до сорока.

Кайлаш Кейв изучал мое полумертвое тело под микроскопом. Череп мой так и был открыт. Я не столько видел, сколько чувствовал, как пульсирует мой кровавый мозг и по его извилинам течет сгустившаяся кровь.

Кайлаш взял в руки пинцет, зацепил вату, опустил ее в раствор и собрался очистить субарахноидальное пространство. Вдруг я понял, что не хочу переносить эту пульсацию. Если он сейчас же закроет мой череп, то пульсация немедленно прекратится. В закрытом черепе мозг не пульсирует. Наверно, все мои тревоги от пульсирующего мозга! Оттого гроза и жара.

Я закричал всей душой:

— Кайлаш! Закрой немедленно мой череп!

Но индус ничего не услышал. Он спокойно продолжал свое дело, а я орал:

— Посмотри на меня! Я здесь, под потолком! Пойми, что просто надо отвезти меня в операционную и закрыть там череп!

Но он не реагировал, и меня взяла злость. От нее я так сильно закашлял, что начал харкать кровью. Еще больший ужас объял меня, и я вывалился из миража на жгучий песок...

Идти я уже не мог и из последних сил воем призвал на помощь Антуана с Анитой.

Они немедленно подбежали, и девочка сказала:

— Ему плохо!

Антуан быстро осмотрел меня и заключил:

— Посмотри, его конечности наполняются гноем.

Анита спросила:

— Что будем делать?

Антуан уверенно ответил ей:

— Помоги мне. Я взвалю его себе на плечи и донесу до тени.

Так они дотащили меня до пальмы, и Антуан сказал:

— Ну вот, здесь устроим привал.

Антуан и Анита сели рядом. Потом Антуан достал фляжку с водой и напоил нас.

Я не мог ничего сказать, но мое внутреннее волнение не утихало.

Анита спросила:

— Как помочь Николаю?

Антуан озадаченно посмотрел на меня и сказал:

— Николай, пойми, твои мысли меняют пустыню и разрушают твоё тело. Твоё раздражение сбило мой самолет наверх, а теперь сжигает нас внизу. Ты просто губишь себя и нас! Ты уже смердишь от гноя. Вот уже коршун над тобой летает. Возьми себя в руки! До Иртифахана близко, но если не будешь контролировать мысли, то похоронишь нас здесь!

Я поник головой. Мне было стыдно, но я был бессилен. Мой мозг властвовал надо мной и бросал из одного кошмара к другому.

Анита пожалела меня и сказала:

— Ему нужна помощь.

Антуан отчаянно покачал головой.

— Я лишь пилот. Моя задача — доставить вас в Иртифахан. Возможно, что там найдется врач, который возьмется за Николая. Это его единственное спасение.

Анита взмолилась:

— Антуан, умоляю, придумай что-нибудь. Ты обещал привезти нас в Иртифахан живыми. Так приводи! Мама говорит, что выход есть всегда.

Антуан с грустью развел руками.

Анита заплакала, села у моей головы и сказала сквозь слезы:

— Николай, я знаю колыбельную. Ее пела мне мама. Она похожа на молитву перед сном. Я спою тебе, а ты поспи, потому, что болезнь проходит во сне. Этому меня мама научила.

Антуан снял куртку, подложил мне под голову, и Анита начала петь:

*Лежи спокойно, спи,
О жизни не грусти,
Трижды перекрестись,
Господь тебя хранит.*

*Ангел к тебе идет,
Покой с собой несет,
У правого плеча Ложь себе найдет.
Поможет он понять,
Как тебе Свет познать,
Господа осознать,
Лукавого прогнать.*

С колыбельной молитвой меня начало окутывать пушистое одеяло спокойствия. Тревожные мысли ушли вдале. Чувства утомнились. Веки отяжелели, и я заснул.

Четвертая глава

ЧЕРНАЯ МАГИЯ НА УДАЧУ

С закрытыми глазами, в состоянии полусна или полуяви я кружусь и возношусь в удивительном танце с клубами дыма.

Дым меня обвивает и чудесным образом проникает в меня. Наша связь настолько тесная, что я медленно превращаюсь в это пляшущее облако и воспринимаю вселенную сквозь дым.

Танец дыма увлекает меня все выше и выше. Я чувствую, что внизу остался прародитель мой, трескучий огонек, который сотворил меня таким прекрасным воздушным плясуном. И тут понимаю, что я есть дым пламени жертвоприношения. Вот храм подо мной с золотыми куполами, там алтарь, и на нем пылающее тело.

Тело человека-самосожженца. Он принес себя в жертву Господу своему.

А я теперь его дым.

Неужели я...

Ной?!

Да!

Я Ной, который перевоплотился в дым собственного полыхания.

Но это же против моей воли!

Я не хотел стать частью горения!

Я желал сжечь гниду в себе!

Не жаждал я улетучиться на всех танцующих парах вверх, в неизвестность!

Я лишь предполагал остаться пеплом и прахом.

А вышло не так.

Я хотел сжечь в себе Черно-Белого Ангела, а получилось, что он теперь дышит мне в рот. И лицо его горит черно-белыми испарениями.

Что это на самом деле?

Он меня опять обманул?

И тут я понимаю!

Да!

Это очередной облик Черно-Белого Ангела.

Он опять взял меня против воли моей!

Последний взгляд бросаю вниз, на свое горящее тело и вижу людей в храме.

Они ликуют.

С улиц Фарабуна слышны торжественные возгласы:

— Смотрите, радуга на небе!

— Это чудо!

— Бог с нами!

А первосвященник объявляет во всеуслышание:

— И жил Ной после потопа триста пятьдесят лет! Всех же дней Ноевых было девятьсот пятьдесят лет, и он умер...

Память просыпается, и я кричу:

— Хотел испепелить себя, но не в дыму кружить с чертом! Хотел отделаться от него, а не плясать с ним!

Остатками воли напрягаю внимание и понимаю: он подчинил меня, поработил, цепями сковал.

Но мысли мои свободны, и я кричу:

— Сгинь, Сатана! Брось меня преследовать!

А он клубится мне в рот и хохочет в душу:

— Ты мой! Твой владыка — Я! Тебе не уйти от меня в себя, ибо я уже в тебе!

Я с ним спорю:

— Нет и нет! Я себя поджег.

Он ехидно злорадствует:

— Не себя! Лишь тело!

Я с ним борюсь:

— Я совершил жертвоприношение!

Он меня бьет:

— Не Богу, а мне!

Я нападаю:

— Алтарь был Бога! Он принял меня. Теперь я в Боге, но не в тебе!

Он глумится.

— Ты в Боге?! Ну рассмешил! Ты во мне! Это моя планета и это мой дым!

Силой злости и негодования я бросился на него, он не увернулся...

Даже наоборот: в смехе он поддался мне. Я схватил его, и мы повалились на...

Холодный мраморный пол.

Дым развеялся, прах разметался, все вылилось в твердые формы материального мира.

Крепкой хваткой я держал за горло испуганного толстяка, тряс его, бил головой об каменный пол. А к его левому виску я прикладывал острое ножа с черной рукояткой.

Толстяк даже не сопротивляется, лишь пытается выговорить что-то.

Но ему трудно.

Я его душу.

Что происходит?

Я и сам пугаюсь.

Особенно ножа.

Быстро отпускаю незнакомца, бросаю нож в угол и отскакиваю, с грохотом опрокидывая алтарь и треножник.

По полу катится чаша с разлившимися благовониями, разбросаны поднос, амулеты, осколки зеркала, колокольчик и книги.

Почувствовав освобождение, толстяк глотает воздух, кашляет, поправляет свой толстый пояс с деревянными символами. Потом он тянется к ножу, которым я его чуть не зарезал. Тут я замечаю, что черная, длинная рукоятка ножа украшена устрашающими орнаментами.

Толстяк качает головой и говорит:

— Зря вы взяли мой нож. Никому нельзя трогать его.

Я осмотрел помещение: тускло освещенная комната, в камине потрескивает огонь, в массивном канделябре — свечи, из ритуальной чаши исходит пар.

— Где я? — вырвалось у меня.

Толстяк еще раз откашлялся и сказал:

— Вы меня чуть не зарезали.

Я крикнул:

— Кто я? Отвечай мне!

На его лице выразилось восхищение:

— Поразительно! Вы сами скажите, кто вы.

Я оглядел себя и ужаснулся: на мне было надето тяжелое, потное, пухлое тело.

— Что мы здесь делали? Похоже на черную магию.

Толстяк как-то странно покосился:

— Можете ее назвать и черной. Похоже, вы действительно забыли себя?

Я спросил неуверенно:

— Я Ной?

Он воскликнул:

— Ной? Превосходно! Умоляю, расскажите больше!

Толстяк, пыхтя, поднялся, помог мне тоже встать и усадил в кресло.

Голова пошла кругом, все завертелось, и я растерянно сказал, скорее обращаясь к себе, чем к этому незнакомцу:

— Я был Ноем. Потом я сжег себя, чтобы убить Черно-Белого Ангела, завладевшего моей душой.

Мои слова вызвали восхищение толстяка:

— Боже! Вы видели себя Ноем? Нашим библейским патриархом?

Я возмутился:

— Да, я был им! Я путешествовал, строил, выращивал лозу и меня соблазнил Черно-Белый Ангел. Он подстрекал на пьянство и разврат. И я сжег себя. Потом я превратился в дым и теперь не знаю, кто я и где нахожусь.

Толстяк сел напротив меня и сказал:

— Первым делом успокойтесь, я помогу вам вернуть память. Главное, сидите тихо и не делайте резких движений.

Он суетливо пошарил в своем кожаном чемоданчике и извлек оттуда склянку с красной жидкостью. Накапав в рюмку, он поднес ее к моим губам и сказал:

— Вот, это поможет.

Я послушно выпил.

Странная дрожь прокатилось по всему телу, и мне действительно стало лучше.

Толстяк удовлетворенно посмотрел на меня и спросил:

— Ну как? Помогло?

— Да, помогло. Теперь скажи мне, кто я? И кто ты? Ты Сатана?

Он усмехнулся:

— Нет, я не Сатана. Я всего лишь жалкий профессор юриспруденции из университета Ингольштадт.

— Профессор? Как твое имя?

— Адам Вейсхаупт.

— Профессор Вейсхаупт... И что же ты здесь делаешь, профессор?

— Я прибыл по вашей просьбе. Вы хотели, чтобы я провел над вами ритуал, открывающий удачу в делах — ответил он.

— Значит, мы, все-таки, занимались магией.

Поняв мое смятение, профессор пошарил в кармане плаща с капюшоном, достал оттуда потрепанную бумагу и показал ее мне:

— Смотрите, это письмо, которое вы послали мне с прошением немедленно прибыть к вам с нужным инвентарем для обряда воплощения идей в параллелизм.

Я взял у него письмо и начал недоуменно рассматривать странные закорючки, в которых я ничего не понял.

— Это я писал?

— Конечно! На письме ваша личная печать!

— Допустим. Что это такое — обряд воплощения идей в параллелизм? Чушь какая-то...

Профессор улыбнулся.

— Нет, господин, это не чушь. Это значит, что вам требовались удачные идеи для своих деловых встреч.

— Каких встреч?

— Этого я не знаю.

— Хорошо, расскажи, в чем заключался обряд.

Профессор объяснил:

— В этой чаше, по всем правилам высшей магии, я приготовил для вас отвар красного мухомора. От него еще идет пар. Кончиком ножа я писал заклинания по воздуху и с помощью амулетов направлял свою энергию к высшим силам. Когда напиток был готов, я прочитал тайные заклинания из своей книги, напоил вас отваром, и вскоре ваша душа улете- ла путешествовать. Я помогал вам, не переставая читать заклинания. Я также жег благовония и сопровождал вас в стра- нствии, пробивая вам путь магическим ножом...

Я его слушал с большим удивлением и наконец спросил:

— Как долго я путешествовал?

— Всю ночь. Ваша душа парила над многими мирами. Конечно, я не видел, то, что видели вы, но я чувствовал, что вы покоряете не страны и континенты, а целые Вселенные. К рассвету вы как-то утихл, и заснули. Возможно, вы даже видели сны. Я охранял вас здесь, держа свой нож наготове. Духи никогда не дремлют и могут овладеть путешествующей душой. Поэтому вам требовалась моя защита. Я боролся с одним мерзким существом, чтобы спасти вас. На моем ноже еще осталась его вонючая кровь. Наконец вы проснулись, начали кидаться на стены, танцевали. А под самый конец напали на меня, отняли нож... Кроме меня никому нельзя дотрагиваться до моего волшебного ножа! Я вам кричал, но вы не слушали, повалили меня на пол и чуть не зарезали. Слава всевышним силам, вы вовремя очнулись. Вот и весь рассказ. Что вы там видели и где путешествовали, я, конечно, не знаю. Это ваше дело. Я лишь помогал вам по вашей же просьбе.

Я растерянно озирался:

— Но я ничего не помню.

Профессор ответил:

— Это не страшно. Сейчас у вас временный провал в памяти. Это естественное последствие моего ритуала. Память полностью восстановится в ближайшие минуты.

Я придвинулся поближе к профессору и спросил полупшепотом:

— Я хочу знать, кто я сейчас. Скажи мне!

Вейсхаупт ответил мне таким же полупшепотом:

— Пожалуйста, я все скажу. Вы господин Натан Ротшильд, сын всеми уважаемого торговца антиквариатом, Майера Амшеля Ротшильда, поставщика двора его величества ландграфа Гессен-Кассельского Вильгельма.

Эти имена ударили меня как ток, и в моей голове заиграли образы старых монет из антикварной лавки отца, зазвенели

серебряные крейцеры, золотые гольдгульдены и медные талеры. Я почувствовал присутствие подземных тайников под нашим домом. Там хранятся драгоценности вкладчиков и аккуратные учетные бухгалтерские книги отца.

Я вспомнил, что у меня есть братья. Нас пятеро!

Я Натан Ротшильд.

Профессор внимательно наблюдал за мной и сказал:

— Вижу, к вам возвращается память.

Я чувствовал, что силы возвращаются, однако память восстановилась медленно, и я спросил:

— Какой сейчас год?

— 1805-й.

— Где мы?

— Во Франкфурте. Это дом вашего батюшки, где вы родились и выросли, однако сейчас вы живете в Лондоне, откуда вы прибыли вчера, для встречи с вашей семьей.

Следующая волна воспоминаний была наполнена новыми образами моего большого дома в Лондоне.

Стук в дверь, и курьер будит меня среди ночи. При свечах я читаю весточку от отца с требованием немедленно прибыть во Франкфурт на важное семейное совещание. Я начинаю собираться. Сонный секретарь записывает мои указания, которые он, несомненно, выполнит безукоризненно. Мой экипаж мчится под луной. Мой фрегат ожидает в Рамсгейтском харборе. Роскошные кареты брата целые сутки несут меня через всю Францию.

Потом я сидел и сочинял письмо.

— Верно, я вам писал, — вспомнил я.

— Память быстро возвращается, — обрадовался профессор.

— Однако никак не вспомню, в какой помощи я нуждался.

Может, дадите какую-нибудь подсказку?

Профессор задумчиво помотал головой и ответил:

— Подозреваю лишь, что речь идет о возможном финансировании датского монарха, принца-регента Дании

и Норвегии, Фредерика VI. После отмены крепостного права и рабства казна Дании так опустела, что королевство на грани развала. У вашего батюшки появились по этому поводу кое-какие соображения, и он хотел все обсудить с вами и вашими братьями.

Сразу всплыло воспоминание о моих братьях.

Они разбросаны по столицам Европы. Но сейчас все вместе находятся здесь, с отцом, и ждут меня для общей встречи сегодня утром в...

— Который час? — встревожился я.

Профессор посмотрел на карманные часы и ответил:

— Начало одиннадцатого.

Я быстро встал:

— Надо торопиться. Мне кажется, что встреча была назначена на десять часов. Наверное, семья заждалась.

Я направился к двери, но профессор меня остановил:

— Секунду. Позвольте лишь напомнить вам то, что вы сказали в беспамятстве.

Я остановился у двери.

— Я что-то говорил?

— Да! И мне кажется, это очень важно для вас сейчас.

— Хорошо, я слушаю.

— Вы сказали буквально следующее: «Истинное богатство не в наших подвалах, а в сознании людей, которые верят в наше богатство».

Смысл этих слов не дошел до меня.

— И что же это значит?

Профессор развел руками:

— К сожалению, я не могу знать. Возможно, понимание придет к вам в нужный момент.

Я кивнул и бросил на прощание:

— Вы получите достойное вознаграждение за ваш труд.

Профессор учтиво поклонился:

— Всегда к вашим услугам.

Пятая глава

НАЧАЛО НОВОЙ ФИНАНСОВОЙ ЭРЫ

Я вышел в длинный коридор, который сразу разбудил воспоминания детства. Вот здесь я бегал как угорелый от дверей до зеркала и обратно, наперегонки с братьями.

Голос мамы проснулся в глубине детской памяти:

— Голову свернете! Нельзя ли бегать помедленнее!

Мы с братьями смеемся:

— Как же помедленнее, если мы наперегонки?

Из угла привидением выступает бабушка со сладким голо-
сом:

— Кто заслужил сладкое варенье?

Мы хором кричим:

— Я... Я... Я...

Огромная деревянная дверь в конце коридора ведет в лавку отца. Папа всегда был в там, торговал всякой всячиной, и... монетами.

В ушах звон, и, дотронувшись до медной рукоятки, я медленно открываю эту дверь в наш семейный бизнес. Передо мной расстилаются векселя, закладные, счета, бухгалтерские книги, тайные записи отца. А лавка та же самая. Ничего тут не изменилось, кроме того, что на месте отца сидит его верный кассир Абрам.

Увидев меня, он почтительно встал и поклонился:

— Доброе утро, господин Натан!

Я отвечаю приветливо:

— Доброе утро, Абрам.

Кроме Абрама в лавке находится угрюмый купец, которому я отвечаю почтительный поклон.

Абрам говорит:

— Позвольте вам представить Исмаила, торговца из Мюнхена.

Я отвечаю учтиво:

— Рад знакомству, господин Исмаил.

Однако Исмаил по-прежнему хмур.

Зато Абрам улыбается:

— Господин Натан, помогите нам, пожалуйста, и подскажите сегодняшний курс талера.

Сам удивляясь собственным познаниям, отвечаю мгновенно:

— Талер сегодня стоит две трети крейцера, что равняется шестой части гульдена, или три четверти марки и пять третьих флорина.

Абрам несколько растерян:

— Сколько же следует дать крейцеров этому почтенному торговцу за сто флоринов?

И на этот вопрос у меня оказался готовый ответ:

— Один талер мы меняем на пять третьих флоринов, за один крейцер берем три вторых талера, это значит, что за сто флоринов мы выдадим двести пятьдесят крейцеров.

Абрам рад и, обращаясь к удивленному торговцу, говорит:

— Да, точно! Можете проверить.

Не дав Исмаилу время опомниться, я с почтением обращаюсь к нему:

— Однако я чувствую, вы со своими крейцерами поедете в Мюнхен для закупки следующей партии товара.

Исмаил отвечает:

— Да, это так.

Я говорю ему доверительным тоном:

— Тогда я бы посоветовал не брать с собой сундучок с монетами. Дороги нынче опасные. Полно воров и лесных разбойников. Мы можем дать вам именной вексель на двести пятьдесят крейцеров для обналичивания в нашей Мюнхенской меняльне. Это наш дорожный вексель. Комиссия всего лишь десятая доля от суммы векселя. За двадцать пять крейцеров вы сможете обеспечить себе надежную охрану. Ворам ваш вексель ни к чему, он же на ваше имя.

Торговец задумался, сразу понял преимущества моего предложения и сказал:

— Хорошо! Я согласен.

Я обратился к кассиру:

— Абрам, прими у господина сто флоринов, выпиши ему мюнхенский вексель на двести пятьдесят крейцеров с закладной на его сто флоринов и укажи комиссию.

Торговец молча поклонился, и я ответил ему тем же. Уже в дверях я услышал лестное замечание Абрама:

— Натан достойный сын старшего господина Ротшильда.

Через небольшой дворик я попал в наш садик, где папа играл с нами и обучал нас, когда мы были совсем маленькими. Здесь в нашей старой деревянной беседке проходила сегодняшняя встреча.

Братья были в сборе.

Джон приехал из Парижа, Соломон из Вены, Кальман из Рима, Амшель, наш старший брат, всегда оставался с папой во Франкфурте.

Отец сказал:

— Вот и Натан подошел. Почему ты опоздал?

Я, немного помедлив, ответил:

— Занимался с профессором.

Отец нахмурился на мгновение и спросил:

— С Вейсхауптом? Я видел, что он вчера входил в дом. Он еще здесь?

— Да.

Отец с интересом посмотрел на меня:

— Что же вы делали всю ночь?

— Он давал мне урок по ведению современного бизнеса.

Отец одобрил мой ответ и сказал:

— Хорошо. Садись, Натан, и начнем, не теряя времени, так как нам надо принять важные решения.

Мы все устроились в приготовленных для нас креслах вокруг садового столика.

Отец перешел к делу:

— Итак, я вас пригласил обсудить возможность крупного вложения капитала с получением существенной прибыли. Я знаю, что вы проделали долгий путь. Джон оставил неспокойный Париж, охваченный революцией. Спасибо сын, что отозвался на мое приглашение. Уверен, что, вернувшись обратно, ты найдешь свои дела в полном порядке. Соломон отложил великий бал для венской знати, который он ежегодно дает в своем дворце. Спасибо и тебе, Соломон. Надеюсь, это не очень повлияет на дела нашего венского банка. Кальман проделал долгий путь из Рима. Спасибо тебе тоже, Кальман. А ты, Натан, ведешь в Лондоне очень важные дела на благо всей нашей семьи. Спасибо тебе! Тем временем, пока вы трудитесь на чужих землях, ваш старший брат, Амшель, помогает мне во франкфуртских делах. Он всегда со мной и заменяет мне всех вас. Итак, еще раз спасибо за то, что быстро смогли приехать.

Братья поклонились отцу, а я сказал:

— Папа...

Это слово, так естественно вылетевшее из моих уст, прозвучало для меня двояко. Одна моя сущность не могла воспринимать этих людей как семью, так как я видел их в первый раз. Однако другая часть меня чувствовала родственную теплоту, кровную близость и спокойствие, так необходимое для полноценного существования в этой вселенной. Обе части подсказывали, что я люблю этих людей с рождения. А они любят меня.

Моя пауза слишком затянулась, и отец спросил:

— Да, сын мой, что ты хотел сказать?

— Папа, уверен, что братья согласятся со мной в том, что мы готовы прилететь в наше родное гнездо по первому же твоему зову, будь то на благо дела или просто так.

Братья кивнули головами, выражая нашу общность.

Джон сказал:

— Конечно, Натан прав, отец. Ты дал нам все. Знания, опыт работы с деньгами и цифрами. Ты отправил нас в лучшие столицы Европы, и сейчас каждый из нас живет в замке, о котором самые могущественные монархи могут только мечтать.

Кальман добавил:

— Да, да! И мы все знаем, как все начиналось. Ты, папа, вырос на посудной улице в нищем гетто и добился немыслимого! Мы все восхищаемся тобой, мамой и вашим подвигом!

Отец даже прослезился. Он обнял всех нас по-отцовски и сказал:

— Спасибо, мои верные сыновья! Вы пять стрел одного лука! Я горжусь, что сейчас вы уже мои взрослые партнеры, у которых не только зубки прорезались, но и зуб мудрости растет! Давайте не будем терять времени и перейдем к делу.

Мы приготовились внимательно слушать, и отец произнес:

— Недавно, находясь в Ханау в замке его величества Уильяма, принца гессенского, я получил достоверную информацию от казначея, господина Карла Бударуса, о проблемах датского двора. Вы знаете, что Данией формально правит душевнобольной король Кристиан VI, но реальная власть у наследного принца-регента Фредерика, который проводит ряд непонятных реформ. Он освобождает крестьян от крепостного права, ограничивает помещиков нормированием барщины, отменяет рабство в колониях и ведет бессмысленную войну против Швеции. Всем этим он довел свою страну до банкротства и сейчас ищет ссуду. Ему нужно очень много золота для продолжения войны, потому ему нелегко найти поставщиков. Думаю, это прекрасная возможность для нас выйти на высший международный уровень. Я хочу знать ваше мнение: как вы относитесь к тому, чтобы изыскать возможность ссудить золото датской короне под хороший процент?

Братья призадумались.

Первым высказался Джон:

— Думаю, это хороший план. Такое дело может иметь продолжение и в Париже. Вы знаете, что у меня дружеские отношения с французской знатью. После переворота 18 брюмера в правительстве идут постоянные перестановки. Республика продержалась всего восемь лет. А сейчас упразднено правительство, называемое директорией, и к власти пришел генерал Бонапарт, который стремительно вырос в императора. Есть силы, пытающиеся вернуть династию Бурбонов, и им нужны огромные средства для возвращения короны. Но пока их попытки в зачаточном состоянии. А у действующего императора огромная потребность в новых военных операциях, что, конечно же, связано с немалыми расходами. Несмотря на всеобщую приватизацию земель, денег во Франции нет. Так что императорский двор Наполеона тоже созрел для больших займов. Министр финансов Годен недавно сказал мне, что денег давно не видит даже во сне. Думаю сейчас именно то время, когда мы можем очень выгодно размещать займы во Франции. С одной стороны, мы можем финансировать безумство Наполеона, а с другой — давать деньги Бурбонам для борьбы против него. Однако встает нелегкий вопрос, где взять столько золота, чтобы хватило на все ссуды и датскому регенту, и Наполеону, и Бурбонам?

После Джона слово взял Соломон, живущий в Вене:

— Мы говорим о вещах высочайшей важности. Вы знаете, я не люблю многословие и возвышенные фразы, но сейчас скажу, что при разумном осуществлении наших планов мы могли бы увеличить свое состояние до астрономических цифр. Могу рассказать об императоре Австрии Франце II. Он тоже нуждается в ссудах, несмотря на природную скупость. Представьте, его двор экономит даже на соли! Император сейчас ведет войну с Наполеоном, и его разобьют,

если он немедленно не перевооружит свою армию. Я встретился с его представителем Меттернихом и нашел с ним общий язык. Так вот, несмотря на презрительное отношение к нам, евреям, Меттерних сделает все для нашего процветания в Австрии, если мы сможем обеспечить государство нужными финансами. Тогда получится, что мы имеем прибыль со всех: финансируем Бурбонов во Франции и Габсбургов в Австрии против Наполеона, даем деньги Дании против Швеции и поставляем золото Наполеону против всего мира. Но тут встает непростой вопрос, который задавал Джон. Где нам самим взять столько? У нас нет достаточных запасов, чтобы обеспечить всю Европу ссудами.

Соломон умолк.

После задумчивой паузы взоры обратились на нашего следующего брата, Кальмана, который жил в Неаполе и вел наши дела в Италии.

Он сказал коротко:

— Я могу выйти даже на Папу Римского. Уверен, что Ватикан возьмет наши деньги, несмотря на их происхождение. Ватикану золото нужно всегда. Но, чтобы осуществить наш грандиозный план, нам необходимо неожиданное решение, иначе мы будем вынуждены выбрать одно, наиболее выгодное направление, и только спустя несколько лет, получив проценты, перейти к другой стране. Это долгий путь.

Настала очередь Амшеля, нашего старшего брата, живущего и работающего с отцом во Франкфурте.

Он сказал:

— Пока мы беседовали, я нарисовал небольшой финансовый набросок. Наш отец говорил о ссуде для датской короны, Джеймс — для Наполеона с Бурбонами, Соломон — для Меттерниха, и Кальман — для Ватикана. По всем направлениям одновременно потребуется как минимум девять миллионов талеров.

Кальман присвистнул, а у меня перехватило дыхание от такой цифры. Переведя эту сумму в золото, я и вовсе ужаснулся. Это пятьдесят огромных фрегатов до верха наполненных золотыми слитками и у меня вырвалось:

— Это целая флотилия с золотом.

Соломон согласился:

— Да, точно!

Амшель же продолжил:

— Такого богатства нет у всех Франкфуртских банкиров вместе взятых. Выходит, одновременное финансирование всех монархов невозможно.

Отец сказал:

— Я тоже так думаю. Начнем думать, что выгоднее.

Тут в моей голове что-то щелкнуло, потом в мозгах взорвалась бочка с порохом, и неожиданное видение оглушило меня.

Передо мной открылось морское пространство. Я стоял у кромки флагманского корабля и как одержимый всматривался в туман. Я чувствовал возбуждение и знал, что за мной следуют корабли. Их много. Очень много. И все они наполнены золотыми слитками. Невообразимое количество золота наполняет меня, усиливая мою одержимость во сто крат. Рядом стоит улыбающийся капитан корабля и говорит мне с почтением:

— Сэр, я восхищаюсь вашей решимостью перевозить столько золота по морю.

Я строго взглянул на него, и он понял, что лучше со мной не связываться. Улыбка исчезла с его лица, а я спросил:

— Где мы сейчас?

Он удивился, однако сразу ответил:

— У берегов Англии, сэр. Мы уже прибываем.

Моя одержимость смотрела на мир хмурым взором.

Я сказал:

— Хорошо. А откуда мы везем золото?

Капитан как-то странно заморгал, но и на этот вопрос ответил сразу:

— Из Бомбея.

— Индия?

— Да, сэр, Индия.

Тут мой мозг щелкнул еще раз, вернув меня в действительность, однако одержимость никуда не пропала, и в моих ушах прозвучал голос профессора Вейсхаупта: «Истинное богатство не в наших подвалах...». Дух отозвался эхом: «Истинное богатство в сознании людей, которые верят в наше богатство!»

Отец и братья были поражены моим состоянием. Голос отца прозвучал для меня из какой-то другой реальности:

— Натан, Натан! Что с тобой? Тебе плохо?

Я хотел ответить, но вместо меня ответило Нечто, которое родилось во мне из одержимости:

— Истинное богатство не в наших подвалах, а в сознании людей, которые верят в наше богатство.

Все спросили в один голос:

— Что?

Отец сказал несколько испуганно:

— Сынок, что ты говоришь? Объясни нам.

Нечто сказала:

— Мы можем профинансировать всю Европу. Даже две Европы, если хотите.

Братья хотели возмутиться, но отец остановил их жестом руки, привстал, подошел ко мне и сказал, пристально посмотрев мне в глаза:

— Натан, ты сам не свой. Если ты решил подшутить над нами, то сейчас неподходящий момент.

Я, точнее Нечто, ответило:

— У меня есть план.

Отец строго кивнул головой:

— Хорошо, мы тебя слушаем.

Все смотрели на меня с некоторой долей сомнения, однако Нечто не смущалось и сказала моим уверенным голосом:

— Представим на мгновение, что у нас в подвале нет ни грамма золота.

— Боже упаси! — вырвалось у Амшеля.

Я со злостью посмотрел на брата, а отец сказал:

— Хорошо, хорошо. Уже представили. Итак, у нас нет ни грамма золота в подвалах. Что потом?

Я-Нечто продолжило:

— Теперь представьте, что вся Европа верит, что золота в наших подвалах навалом.

Джеймс рассмеялся:

— Да, ситуация была бы забавная.

И все-таки, они еще не понимали, к чему клонит Нечто, и оно начало объяснять:

— Теперь представьте, что мы начнем печатать бумажные деньги, которые подкреплены не настоящим золотом, а лишь верой людей в то, что оно у нас есть.

Соломон первым оценил тонкость суждения и сказал:

— Это очень интересно! Продолжай!

— В этом случае мы могли бы напечатать бумажных денег в любом нужном для нас количестве. Миллион дукатов для датской короны? Нет проблем! Нам не нужно золото. Нам нужна лишь вера всей Дании в наши бумажки. Тогда мы сможем брать обязательства на нужную сумму, и вместо золота давать эти бумажки принцу-регенту Дании. Мы получаем интерес, и лет через пять наш миллион дукатов вернется к нам уже в виде настоящего золота. И еще сверху останется долг Дании на корневую сумму.

Майер сказал строго:

— Стоп! Получается, что мы печатаем фальшивые деньги? И что, по-твоему, будет, если датский принц потребует обналичить наши пустые бумаги?

Нечто ответило через меня:

— Это уже другая сторона вопроса. Мы сделаем так, чтобы подобное требование не возникло. Это легко. Достаточно лишь заложить в наши ценные бумаги интерес для держателей. Назовем это обязательством. На английский манер будет звучать привлекательнее — облигация с интересом. Каждый захочет попридержать облигацию, которая лежит в ящике и прибавляет в цене десятую долю нашей собственной прибыли. Так мы будем регулировать рынок наших облигаций.

Тут загорелся Джон:

— Очень интересно!

Соломон спросил:

— А как быть с обналичиванием наших облигаций другими ростовщиками?

Нечто сказала:

— А для этого нам поможет подкуп заинтересованных монархов. Пусть они внесут изменения в законодательство и сделают наши облигации обязательными к приему в других банках. Какой банк откажется от них, если они уверены, что в наших подвалах золота очень и очень много?

Отец сказал:

— Все выглядит заманчиво. Можно представить, как мы купим монархов на законы, но как же нам убедить все страны, что у нас переполненные золотом подвалы?

Нечто ответило моим языком:

— Как раз эта часть самая легкая! Ее я беру на себя. Братья кивнули в знак одобрения, а Кальман спросил:

— Скажи, Натан, что же ты собираешься делать?

Нечто сказала:

— Через своих тайных агентов я найму флотилию его высочества короля Англии на месяц или два. Это будет несложно. Потом я пошлю эту флотилию в Индию, скажем, в Бомбей, и под покровом таинственности загрузу его тяжелыми сундуками. В сундуках будут камни, но я пущу слух, что это

чистое золото. Люди охотно верят в невероятное. Все будут на свой лад пересказывать, как я будто бы нашел золото древнеиндийских полубогов, которое десять тысяч лет хранилось под заброшенными развалинами старинного храма в джунглях.

Отец сказал:

— Да, люди верят в сказки. Продолжай, ты рассуждаешь очень интересно.

— Потом я доставлю эту флотилию в Лондон и тайно выгружу все в подвалы банка. Вы, наверно, догадываетесь, что по документам это будет именно чистое золото. Несколько кораблей мы отправим в Париж, и они осядут в подвалах банка Джеймса. Добавьте к этому заказные статьи в престижных изданиях, шепот наших друзей при царских дворах, усиление охраны наших ворот, и вот вам оживший миф о том, что подвалы банков Ротшильдов в Лондоне и Париже переполнены чистым золотом полубожественного происхождения из Индии. Если же сразу за этим мы начнем выпускать облигации не только для Дании, но и для всех нуждающихся в кредитах монархов по всей Европе, тогда отпадут всякие сомнения и мы сможем финансировать Австрию против Наполеона, Англию против России, Наполеона против Европы! Кого угодно против кого угодно! Мы даже можем развязать войну! Война — лучшее время для выгодных ссуд! А послевоенное положение — выгодное время для ссуд на восстановление! Чем больше денег на оружие, тем больше будет уничтожено, и тем больше нужно будет восстанавливать! Мы станем всесильными!

Нечто во мне замолчало.

Я отряхнулся, как бы прогоняя внутренний голос, а в садике воцарилось тяжелое молчание.

Джон сказал осторожно:

— Думаю, план Натана великолепен. Содержимое наших подвалов известно лишь нам! А если мы будем хранить это

в тайне, то никто никогда и не узнает. Нужно еще скорректировать законы о наших векселях, но это несложно. Тем более никто никогда не узнает об истинных размерах нашего имущества, если мы разбросаем его по разным странам. Кто же сможет проверить нас везде?

Теперь суть дошла и до Амшеля, моего старшего брата, и он сказал:

— Так мы сможем выдавать почти неограниченные кредиты, не обеспеченные ничем, и при этом мы будем получать проценты от всех кредитов! Перед нами встанут неслыханные богатства.

Я тоже горел этой безумной идеей и сказал:

— Получится, что мы выдаем монархам обязательства и ничем не рискуем, пока держатели обналичивают наши бумаги не у нас. Обратите внимание, что интерес облигаций гарантирует нам низкую вероятность обналичивания больших средств. Тем более мы даже можем контролировать процесс обналичивания наших бумаг, увеличивая или уменьшая проценты.

Под конец слово взял отец и подытожил:

— Итак, Натан нам предлагает неслыханную идею выдавать в кредит несуществующие активы. Но для этого нам нужно получить кое-какие права, подкрепленные соответствующим законодательством и верой народа в нас. Я думаю, надо действовать немедленно. В таком деле понадобится удача...

Братья согласились:

— Да, удача нам нужна!

Отец сказал:

— Чтобы схватить быка за рога, давайте приступим к осуществлению плана Натана немедленно! Вот что мы будем делать: Натан обеспечит нашу легенду о золоте тем, что организует транспортировку сундуков из Индии в Англию и во Францию. Джеймс начнет интенсивно распускать слухи

о фантастической находке Натана по Парижским салонам, что будет для него не очень сложно. Соломон назначит встречи в Вене с Меттернихом, чтобы получить его поддержку в процессе принятия закона о наших облигациях. Кальман в Риме пусть добьется аудиенции Папы Римского и получит его благословение на хранение несуществующего золота. Думаю, мы сможем купить поцелуй руки папы, что усилит нашу легенду о небывалой находке! Амшель пусть едет в Данию на прием к Фредерику, чтобы убедить его взять ссуду в облигациях. Надо еще заверить оружейников, что держать наши облигации выгодно. Думаю, их природная алчность поможет в этом. В таком случае Фредерик будет не против получить ссуду облигациями, так как ему нужно на эти деньги покупать оружие. Уверен, что он с готовностью даст хорошие земли в залог, а мы ему предложим низкий процент. Я отправлюсь к нашему герцогу и подготовлю почву для того, чтобы он потом выкупил часть наших облигаций, что даст нам возможность иметь наличный капитал для продвижения нашего нового общего дела.

Соломон сказал:

— Чувствую, что мы вступаем в новую финансовую эру Европы и всего остального мира.

Все было решено, и мы быстро разошлись.

Я вернулся в свой кабинет. Внутреннее Нечто затихло, однако, оно было там и подсказало мне написать подробное письмо герцогу Веллингтону, адмиралу Ее Величества с просьбой одолжить мне флот, а взамен позволить мне построить для него роскошный замок в любом месте Лондона. Перечитав написанное, я вызвал гонца и приказал ему мчаться в Англию с письмом.

Потом я велел приготовить свой экипаж. На сборы у меня ушел лишь час, и скоро я уже садился в карету.

Провожая меня, папа сказал:

— Удачи, сын мой! Твои братья уже разъехались. Вы у меня все молодцы, но ты молодец втройне. Придумал отличный план.

— Да, папа. Но у меня чувство, что нечто иное говорило во мне.

Папа рассмеялся:

— Должно быть, оно умнее всех нас вместе взятых.

Мне было не до смеха:

— Оно гораздо могущественнее и жаждет войны и разрушения.

— Твое «Нечто» называется интуицией, сынок. А войны, нищета и разорение придуманы не нами. Нам надо действовать молниеносно, ибо если не мы, это сделает кто-то другой. Нельзя терять то, что можно приобрести! Потому вперед! Отправляйся в Индию, осуществи свой план, и удача будет на нашей стороне.

— Хорошо, папа, я все сделаю, — ответил я.

Шестая глава

ВОРОТА ВЕЛИКОГО ГОРОДА ИРТИФАХАНА

Очнулся я внезапно, но как-то не до конца. Во рту был вкус песка, в глазах — остатки прошедших грез. Сначала Ной и его борьба с Черно-Белым Ангелом, потом этот толстый финансовый аферист с диковинным именем — Ротшильд и удивительным «Нечто» в себе.

Это не могло быть сном. И этот горячий песок под пальмой, и мои гноящиеся конечности... Это тоже явь!

Я прислушался к беседе Антуана и Аниты.

— ...после этого случая я уже не мог остановиться. Рука моя сама бралась за перо и блокнот и я писал, писал, писал. На Земле столько прекрасного, столько чудесного и восхитительного, что для осознания всего не хватит и тысячи жизней. Я мечтаю вернуться на Землю, чтобы продолжить

познание красоты, но, видимо, этого мне уже не суждено, — говорил Антуан.

Анита спросила:

— Что тебе мешает? У тебя есть самолет. Правда, он сейчас разбит. Почини его и сразу лети на Землю!

Антуан ответил:

— Я бы с удовольствием, но мне нужен билет.

Анита удивилась:

— Билет? Какой билет?

— Самый обычный билет на Землю. Без билета туда не пустят.

— Даже нас?

— Конечно, даже вас.

Анита задумалась:

— Где же его взять?

— К сожалению, я не знаю. Может быть, в Иртифахане.

— Так пойдем с нами в Иртифахан и купим билет.

Антуан ответил:

— Знаешь, принцесса, каким-то образом я застрял здесь. В последний день своей земной жизни я летел в самолете. Была война. Мне говорили, что лучше не соваться на берега Испании, но у меня было задание доставить специальный груз. Я решил рискнуть и пролететь по побережью, чтобы увидеть прекрасный закат. Вражеский самолет появился неожиданно, и меня подстрелили.

Анита заплакала:

— Какой ужас...

— Больно не было. Обидно, что я многое не успел сказать. Но еще хуже то, что я застрял здесь. Дальше не пускают, а билета назад нет. Возможно, что я жду своего часа. Но жду терпеливо и служу почтальоном, как и всю жизнь.

Анита вытерла слезинку:

— Это очень печальная история. Я достану тебе обратный билет, обещаю.

Антуан обнял Аниту:

— Спасибо, принцесса! Однако у нас очень мало времени. Солнце близится к закату. Надо разбудить Николая и идти дальше.

Анита подбежала, и меня осветила ее улыбка:

— Добрый вечер, Николай. Ты проспал весь день в тени этой пальмы. Что видел во сне?

Я ответил неопределенно:

— Долго рассказывать.

Анита сказала:

— Сейчас ты выглядишь лучше, чем вчера. Колыбельная помогла? Помнишь, я тебе пела перед сном?

— Смутно помню.

Анита немного обиделась:

— А жаль. Я пела от всего сердца.

— Не сердись, мне было очень плохо.

Анита улыbnулась:

— Не сержусь. Вставай. Нам пора идти. Антуан говорит, что нам надо добраться в Иртифахан до рассвета.

Подошел Антуан, проверил мои пальцы и сказал:

— Ухудшений нет. Попробуй встать. Ты можешь ходить?

Я приподнялся и почувствовал, что силы вернулись ко мне.

Правда, руки и ноги болели от гноя, но идти я мог. Антуан удовлетворенно кивнул головой:

— Хорошо! Тогда в путь! Надеюсь, успеем. Как у тебя с мыслями?

Я пожал плечами, посмотрел на запад и увидел там огромную стену желтого цвета.

Анита встревожилась:

— Что это?

Антуан недовольно покачал головой и ответил:

— Это песчаная буря. Будет плохо, если она нас накроет.

Анита задумчиво повторила:

— Песчаная буря. Какая она красивая.

Антуан обратился ко мне:

— Я уверен, что направление этой бури зависит от твоих мыслей. Пожалуйста, будь внимателен. Если у тебя опять начнут возникать негативные чувства, то отгоняй их как сможешь.

Я спросил его с опаской:

— А если не смогу?

Антуан развел руками:

— Тогда мы все — ты, я и Анита — задохнемся в песках, не дойдя до Иртифахана.

Анита попросила:

— Николай, постарайся, пожалуйста.

Антуан сказал:

— Могу посоветовать: дыши глубоко и следи за своим дыханием. Произноси мысленно — вдох, выдох — и будь дыханием души твоей. Может быть, поможет.

Я кивнул:

— Спасибо! Так и буду делать. Но...

— Что? — спросил Антуан.

— Я как-то потерял. Не знаю, почему нахожусь здесь и зачем ты ведешь нас в Иртифахан, — ответил я.

Антуан объяснил:

— Возможно, у тебя какая-то цель, которую ты пока не осознаешь. Не исключено, что ты мельком видел картинку Иртифахана и невзначай подумал поехать. Кроме твоих страданий, здесь исполняются твои заветные мечты. Думаю, в нужный момент ты поймешь, зачем направляешься в Иртифахан.

— Я должна нарисовать Иртифахан, — сказала Анита.

После заката мы пошли по пескам и по лунной тропинке. Я пытался удерживать взгляд на огромном диске ночного светила. Это помогало не допускать тревожные мысли.

К полуночи Иртифахан не появился, но Антуан был уверен, что он уже близко.

Время от времени я обращал свой взгляд назад, к западу. Оттуда за нами неуклонно следовала песчаная буря. Чтобы не допустить в себя пагубные мысли, я приковывал свой взор к луне и...

Вдруг там зашевелились кратеры, задвигались тени, и я отчетливо увидел сцену в богато обставленной спальне. Силуэт Софи... Боже! Она голая ложится в постель, где ее ждет...

Кэтчер!

Все во мне опять всколыхнулось. Беспокойство охватило меня в один миг. Я задрожал от нахлынувших мыслей. Почувствовал, как поднимается ветер и услышал глухой призыв Антуана:

— Николай! Дыши глубоко и мысленно следуй за своим дыханием!

Я задышал. Вдох-выдох, вдох-выдох... Скоро тревога откатила, но ветер не стих, и конечности заломило сильнее.

Анита взяла меня за руку:

— Держись, Николай.

Я молча кивнул ей, и мы пошли дальше.

После этого я боялся смотреть на луну и пристально вглядывался в беспредельные пески передо мной.

Ближе к рассвету, когда никаких сил на передвижение уже не оставалось, я увидел вдаль чудесный пейзаж. Горная лужайка с красными маками, зеленая трава, снег на вершинах вдаль, а еще дальше — затерянный в скалах монастырь. Все в точности так, как на рекламной фотографии, которую мне дала Инга в туристическом агентстве. От этого видения у меня мурашки побежали по спине. Появились очертания городской стены с огромными воротами, которые засверкали в лунном свете.

Я спросил:

— Что это? Мираж?

Антуан вгляделся вдаль и сказал:

— Нет, это ворота Иртифахана!

Анита подскочила:

— Ура! Ура! Ура! Какая прелесть!

Я сказал:

— Да, великолепный вид.

Анита заторопилась.

— Скорее, подойдем поближе.

Болячки ныли, но я продолжил путь. Моим единственным желанием было увидеть, что эти очертания не мираж. И наконец, дойдя до них, я понял, что они не исчезают. Наконец вплотную приблизились, и вот мы стоим перед воротами древнего города великих врачей-лечителей. Неужели за ними кроется моя единственная надежда на исцеление? Как бы отвечая на мой мысленный вопрос, Антуан сказал:

— Ну вот мы и пришли. Сейчас Николай должен постучать в эти ворота. Их откроют, и вы туда войдете.

У Аниты на глаза навернулись слезы. Она сказала:

— Антуан, прошу, пойдем с нами!

Антуан улыбнулся ей:

— Меня туда не пропустят. Да и не надо. Ведь меня ждет мой разбитый самолет. Я вернусь к нему, отремонтирую и полечу дальше.

Анита обняла пилота и спросила:

— Куда ты полетишь?

— Развезить других пассажиров. Анита сказала:

— Я достану тебе билет на Землю! Обещаю!

Антуан нагнулся, поцеловал девочку и ответил:

— Прекрасная принцесса, я хочу, чтобы все твои мечты сбылись.

Потом он подошел ко мне и пожал руку:

— От всей души желаю тебе удачи, Николай, стучи в дверь.

Я кивнул, повернулся к воротам и ударил железной рукояткой о дверь. Звук оказался настолько всепроникающим,

что вся пустыня оживилась, и пески завибрировали. Длинное окошко в воротах щелкнуло, отворилось, и оттуда на нас посмотрели глаза. За этим последовал вопрос:

— Кто такие?

Я ответил несколько растерянно:

— Я Николай, а эта Анита.

— Кто доставил?

— Летчик Антуан.

Глаза в окошке моргнули пару раз. Они недовольно, но внимательно изучали нас. Потом голос спросил:

— Почему вас двое?

Я растерялся:

— Почему бы нет? Мы прилетели вместе.

Голос сказал задумчиво:

— Такого раньше не было. Парами тут не ходят.

Антуан подтвердил:

— Их правда было двое.

Глаза повернулись в сторону Антуана, и после долгой паузы голос сказал:

— Один или двое, это ваши проблемы. В пустыне я вас оставить не могу, надо впустить, но летчика — нельзя.

Антуан развел руками:

— У меня и так дела. Надо самолет починить.

Голос приказал:

— Отойди на сто шагов, и тогда я отворю ворота...

Мы еще раз обнялись с Антуаном и попрощались. Он лучезарно улыбнулся нам, отошел и помахал рукой.

Тут ворота Иртифахана загромыхали, начали медленно отворяться, и мы, сделав несколько неуверенных шагов, оказались в черте города.

Я пролепетал:

— Спасибо.

И услышал, как ворота закрываются за нами с тем же грохотом.

Седьмая глава

ЭСКУЛАП — ВЕЛИКИЙ БОГ ВРАЧЕВАНИЯ

Перед нами предстала высокая фигура здорового мужика, обросшего бородой и кудрявыми волосами. Он был обернут в белую простыню наподобие древнегреческой, а на голых ногах, как и полагается, носил сандалии. В правой руке он держал огромный, красивый жезл с многочисленными узорами и...

О ужас!

Жезл обвивали две ядовитые змеи, которые смотрели на нас недовольным, но вполне осознанным взглядом. Они выбрасывали длинные язычки и грозно шипели.

Я вздрогнул. Анита прижалась ко мне.

А мужик, не обращая внимания на змей, сказал:

— Итак, Николай и Анита, вижу, вас испугали мои дочки. Вы не знакомы с ними?

Я удивился, не понимая, почему я должен быть знаком со змеями. Грек недовольно покачал головой и сказал:

— Ну их, ладно, забудем про гадюк. Зато не сомневаюсь, что вы непременно узнаете меня!

С этими словами он выпрямился во весь рост, представ перед нами во всей своей полуголой красе, и замер в вопрошительном ожидании.

Я смотрел на него, пытаюсь припомнить хоть что-нибудь, однако моя память ничего не пожелала восстановить:

— Я вас не знаю, извините.

Анита испуганно прижалась ко мне, и некоторое время мы вопросительно смотрели на застывшего грека.

Наконец он отчаянно махнул рукой и начал громко упрекать нас:

— Ну что за молодежь пошла?! Никаких познаний! Никакого понимания! Догадливости тоже никакой. Зато полно тупости ума. А ведь я занимаю уютный уголок в душе

каждого человека! Неужели никто больше не заглядывает туда? А ты еще доктором себя называешь?! Молчи, вун и обманщик!

От этих слов я чуть в обморок не упал, а Анита заплакала. Увидев слезы девочки, грек сжалился и сказал:

— Ладно. Прощаю, чтобы успокоить эту прекрасную девочку, а если уж вы не способны вспомнить меня, то нам надо познакомиться.

Я молча кивнул.

Он сказал:

— Для начала представляю этих симпатичных и прелестных змей. Они ымой дочери. Старшую зовут Гигиея, а младшую — Панацея. Они вас не тронут, пока я не прикажу. А я этого делать пока не намерен.

Анита подтерла слезу, вышла из оцепенения и спросила:

— Как это змеи могут быть вашими дочками?

Мужик недовольно покачал головой, но все-таки чувствовалось, что Анита ему нравится, и он ласково ответил:

— А почему, позволь спросить, они не могут быть моими дочерьми?

— Потому, что вы сами не змея, — возразила Анита.

Грек громко рассмеялся:

— Ха-ха-ха! О, да! Какая ты прелестная и смышленная девочка! Ты мне очень нравишься, и я с тобой полностью согласен. Я не змея и даже не змей! Какая ты наблюдательная! Если талант действительно в тебе большой, то сейчас ты даже угадаешь, кто я.

Анита пожала плечами:

— Вы лучше скажите сами.

Грек повернулся ко мне, пристально посмотрел в глаза, и этот взгляд разбудил во мне смутные воспоминания о моем университетском лекторе, который нудно рассказывал древнегреческие легенды. Этот рассказ я лениво воспринимал сидя на задней парте. Гигиея, Панацея, их отец...

Вспышка осветила мой мозг, и я сказал неуверенно:

— Асклеий?! Вы, наверное, всеми почитаемый Асклеий? Бог медицины!

Глаза грека вдруг засверкали от злости. Он почернел от негодования и накричал на меня:

— Я бог врачевания, а не медицины! И зовут меня Эскулап, а не Асклеий! Зачем ты, гадина, называешь божественную науку исцеления именем какой-то знахарки и предательницы? Нет никакой медицины! Есть только исцеление! И если ты хочешь иметь со мной дело, то знай и запомни навсегда: я бог врачевания, и зовут меня Эскулап!

Я испуганно кивнул в знак подчинения и пролепетал:

— Да, извините, вы Эскулап, бог врачевания.

Это его немного успокоило:

— Какая несправедливость! Настоящую науку величают в честь аферистики, а мое имя забыли! И зачем мне такое бессмертие? Оно мне нужно?

Тут Эскулап вдруг сильно погрузтел. Он присел на ближайший камень и... заплакал.

Утирая слезы, он обратил свой взор на Аниту и сказал ей жалким голосом:

— Я должен был родиться обычным смертным человеком. Прожил бы спокойную жизнь у подножия горы Олимп и умер бы себе под сосной, но мой отец совершил ужасное преступление. Вы не можете себе даже представить, что он сделал.

Анита подошла близко к Эскулапу, погладила его и сказала:

— Успокойся. Не вспоминай плохое.

Но бог исцеления продолжал плача:

— Отец убил маму. Он сжег ее на костре, беременную. Представляете?! Она ему чем-то не угодила. А там, в ее чреве, был я.

Анита, потрясенная услышанным, нежно обняла Эскулапа.

Он тоже ее обнял и сказал:

— Костер был огромным, и бедная мама сгорела быстро, однако отец не хотел моей смерти и вырвал меня из огня. Я помню, восседает мой отец на престоле с магическим жезлом в правой руке, а перед ним огромный кентавр, которому отец говорит: «Друг мой Хирон! Вот я отдаю свое смертное чадо тебе на воспитание, и если он преуспееет в искусстве исцеления, да пусть исцелится сам и станет таким же бессмертным, как мы, Боги Олимпа! Ибо он мой сын».

Эскулап замолчал.

Я стоял в полной нерешительности, не зная, что делать. Анита же погладила Эскулапа по голове и сказала:

— Дорогой дядя Эскулап. Можно тебя так называть?

Лицо Эскулапа просияло:

— Да, да! Как ты мне нравишься! Конечно, ты можешь меня так называть. Я для тебя буду дядей Эскулапом.

— Так, вот, дорогой дядя Эскулап, хочу успокоить тебя тем, что тебе повезло! Ты знал своего папу, помнишь его, хотя он и был злым. А я никогда не видела своего папу. Я так хочу его найти, но не знаю, где искать.

Эскулап посмотрел на нее с сочувствием и сказал:

— Уверен, что ты найдешь... А мой хотя и был жестоким, но после завершения моего обучения у Хирона позволил мне сделать себя бессмертным. А еще я могу рожать даже змей, если захочу.

Анита ответила задумчиво:

— Конечно! Ты и выглядишь как бог.

Эскулап довольно закивал и сказал:

— Теперь мы знакомы, и у нас наладилось понимание. Перейдем уже к делу.

Он встал, выпрямился во весь рост, слегка ударил жезлом о землю и произнес:

— Вы, вновь прибывшие в великий город врачей Иртифахан, знаете ли, зачем находитесь здесь?

Я задумался, но Анита ответила ему сразу:

— Для того, чтобы вылечить Николая. Ему нужна помощь. Вчера я ему спела перед сном. Он уснул, и сегодня ему стало лучше. Но моя колыбельная не лекарство. А у вас должны быть средства...

Эскулап ее ласково остановил:

— Милая Анита, все не так просто. Я не могу взять и вылечить Николая, назначив ему лекарство.

Анита заволновалась:

— Что же нам делать?

Эскулап ответил:

— Николай должен сам себя вылечить.

Я удивился:

— Как?

Эскулап повернулся ко мне:

— А так! Каждый может себя вылечить! Конечно, понадобится помощь, я помогу. Для этого меня и послали к вам.

— Как хорошо! — обрадовалась Анита.

Во мне тоже зародилась надежда, и я спросил:

— Как вы поможете?

Эскулап подозвал меня поближе и сказал:

— Я могу отвести тебя к тем целителям, которые научат тебя врачеванию. И если ты окажешься достаточно умным и одаренным, то, возможно, сможешь исцелить себя.

Говоря это, он оценивающе смотрел на меня, не до конца веря в мои возможности. Меня накрыла волна раздражения, и я ответил резко:

— Я окончил два медицинских университета. У меня многолетняя практика нейрохирурга высочайшего класса. Я сам читаю лекции. Чему мне учиться у каких-то целителей?

Закончить свою мысль я уже не смог. Боль в пальцах вызвала судороги, а голова так закружилась, что я чуть не упал.

Эскулап подхватил меня и сказал:

— Зря раздражаешься. Этим ты только вредишь себе. Учиться никогда не поздно и никогда не стыдно.

Анита сказала:

— Да! Моя мама тоже говорит, что учиться никогда не поздно!

Одна из змей Эскулапа поднялась, посмотрела на нас, как-то странно зашипела, и я почувствовал, что мне полегчало. Головокружение прошло, и я уже мог сам стоять на ногах.

Эскулап сказал:

— Нам пора идти. Твоя болезнь прогрессирует. Видно, что времени мало. Если промедлим, твое исцеление станет невозможным. Тем более что до восхода солнца вы должны покинуть Иртифахан.

Анита сказала:

— Мы не уйдем отсюда, пока не вылечим Николая.

Эскулап грустно покачал головой:

— Николай должен вылечить себя сам! Но это надо успеть до рассвета. Пойдем!

Но Анита остановила его вопросом:

— Подожди, дядя Эскулап. А что будет, если он не сможет из лечиться?

Эскулап пожал плечами:

— В любом случае я буду вынужден проводить вас отсюда до восхода.

Анита продолжала задавать тревожные вопросы:

— Куда?

Эскулап объяснил:

— Отсюда только два пути. Если Николай вылечит себя, тогда я смогу отправить вас на Землю. Если же нет, останется второй путь — на скалу Аюрведы, через Океан Страсти. Скажу честно, оттуда уже дороги назад нет. Это смерть.

Анита воскликнула:

— Нет! Я этого не допущу!

Эскулап сказал:

— Прекрасно! И я помогу, чем смогу. Следуйте за мной!

Восьмая глава

БАБУШКА ТОЦИ, НАСТОЙКА И ВНУК ИШТЛИЛЬТОН

Мы шли за нашим богом по главной улице Иртифахана, которая тянулась до берега Океана Страсти. Вскоре повернули направо и посередине огромного поля увидели очень высокую пирамиду, наподобие мексиканской, но гораздо величественнее. Казалось, что ее чудом вытесали из цельного, сверкающего камня размером в огромную скалу, и она была отделана великолепными барельефами какой-то старушки.

Анита спросила:

— Дядя Эскулап, что это?

Он ответил:

— Это пирамида Бабушки Тоци. Она живет в пирамиде вместе со своим внуком и наследником, которого зовут Ишт-лильтон. К ним мы сейчас и направляемся. Они умеют варить очищающую настойку для выведения внутренней грязи. Это именно то, что нужно Николаю.

Анита спросила, задумчиво разглядывая угрюмую пирамиду:

— Имена смешные, а сами-то они добрые?

Эскулап ответил:

— Когда как. Имена же у них ацтекские. Они родом оттуда.

Я был в сомнениях:

— Не стоит пить знахарские настойки.

Эскулап посмотрел на меня с укоризной, а змейки на его посохе уставились с удивлением.

Анита сказала:

— Посмотри, Николай, какая пирамида! Если построили такую, умеют и настойку варить!

Эскулап сказал:

— Правильно! Умная девочка. Скажу еще, что эта пирамида воздвигнута силой мысли бабушки Тоци и ее внука. Эти

камни можно раздвинуть только изнутри. Надо подождать, пока нас захотят впустить.

Анита подбежала к пирамиде и взмолилась:

— Пожалуйста, откройте. Очень нужна помощь! Не отказывайте, прошу вас, бабушка Тоци, внучок Иштлильтон!

В ответ на просьбу Аниты камень пирамиды задрожал, раздвинулся, и появился вход.

— Нас пускают. Слава Богу! — сказал Эскулап.

Потом мы долго шли по темному и душному тоннелю. Он становился все уже. Скоро я весь вспотел и почувствовал, что начинаю задыхаться.

— Дядя Эскулап, здесь совсем нет воздуха, — сказала Анита.

Он ответил ей:

— Потерпим. Хорошо, что нас вообще пустили.

Наконец тоннель закончился, и мы вышли в огромный зал с очень высоким потолком и множеством светильников по стенам.

Откуда-то исходила приятная музыка, похожая на звучание арфы. Посередине зала стоял накрытый стол, а за ним сидел пузатый, низкий человек с лысой головой. Он ел баранью ножку и пил вино из огромной чаши.

— Это внук Иштлильтон, — сказал нам Эскулап.

Сначала сидящий за столом нас не заметил. Тогда Эскулап хлопнул в ладоши, толстячок оглянулся и подбежал к нам:

— Эскулап! Привет! Как ты здесь очутился? Смотри, ты еще привел к нам гостей! Кто они?

Эскулап ответил спокойным голосом:

— Здравствуй, Иштлильтон! Это Николай и Анита.

Иштлильтон подскочил от радости:

— Как прекрасно! Добро пожаловать в нашу пирамиду исцеления! Удивительно, что старушка Тоци васпустила. Прекрасно! Я с удовольствием пью за ваше здоровье!

Осушив чашу, он удовлетворенно похлопал себя по животу и обратился к нам:

— Анита прекрасная девочка! Какие волосы! А ты, Николай, выглядишь очень больным. Давай я выпью за твое здоровье отдельно. Надеюсь, это тебе поможет. Скажу по секрету, этот способ лечения придумал я сам! Надо выпить за здоровье больного, и это его вылечит. Итак, я пью за здоровье Николая!

Он наполнил чашу, тут же ее осушил и посмотрел на меня в ожидании:

— Ну как? Полегчало?

Я съехидничал:

— Сколько лет вы работали над этим изобретением?

Как ни странно, но мне тут же стало лучше, а Иштлильтон, немного обидевшись, сказал:

— Веселье помогает изгонять болезнь.

В разговор вмешался Эскулап:

— Надо позвать бабушку Тоци. Нужна очищающая настойка для Николая.

В это время из темного угла зала появилась сама Тоци. Она приблизилась к нам медленно, прихрамывая и опираясь на палку.

— Что это вы так расшумелись в моей уютной пирамиде? Я вас не приглашала, — заговорила она ворчливым тоном.

Иштлильтон спрятал чашу с вином, но бабушка Тоци заметила это и накричала на него:

— Только и делаешь, что пьешь и танцуешь. Посмотри на свое пузо! Позор!

Иштлильтон недовольно покачал головой:

— Я же пью за здоровье! Это лечение!

Бабушка махнула на него рукой и повернулась к нам. Она бросила неприветливое «здравствуй» Эскулапу, но, увидев Аниту, просияла и воскликнула:

— Ой! Какая прелестная девочка! Знайте, что в мою пирамиду я пропустила лишь ее одну, и только потому, что она позвала меня ласково, нараспев: «Бабушка Тоци». Это было

так прекрасно! Красавица моя, оставайся жить здесь. Наследников у меня нет, есть лишь тупой внук, но он не считается. Ты станешь моей умной внучкой! Я воспитаю тебя истинной ацтекской знахаркой! Научу разбираться в растениях, варить очищающие отвары, а в наследство я оставлю тебе эту великую пирамиду! Будешь жить у меня?

Анита растерянно озиралась вокруг, не зная, что ответить. Вмешался Эскулап:

— Бабушка Тоци, позволь мне пожелать тебе здоровья и вечного процветания. Это я привел гостей. Их двое. Кроме Аниты, есть Николай. Ему нужен твой очищающий отвар.

Лицо старушки исказилось неприятной гримасой, и она спросила гнусавым голосом:

— Как он вообще попал в Иртифахан?

Эскулап ответил:

— Его доставил к нам летчик Антуан вместе с Анитой.

Тоци просверлила меня рентгеновским взором и заключила:

— Это смертельный больной, и нет смысла его лечить. Эскулапу надо выбросить его в Океан Страсти.

Ее слова прозвенели внутри меня колоколом судьбы. Я пошатнулся, и если бы не крепкая рука Эскулапа, то рухнул бы на пол.

Старуха тем временем повернулась лицом к Аните и спросила ласково:

— Прекрасная девочка, ты станешь моей внучкой?

Тут опять вмешался Эскулап:

— Бабушка Тоци, послушай...

Знахарка грозно повернулась к нему и закричала:

— Не хочу я тебя слушать! Хочу слушать эту девочку!

Однако Эскулапа ее крик не испугал, и он сказал твердо:

— Она не будет с тобой говорить, пока ты не дашь Николаю очищающий отвар.

Старушка встревожено посмотрела на Аниту:

— Что? Ты, правда, не будешь со мной говорить?

Анита без слов догадалась, что делать, и прикрыла рот рукой, давая понять, что ничего не скажет.

Бабушка сдалась:

— Ну вас всех. Занимаетесь пустыми делами, хотите извести мои отвары. Посмотрите на него! Все видно как на ладони! Он полон всякой гнусной грязи, накопленной за всю его никчемную жизнь! Гной засел во все органы и замутил его душу. Он скоро умрет. Ему не отвар нужен, а могильщик!

Эскулап сказал:

— Бабушка Тоци, дело в том, что Анита и Николай пришли сюда вместе и останутся до рассвета, тогда я и решу их судьбу. Полагаю Николай сможет сам вылечить себя. Но мы должны ему помочь. Для начала дай ему очищающий отвар, и тогда Анита ответит на твой вопрос: станет она твоей внучкой или нет. Ну как, договорились? Несешь отвар?

Бабушка Тоци скорчила недовольную гримасу:

— Как вам не стыдно! Особенно тебе, Эскулап! Ты же бог! И должен знать, как трудно стать настоящим врачом! Скажи мне, сколько лет ты учился своему искусству.

— Сто пятьдесят тысяч лет, — ответил Эскулап.

Бабушка сказала:

— Вот видишь! Я разработала ускоренный курс и могу обучить врачеванию всего лишь за сто тысяч лет. Хотя такие болваны, как мой внук Иштлильтон, могут застрять на разведении огня для варки отваров навсегда. У! Только и ходит пьяный! А знахарство требует жертв! Куда я только ни летаю за целебными травами и горными растениями! Я даже ныряю на дно океана, чтобы достать редкие водоросли. Но вылечить запущенную болезнь, как вот у этого, даже я не в силах.

— Хорошо! — ответил Эскулап. — Тогда мы пойдем, и ответа Аниты ты не услышишь.

Тоци махнула рукой и сдалась:

— Так и быть. Попытка не пытка. Эй, балбес, иди принеси наш свежесваренный отвар, дадим выпить умирающему и посмотрим, что будет.

Иштлильтон радостно подпрыгнул:

— Сейчас сбегая и принесу.

Неожиданно во мне опять проснулось чувство протеста против всякого знахарства, которое глубоко сидит в каждом цивилизованном докторе, и я сказал:

— Ничего я не буду принимать!

Однако, произнеся эти слова, я почувствовал жуткую слабость и еле удержался на ногах. Тут же прибежал Иштлильтон с бокалом кипящей дряни, передал его Тоци, а она, всучив мне в руки, приказала:

— Пей!

Эскулап помог мне поднести бокал к губам, и я осушил его до дна.

В тот же миг в голове закружилась сумасшедшая карусель. Комната запрыгала, стены задвигались в разные стороны, и вдруг передо мной возникла спокойная картина уютной спальни.

Огромное пушистое одеяло. Легкие, как перышко, подушки. Откуда-то льется спокойный свет и музыка. Раздаются стоны любви. Движение под одеялом. Я отчетливо вижу безумство в исполнении Софи с Кэтчером... Притупленная ревность проснулась с бешеной силой! Я вырвался из рук Эскулапа и бросился к кровати. По пути я схватил ножик для фруктов с подноса и набросился на любовников. Приблизившись, я нанес удар по гадкому, потному лицу Кэтчера, но нож прошел сквозь него и разорвал подушку. Перья и пух сразу разлетелись по всей комнате. Я обернулся в бешенстве и нанес второй удар. На этот раз я пытался ранить Софи, но разорвал лишь одеяло, из которого посыпалось невероятное количество перьев. А любовники продолжали убаживать друг друга. Это меня окончательно взбесило, а вся спальня

поплыла в белизне пуха, и через негодование, злость и слезы я смотрел на них, в экстазе, и понял, что ударами ножа ранил не их, а себя. Кровь хлынула из моих ран. И весь пух летавший по спальне окрасился в алый цвет. Любовники же извивались в удовольствии на фоне кровавых перьев.

Тут я заметил бутылку какого-то крепкого напитка на подносе, который плыл ко мне по воздуху. Бутылка так привлекательно сверкнула, что я с жадностью набросился на нее, схватил и осушил в одно мгновение. Внезапная боль быстро распространилась по всем жилам и органам, наполнила меня целиком так, что я свалился на пол, сжался в судороге и...

Весь превратился в один большой вонючий комок телесной скорби. Комок быстро подступил к горлу. Я закашлял, задыхался. Меня выворачивало, рвало. Казалось, что все внутренности вывалились на пол. Гадкая, вонючая жидкость выливалась из меня ведрами. Весь пол уже был залит ей, и вдруг все закончилось. Изможденный, я стоял на коленях и смотрел на огромную омерзительную лужу собственной блевотины. Я почувствовал, что мне гораздо легче! Вот весь мой гной передо мной! Знахарский отвар помог! На мгновение мне показалось, что я излечился полностью. Я оторгнул свою болезнь и смотрел в нее. Вот она, передо мной! И тут...

В отражении отвратительной жидкости я опять увидел сладострастие любовников и томный голос Кэтчера:

— Поздравляю, госпожа Софи! Теперь ты стала топ-менеджером огромной фирмы с годовым оборотом во много миллионов. Я уже вижу тебя на обложках журналов и газет с надписью: «Восходящая звезда бизнеса нового тысячелетия!»

Она улыбается в ответ и тянется к замасленным губам Кэтчера.

Было ощущение, что меня снова вырвет, но произошло противоположное: моя блевотина задвигалась и потянулась обратно в мой рот. Я не мог сделать ничего. Только чувство-

вал, как вонючая жидкость вливается обратно в меня, и когда все вернулось, я обессилено упал на чистый мраморный пол со своим гноем внутри себя.

Надо мной стояла знахарка:

— Говорила, что это безнадежный экземпляр. Очень тяжелый случай полной привязанности к собственному гною. Сразу было видно, что он живет в хвори. Бросьте его в Океан Страсти.

Старушка развела руками и обратилась к Эскулапу:

— Ну вот, твое желание я выполнила, теперь очередь за моим желанием. Я жду ответа Аниты. Ты хочешь стать моей внучкой и жить в этой пирамиде вечно?

Анита тихо плакала. Она подбежала ко мне. Обняла и сказала сквозь слезы:

— Я останусь с Николаем и спасу его. Не бойся, Николай. Дядя Эскулап найдет другого врача.

Бабушка Тоци грустно вздохнула, поникла головой, отвернулась от нас и пошла прочь, ничего не сказав на прощание. Я беспомощно валялся на полу. Эскулап нагнулся и поднес поближе свой посох. Пронзительный взор и грозное шипение Панацеи немного помогло. Я смог встать, однако держался на ногах только с помощью Эскулапа.

Он сказал:

— Пойдем отсюда. Здесь нам больше нечего делать.

Мы направились к выходу. Уже в тоннеле нас догнал веселый возглас Иштлильтона:

— Еще раз с удовольствием пью за здоровье Николая!

Девятая глава

ВЕЛИКИЙ НАСТАВНИК ЛАЗУРИТНОГО ХРАМА

Мы вышли из пирамиды, и она закрылась за нами. Я понимал, что мое состояние очень тяжелое. Я так сильно при-

вязался к грязи в себе, что она сама вернулась обратно. Что же делать с моими переживаниями, которые живут во мне своей жизнью, появляются и исчезают без спроса?

Анита нервничала:

— Дядя Эскулап, что же нам теперь делать?

— Мы попытаемся попасть к самому мудрому целителю всех времен и народов, великому наставнику Татхагата. Он живет в своем Храме Лазуритного Сияния. Пойдем туда. Это последняя надежда. Будем молиться, чтобы наставник Татхагата принял нас. У него служит моя любимая супруга Эпиона. Я попрошу у нее помощи, — ответил Эскулап.

Аните уже не терпелось:

— Дядя Эскулап, пойдем быстрее к наставнику!

Мы пошли в сторону Океана Страсти.

Лазуритный Храм стоял на самом берегу. Он величественно возвышался над городом и был украшен многочисленными статуэтками из всех индийских легенд и мифов. В волшебном сиянии луны все здесь было загадочно и красиво, хотя из-за недуга красоту я воспринимал с трудом.

Мы свободно прошли в пустой храм. Тусклый свет от горящих свечей и приглушенный звук доносившегося издалика гонга действовали умиротворяюще. Тревожные мысли притупились.

После долгого молчания Анита спросила шепотом:

— Дядя Эскулап, что будем делать?

Ее голос эхом отразился от стен несколько раз подряд и исчез в вышине купола.

Эскулап ответил тихо:

— Мы будем ждать. Надеюсь, что моя любимая супруга Эпиона выйдет к нам. Она должна почувствовать, что я здесь.

Вдруг Гигиея и Панацея напряженно зашевелились на его посохе, и тут мы заметили движение в одном из углов храма. Оттуда появилась огромная красивая радужная змея. Ее кожа переливалась всеми цветами радуги. Двигалась она

медленно и грациозно, голову держала высоко, даже выше самого Эскулапа. Гигиея и Панацея сильно заволновались. Радужная змея приблизилась к нам, внимательно рассмотрела всех, и особенно пристально и долго смотрела мне в глаза. От ее взгляда мне существенно полегчало. Потом она изучила Аниту, которая вовсе не испугалась ее, даже, наоборот, улыбнулась необычной змее. Наконец радужная змея обвинила Гигиею и Панацею, которые быстро успокоились от ее прикосновений, и встала перед Эскулапом. Он ей поклонился, а она что-то прошипела. И вдруг Эскулап зашипел ей в ответ. Я понял, что они переговаривались на змеином языке. Когда супруги закончили шептаться, Эскулап обернулся и сказал нам:

— Познакомьтесь, это Эпиона, моя обожаемая жена.

Анита не сдержалась и воскликнула тихо:

— Ух, ты! Вот почему у тебя дочки — змеи.

Эскулап продолжил:

— Она согласна провести нас к настоящему Татхагате. Это радует. Но помните, что надо быть очень осторожным перед ним: он видит всех насквозь.

Эпиона развернулась и повела нас по длинной лестнице вниз, в подземные кельи. Там зазвучали приглушенные звуки, которые непостижимым образом начали проникать в меня, вызывая приятное головокружение. Анита уверенно шла рядом со мной и ничуть не боялась темного спуска. Через какое-то время стены вокруг лестницы сузились, и стало темно как в могиле. Единственный тусклый лучик исходил от сияющей кожи Эпионы. Она двигалась впереди, и мы следовали за этим слабым светом. Да и дочери Эскулапа излучали легкое мерцание, освещающее каменные стены. Наконец спуск закончился, и странные, проникающие во все тело звуки усилились настолько, что я уже слышал их всем телом. Они заставляли струны моей души вибрировать в унисон, и это успокаивало.

— Как хорошо, — прошептала Анита.

Мы вышли в огромную подземную пещеру, освещенную лишь несколькими свечками. В самом темном углу мы увидели каменное ложе, на котором, поджав под себя ноги, сидел юноша с закрытыми глазами. Он был совсем молодым и совсем не дышал.

Мы остановились у стены, и Эскулап сказал шепотом:

— Не двигайтесь, наставник Татхагата пока путешеству-ет. Сама же Эпиона приблизилась к юноше, встала перед ним на почтительном расстоянии и застыла.

Так мы ждали долго, в полном безмолвии, которое нарушалось отдаленным биением гонга. Глубокий, насыщенный и тяжелый звук проникал прямо в душу, и там ложился бальзамом на больные места.

Потом звук неожиданно стих.

Юноша еле заметно зашевелился, глубоко вдохнул воздух и вдруг, не открывая глаз, пропел стихи:

*Знай, Эскулап, и ты, Эпиона, знай!
Пафил я над морем вечности сейчас.
Над волнами забвения я летал,
По облакам любви божественной витал.*

*Хотел найти я ангела вселенной нашей,
С белыми крылами, с божественною чашей,
Наполненным напитком просветления,
И видел я чудесное видение.*

*И понял неожиданно, что ясность мне дана,
Что ум мой просветлен, и вижу моря гладь,
Но знание себя я не могу объять,
Еще немало вечностей я должен облетать.*

*Скажите же, зачем я вышел к вам на сушу?
Гостя в пещере чувствую, потерянную душу.*

*Жизнь угасает в нем, страдает и зудит,
И некому помочь. Лишь смерть над ним гудит.*

Слушая эту песню, все мое больное тело затрепетало. Анита стояла застывшая, как в гипнозе. Эскулап же упал на колени перед мальчиком и сказал:

— О великий Наставник Храма Лазуритного. Твоя мудрость и всепроницаемость достойна величайшего восхищения. Око твое всевидяще, но позволь мне озвучить имена гостей: Анита и Николай. Николай ищет твоей помощи. Научи эту душу твоему великому знанию самоисцеления. Может, он воспримет твой Свет?

Неожиданно веки наставника задвигались, и он открыл глаза.

Из них полился свет!

Лазуритное сияние осветило пещеру.

Он встал и, легко прыгнув со своего каменного ложа, приветливо улыбнулся нам, потом остановился передо мной и спросил:

— Скажи мне, брат мой, кто ты?

Я понял, что его сияние просвечивает меня, выворачивая всю душу наизнанку. Чувствовал, что он знает обо мне даже то, что мне самому неизвестно.

Было странно слышать такой вопрос от него.

В течение нескольких мгновений какая-то непонятная сила сковывала меня, и я ничего не мог произнести.

Потом ударил гонг.

Я очнулся и сказал:

— Я врач.

Звук моих слов прогремел громом и наполнил всю пещеру молнией.

Анита даже подскочила от неожиданности.

Вдруг молния слилась со звонким, завораживающим, веселым смехом наставника. Смех оказался настолько чистым

и заразительным, что захохотал и Эскулап, и Анита, и даже Эпиона с дочками задвигались в такт смеха. Я понял, что смех проникает в меня, растет во мне, и я тоже не смог сдержаться и расхохотался. Мы долго смеялись, и нам всем было очень хорошо! Я бы пожелал, чтобы этот смех никогда не кончился, но неожиданно наставник замолк, вытер слезы и спросил с лазуритной улыбкой на лице:

— И что ты врачуешь, врач?

Язык мой словно парализовало, и я с трудом сказал:

— Я врачую... Лечу нейро... В общем, мозги. Я нейрохирург. Врач мозгов...

Молодой Наставник кивнул и спросил:

— И чем же ты болен, врач, лечащий мозги?

Я вспомнил свой диагноз и ответил:

— Инсульт. То есть кровоизлияние в мозг.

Наставник задумался, некоторое время размышлял над сказанным мной, а потом обратился к Эскулапу:

— Друг мой Эскулап, ты облетел почти всю Вселенную. Объясни, что сказал нам сейчас Николай? Неужели он утверждает, что заболел тем, что сам врачует?

Эскулап низко поклонился и ответил:

— Да, величайший Наставник! Он сказал именно это. Его хватил тот же недуг, от которого он лечит других.

Наставник кивнул в знак понимания и обратился ко мне:

— Помогу советом: излечи себя!

— Не могу, — выдавил я с трудом.

Он кивнул.

Повернулся к нам спиной. Посмотрел куда-то ввысь. И опять пропел:

*Вижу ваш мир порочный,
Все как-то в нем не так,
Все ходят смертельно больные,
Даже хворает врач!*

*Опухоль съедает онколога,
Незрячим сидит окулист,
Сердце дрожит кардиолога,
Инфарктом бедный убит.*

*Диетолог воюет с весом,
Не знаю, кто победит,
Что-то неправильно в мире,
Надо бы вас освятить.*

*Тревожится мозг, тревожится дух,
Колокола звенят,
Кого же вы исцеляете,
Не умея лечить себя?*

Опять прозвучал удар гонга. Наставник повернулся ко мне и заключил:

— Ты не врач! Иначе сам бы не болел!

Я почувствовал, что он прав. Слезы навернулись на глаза. И я заплакал причитая:

— Но я же учился много лет.

Наставник задумался и спросил:

— Чему учился?

С этим вопросом в моей памяти начали проноситься предметы медицинского факультета: патологическая анатомия, общая хирургия, урология, эндокринология, оториноларингология, педиатрия, неврология и нейрохирургия.

Я понял, что Наставник увидел мои мысли.

Он сказал:

— Добрый Эскулап, одолжи мне свой скальпель. Хочу показать нашему гостю, чему его учили.

Эскулап с поклоном передал Наставнику инструмент. Не понимая, что он хочет сделать, я встревожился. А он взмахнул скальпелем. Передо мной сверкнуло лезвие.

Еще раз.

Еще и еще.

Все закончилась в тысячную долю секунды.

Я понял что...

Нет!

Этого не может быть!!!

Он меня...

Расчленил.

Я лежал на каменном полу по частям...

Я мог видеть себя...

Точнее мое...

Мои органы.

Боже!

Руки и ноги валялись отдельно и вяло двигались сами по себе. Вынутый из головы мозг лежал в стороне, внутренние органы были аккуратно растянуты по длине от полости рта до прямой кишки, сердце висело на сосудах, продолжая лениво биться, а от головы были отделены нос, рот и глаза.

Кошмар! И я все это видел! И не мог найти себя. Анита вскрикнула, закрыла глаза руками. Я был охвачен ужасом, и мои глаза тревожно смотрели на Наставника. А он подбросил мое сознание вверх, как воздушный шарик, и сказал:

— Вот чему тебя учили. Расчленять людей. Ваша медицина разделила человека на части, тогда как Бог создал человека целым! Ваше учение о врачевании вырвало человека из природы, тогда как Бог создал его частью вселенной! Ваша наука вырезала душу человека и оставила только прах для себя, когда Бог создал человека по образу и подобию своему! Вы порвали человека на части и пытаетесь лечить отдельные органы, когда Бог создал человека неделимым!

Душа моя дрожала в ожидании приговора.

Наставник продолжил:

— Так, если ты врач, выученный врачевать человека по частям, то дерзай! По твоей научной вере я разделил тебя на

органы и системы жизнеобеспечения. Ты думаешь, от мыслей болезней не бывает и порочная душа не причина хвори. Однако вот он, пример противоположного, — ты сам! В плену собственных мыслей, в кандалах своей ревности, в оковах своего эмоционального гноя. И как ты будешь врачевать свою душу, читая анализ крови? Там рецепт излечения не найдешь! Тебя учили науке. Пользуйся же ею и исцели себя, разделенного на органы и анализы. Ну, дерзай! Выпиши себе аптечный яд, называемый твоей наукой лекарством, и излечи им душу свою испоганенную!

Я рыдал. Бесшумно, безмолвно плакала душа моя от бесилия. В панике от безысходности я взмолился:

— Соберите меня!

Наставник сочувственно спросил:

— Почему сам не можешь?

— Не могу.

— Расчленять тебя научили, а соединять — забыли?

— Я не обучен соединять.

— Врачевать тебя научили, а исцелять — забыли?

— Я не умею исцелять.

— Болезням тебя научили, а про здоровье забыли?

— Лекций по здоровью не было.

Наставник провел рукой в моем направлении, и моя тревога ослабла.

— Хорошо. Давай учиться соединению, исцелению и здоровью. Но для этого надо знать, что исцелять! Сначала ты должен найти СЕБЯ. Ведь, не зная СЕБЯ, СЕБЯ не вылечишь! Скажи мне, где ТЫ. Где твое настоящее Я? Может, ты руки и ноги твои, которые дергаются в том углу? Или мускулы туловища твоего? — сказал он тогда.

— Нет, я не есть руки, ноги и мускулы, — ответил я в слезах.

— Может быть ты глаза твои, уши или нос твой или нервные окончания на пальцах или на языке? Неужели, ты ощущения мира?

— Нет, я не ощущения.

— Тогда, может, ты твой желудок, кишки и поджелудочная железа? Или ты являешься другими какими-нибудь железами, выделяющими всякие соки в тебя?

— Нет, нет. Я не кишки и желудок.

— Возможно, ты кровь, сердце, висящее на сосудах, артерии, вены, капилляры и анастомозы?

— Нет, нет.

— А может ты мозг? Вот он, лежит во всей красе, пульсирует, бросается миллиардами нервных импульсов. Ты — это он?

— Нет, нет, нет.

— Так, что же исцелять? Руки и ноги отдельно? Мозги? Кровь и сердце? Нервную систему? Неужели лечение отдельных частей туловища есть исцеление? Твоя медицина не человека лечит, а лишь закапывает причины болезни глубоко в душу, обещая вылечить последствия. Но это не избавление! Для исцеления ты должен по крайней мере знать, где ты! Где твое настоящее «Я»? Может, это твои эмоции?

Тут Наставник поднял руку, и в ней оказалось нечто похожее на проектор. Сразу же посередине пещеры возникли живые картины моего сознания.

Софи с Кэтчером лежат в постели в обнимку.

Боже! Опять. Я не могу этого вынести!

Софи говорит, кокетничая:

— Я чувствую, что продажа энергетика не единственная твоя цель здесь. Скажи честно, какой у тебя план кроме этого?

Кэтчер улыбается:

— Ты очень умная. Я скажу. Продвижение и торговля энергетических напитков — лишь первый этап. Параллельно мы начнем строить огромный госпиталь, оснащенный самой современной медицинской техникой, с особым отделом лечения заболеваний пищеварительного тракта.

Софи удивлена:

— Госпиталь?

— Да.

Вдруг ее лицо засияло. Она начинает понимать:

— Подожди. Давай угадаю. Заболевания системы пищеварения... Николай говорил, что постоянное употребление «Кай-Тай-Фуна» непременно приведет к нарушениям в желудке, и...

На лице Кэтчера появилась злая улыбка:

— Да! Распространение нашего напитка будет скрытой причиной увеличения заболеваемости. Следовательно, повысится спрос на квалифицированное медицинское обслуживание, что мы и будем предлагать.

Софи начала размышлять вслух:

— То есть нашим напитком мы вызываем болезни, которые потом будем лечить в нашем госпитале нашими же лекарствами.

Кэтчер кивает головой и добавляет:

— Которые, на самом деле, и не лечат. Лишь устраняют симптомы, и люди довольны.

И вдруг Софи взрывается чертовским смехом:

— Надо еще открыть похоронное бюро. Ведь и на похороны вырастет спрос...

Кэтчер удивлен ее находчивости:

— А это идея! Ты моя умница!

И его рука скользит по ее телу. И она отвечает на поцелуй. И они опять...

Я рыдаю. Наставник дернул рукой, и картинка сменилась на другую спальню.

Боже!

Моя Мария с Крикуновым.

Она говорит:

— Итак, мы договорились?

Он расплывается в сладострастной улыбке, и хочет ее поцеловать.

Она его останавливает:

— Нет, сначала ответь! Мы договорились?

Он говорит:

— О чем угодно!

Мария требует:

— Тогда бери телефон, звони начальникам твоих штабов и дай распоряжение немедленно прекратить все митинги. Прикажи им разойтись по домам...

Он отвечает:

— Ради тебя я готов на все.

Мария кладет ему в руки мобильный телефон:

— Звони!

Он кивает головой и набирает номер:

— Прикажите всем. Митинги приостановить. Немедленно разойтись! Все.

Мария его больше не останавливает.

Во мне все взрывается горячим вулканом.

Откуда-то издалека до меня доносится голос Наставника:

— Неужели ты — это твои женщины? Или твои чувства к ним? Или ты — твоя ревность?

Я не знаю что ответить. Может, я и есть моя ревность? Какой кошмар!

Я ревность?!

Издалека бьет гонг.

И я выпадаю из собственного сознания в другую реальность.

Десятая глава

КАК СОЗДАТЬ ДЕНЬГИ ИЗ НИЧЕГО С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКОЙ

Передо мной злое лицо профессора. Я вижу его сквозь пелену тумана, на грани сна и яви, и не могу двигаться. Он же рисует по воздуху старые символы длинным ножом

с орнаментами на рукоятке и читает головокружительные заклинания, делая из меня беспомощного червяка.

Привлеченные колдовством, жуткие существа хороводом тянутся к лезвию ножа. Хочу что-то сказать. Хочу остановить колдуна. Но слова замерзают на устах, превращаясь в сосульки, и профессор беспрепятственно продолжает ритуал. Он владеет мной.

Дремать бы мне так, в оковах магии, но я не сдаюсь! Усиливаю внутреннее тепло, чтобы растопить замерзшее на устах сопротивление.

Жажда вырваться из пленительного колдовства берет верх, внутренний огонь разгорается, и звучит отчаянным крик:

— Стой!

Внезапно исчезли странные существа, танцующие на лезвии ножа, и туман перед глазами рассеялся. Профессор отбросил черный капюшон и раздраженно сказал:

— Что вам? Зачем остановили?

Я помотал головой, стараясь отделаться от наваждения, и ответил:

— Прекратите немедленно! Что вы делаете?

Он отложил свой нож, неожиданно улыбнулся невинной улыбкой и ответил:

— Простите за резкость. Умоляю, извините. Я был поглощен ритуалом призвания удачи для ваших дел.

— Каких дел?

— Вы не посвящаете меня в детали вашего выдающегося бизнеса.

Теперь я вспомнил его имя — профессор Вейсхаупт — и сказал:

— Какой у меня выдающийся бизнес?

Вейсхаупт заискивающе улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что я могу докладывать вам о ваших же делах?

— Докладывайте.

— Хорошо. Вы Натан Ротшильд, и должны знать лучше меня, что ваши банки в Лондоне, Париже, Вене и Неаполе уже завоевали всю Европу. Вам подчиняются величайшие монархи, и ваше влияние распространилось по всему миру. У вас огромные компании в Индии, Америке, России. Вы богаче всех королей вместе взятых, и темпы вашего финансового роста увеличиваются. Никто не знает о реальной мощи богатства вашей семьи. Говорят, вы можете купить половину Европы...

Я поднял руку, остановил его:

— Постой, где мы и какой сейчас год?

Профессор не удивился этому вопросу, он придвинул стул поближе ко мне, сел и ответил:

— У вас опять провал в памяти после нашего сеанса, и я вам все напомню. Мы во Франкфурте, на вашей родине. Сейчас 1828 год. К сожалению, ваш батюшка скончался, но остальные члены вашей семьи здравствуют. Все собрались сегодня здесь по поводу великого праздника. Ваш старший сын Лайонель берет в жены прекрасную, юную Шарлотту, старшую дочь вашего брата Карла. Дети счастливы и вся семья тоже. Особенно ваша матушка Гутель.

Я вскочил на ноги, и мое сердце забилося как сумасшедшее. Вдруг я ощутил, что тело на мне болтается огромным, тяжелым пузырем. Живот мешал двигаться и дышать. Я нашел зеркало в комнате, посмотрел и ужаснулся от собственного вида. На меня смотрел располневший седой старик, с усталыми морщинами на разбухшем лице.

— Боже! На кого я похож! — вырвалось у меня.

Профессор тоже привстал со своего стула и сказал из-за спины:

— Да, вы выглядите не лучшим образом. Напряженный труд пошатнул ваше здоровье. В течение десятилетий вы работаете двадцать четыре часа в сутки.

Я сморщился, как от горькой пилюли.

— И зачем это мне?

Профессор удивился.

— Как зачем?! Вы же основатель великой финансовой империи! Вы должны гордиться этим!

На глаза навернулись слезы. Не знаю, откуда появилась эта сентиментальность, но мне стало жаль себя.

Вейсхаупт ответил на мои мысли, словно подслушал их:

— Не жалейте себя! Вы же гений! Ваше дело будет жить веками! Вам лучше выйти сейчас к братьям, которые ждут вас в беседке вашего детства.

Я кивнул профессору:

— Хорошо.

Я направился к двери, но профессор задержал меня:

— Во время нашего ритуального сеанса, находясь в беспмятстве, вы сказали нечто, что вам надо бы знать. Хочу напомнить...

— Что же я сказал?

— Вы сказали буквально следующее: «Найдем и профинансируем врагов тех, кто отказывается от нашего кредита. Будет война — лучший генератор безумных займов».

Я ничего не ответил, лишь кивнул головой и вышел во двор. В это раннее утро спали все, кроме братьев. Они собрались в беседке.

Несмотря на недавний провал в памяти, я их сразу узнал. Вот Амшель, старший брат, который руководит нашими делами во Франкфурте. Рядом с ним Джеймс из Парижа. Потом Соломон из Вены и Карл, работающий в Неаполе...

Они мне рады. И я им тоже! Мы обнимаемся. Я сажусь рядом с ними и Амшель берет слово:

— Вот и Натан, можно начать. Приветствую всех вас в родном доме! Мы собрались по поводу радостного события. Всеми нами любимый Лайонель, сын Натана, берет в жены всеми нами любимую Шарлотту, дочь Карла. Уверен, что этот союз будет показателем того, как должны

строить свою жизнь истинные Ротшильды, чтобы капитал не утекал из семьи. Нам не нужны браки с чужими.

Джеймс сказал:

— Правильно! Мы способны купить императора Франции с Лувром и многое другое. Зачем нам французские невестки и зятья?

Соломон Венский согласился:

— Правильно! Мы можем запросто купить и Венскую корону.

— Даже Ватикан можем купить, — сказал Карл.

Я лишь кивнул головой.

Амшель продолжил:

— Императоры и королевы, принцы и принцессы, графы и герцоги. Все они нас интересуют лишь в качестве клиентов наших банков, которые берут у нас крупные ссуды. Следуя напутствию нашего великого отца — царство ему небесное — мы должны воспитывать наших детей, внуков и правнуков в духе семейного единства!

Братья молча кивали головами в знак согласия.

— Теперь, я бы хотел коротко изложить положение всех наших дел, чтобы согласовать будущий план действия, — сказал Амшель, открыл свою тетрадь и начал, — вы помните, что Натан предложил нам совершенно гениальную идею выдавать кредит не золотом, а лишь векселями. Мы вместе потрудились для того, чтобы укрепить веру в наше золото по всей Европе. Это потребовало невероятных усилий, и Натан взял на себя основную тяжесть, но план был успешно доведен до конца, и тогда наши дела резко пошли вверх.

В моей голове послышался какой-то щелчок, и вспышка воспоминания осветила мой разум черно-белым свечением.

* * *

Передо мной длинный, широкий коридор, столбы. Я стою у белого неприглядного столба в углу. Люди в зале

копошатся, нервничают, бегают, торгуют бумагами и воздухом.

Это Лондонская биржа, и под этим белым столбом — мой кабинет. Я здесь провожу весь день, работаю. Сюда приходят ко мне на прием нуждающиеся в кредите и покупатели ценных бумаг. Здесь я даю задания своим агентам и отсюда отправляю курьеров с важными сообщениями по всему миру. Вот и сейчас ко мне с почтением подошел курьер из моего банка в лондонском Сити. Он наклонился ко мне и прошептал:

— Есть сообщение от вашего главного кассира.

— Говори.

— Банк Англии только что отказался принять облигацию на сумму две тысячи фунтов, выпущенную в Вене, банком господина Соломона.

— Какая названа причина? — невозмутимо спрашиваю я.

— Сказали, что не могут обналить чек частного банка.

Я сразу понимаю, нужна быстрая и четкая реакция, которая изменила бы отношение ко всем банкам Ротшильдов! Нельзя допускать подобного пренебрежения к нам! Мой мозг заработал как счетная машина, и начал порождать возможные варианты действия. Я мог бы ответить тем же. Подожду, пока поступит ценная бумага от банка Англии, и демонстративно откажусь ее принять. Могу и не ждать, а подстроить все это. Агент принесет их облигацию и, получив отказ, устроит шум. Тогда главный управляющий банка Англии, лорд Томас Мони, будет вынужден пойти на переговоры, и я добьюсь от него полного признания наших активов.

Тут во мне просыпается внутреннее Нечто и подсказывает, что это не эффективно! Мозг щелкает и порождает другой план: можно немедленно вызвать руководителя охраны. Ночью наша тайная бригада сильно напугает лорда Мони и завтра он сам придет с извинениями. А если не придет, получит

увечья завтра ночью или его украдут. Лондон — опасный город. Здесь много безнаказанных преступников.

Нечто во мне улыбается — получше, но... Нет!

Искра освещает сознание, и сразу складывается верный план.

Я подзываю курьера и диктую сообщение для моих специальных агентов:

— Пусть в банк Англии зайдет наш человек и потребует обменять сто фунтов на чистое золото. Отказать не смогут по закону. Ровно через десять минут пошлите еще одного с требованием обменять на золото двести фунтов. Еще через четверть часа несем туда четыреста фунтов, меняем, а потом восемьсот. Это создаст панику, так как золота у них на всех не хватит. Пусть напряжение усилят газетчики, которые пустят слух, будто в Банке Англии кончился золотой запас. После этого лорд Мони будет вынужден прибежать ко мне и молить остановиться. Тогда я и потребую от него публично признать, что отныне Банк Англии будет принимать любые ценные бумаги, выписанные любым банком Ротшильдов.

Нечто во мне ликует! Этот план изящен, точен и эффективен! Он как раз служит главной цели: весь мир обязан понимать, что в наших подвалах неисчислимое количество золота!

В конце зала появляется следующий курьер. Я чувствую, что он несет долгожданное известие, однако эмоций не выдаю.

Он шепчет:

— Граф Веллингтон просит вас к премьер-министру.

Вот оно! Момент настал, и правительство Англии клюнуло на нашу наживку с Индийским золотом.

Мой экипаж галопом промчался по Трафальгарской площади, свернул на Уайтхолл и резко остановился перед парадным входом в Вестминстер. Молчаливый слуга ведет по

длинному коридору, где меня встречает граф Веллингтон, верховный главнокомандующий английской армии.

Премьер-министр лорд Питт встречает нас в кабинете с камином:

— Барон Ротшильд, рад вас видеть в добром здравии! Граф Веллингтон, мое почтение.

Я отвечаю поклоном:

— Примите мое восхищение вашими великими деяниями на благо его величества короля Георга III и на благо Соединенного Королевства! Готов служить родине всеми средствами.

Лорд Питт усадил нас в удобные кресла, сам сел напротив и сказал:

— Это как раз тот момент, когда родине ваши средства нужны.

Я ответил:

— Приказывайте.

Премьер-министр сказал:

— Дело в том, что Наполеон наступает в юго-западном направлении. Его продвижение недопустимо. Наши войска уже в Испании, и в ближайшее время мы вступим в одно из решающих сражений этой войны. Надеюсь, что вы понимаете, как нам сложно обеспечивать армию всем необходимым: любая наша попытка транспортировки грузов через враждебную Францию связана с непреодолимыми трудностями. А обеспечить армию Веллингтона в Испании, — сейчас самое главное. От этого будет зависеть исход сражения. Граф Веллингтон, сообщите детали.

Лорд сделал паузу и посмотрел на Веллингтона, который продолжил с поклоном:

— У нас есть огромный список необходимых для нужд армии товаров, амуниции, вооружения и боеприпасов. Это все надо доставить через Францию в Испанию в полной сохранности, что является задачей почти непосильной. Лорд

Питт слышал об индийском золоте, которое вам посчастливилось получить во время раскопок под Бомбеем в северо-восточной Индии. Мы также знаем, что основная часть этого золота хранится в подвалах вашего банка здесь, в Лондоне. Оно также находится в Париже, и, возможно, в Вене. Мы хотим купить часть этого золота у вас и помочь с его безопасной транспортировкой в Испанию, чтобы сделать необходимые закупки непосредственно там. Это даст нам огромное преимущество перед войском Наполеона. Мы смогли бы напасть на его ряды уже в ближайшие несколько недель.

Граф Веллингтон поклоном дал знать, что закончил, и тогда лорд Питт сказал:

— Конечно, ваши услуги будут полностью возмещены, а старания будут вознаграждены всем тем, что вы у нас попросите.

Я понимал, что речь шла о несуществующем золоте в наших подвалах. Все верили, что мы его привезли из Индии в огромном количестве. Но Индийские корабли везли лишь камни. Золота не было! Была лишь вера в его существование. Я понимал, что Английская корона рано или поздно заинтересуется им, и теперь передо мной стояла сложнейшая задача — продать несуществующее золото. И у меня уже был готовый план, который подсказало Нечто изнутри. Я хорошо обдумал свой ответ и сказал:

— Я ценю ваше доверие, и хочу заверить, что готов сделать все возможное для родины. Конечно, вы можете рассчитывать на мое золото, но думаю, его транспортировка через Францию — дело неоправданно рискованное. У меня есть другое предложение по обеспечению английской армии всем необходимым. Осуществление моего плана я также беру на себя.

Лорд Питт еле заметно кивнул головой:

— Интересно, продолжайте, пожалуйста.

— Во-первых, вы покупаете мое золото здесь, в Лондоне, и я отдаю его по самой низкой цене, как мой вклад в священное дело английской короны, — сказал я.

Премьер министр удовлетворенно кивнул.

Я продолжил:

— Как вы сами заметили, транспортировка золота по всей Франции — дело действительно опасное. Вместо этого мой банк мог бы выписать ценные бумаги на соответствующую сумму на предъявителя и обеспечить доставку этих облигаций в Испанию. Их можно будет обналичить в нашем Мадридском банке. Но есть путь и попроще: все закупать, расплачиваясь нашими облигациями напрямую...

Граф Веллингтон удовлетворенно закивал, однако премьер-министр засомневался и спросил:

— Будут ли в Испании доверять вашим ценным бумагам?

Я ответил:

— Конечно, будут, если король Испании издаст особый приказ о том, что ценные бумаги Ротшильдов обязательны для приема всеми банками Испании.

Лорд Питт сказал:

— Это возможно.

Я ответил:

— При вашей поддержке получить такое распоряжение от короля Испании будет очень просто, так как он на нашей стороне.

Граф Веллингтон зааплодировал:

— Bravo! Я восхищен простотой и гениальностью ваших идей!

Я сказал:

— Спасибо. Рад служить отечеству!

Лорд Питт спросил:

— Хорошо. Допустим, все так и будет. Насколько вы уверены в том, что сможете доставить в Испанию облигации в целости и сохранности?

Я ответил:

— Созданная мною курьерская служба доставки тайных посланий и бумаг уже проверена временем и работает слаженно и четко. Мы еще ничего не теряли. Кроме того, королевские агенты могут сопровождать любой груз.

— Я согласен, это хороший план, но есть еще одно опасение. Я понимаю, что золота у вас в Англии много. Но есть ли достаточное количество в вашем мадридском банке для обеспечения ваших же ценных бумаг? — поинтересовался лорд Питт.

Это был каверзный вопрос, но у меня был готов ответ:

— Более чем достаточно! Спешу заметить, что многие счастливые обладатели наших ценных бумаг не будут торопиться расставаться с ними, так как недавно, благодаря решению правительства, наши облигации стали прибыльными.

Премьер-министр спросил:

— Что это значит?

— Они просто растут в цене! Если их подержать год, то мы дадим за них в полтора раза больше их номинальной стоимости.

— Какая щедрость! Вы уверены? — удивился лорд Питт.

— Конечно! Мы уже выпускали ограниченное количество таких облигаций, и все держатели уже получают проценты. Для Английской короны мы выпустим новые, с еще большим процентом, что заинтересует многих инвесторов.

Лорд Питт улыбнулся:

— Вы заинтересовали даже меня.

— Я к вашим услугам. При первом требовании вы можете купить наши облигации в любом количестве. В знак признательности и почета получите дополнительную скидку в двадцать процентов.

Лорд Питт был удовлетворен:

— Мне нравится все, что вы говорите. Признаю, ваш план действительно хорош. У вас есть поддержка правитель-

ства, и вы можете начинать действовать. Я дам распоряжение казначею.

— Со своей стороны даю обещание, что в ближайшие дни английская армия в Испании будет обеспечена всем необходимым, — ответил я.

Лорд Веллингтон проводил меня до подъезда и сказал на прощание:

— Хочу пожелать вам удачи, барон. И спасибо за замок в Йоркшире. Я видел его достроенным, и он прекрасен.

К своему столбу на бирже я вернулся довольным собой. Я продал правительству Англии камни по цене золота и еще добился помощи в производстве денег из воздуха! Таким образом, наше дело возвысилось до государственного уровня.

Я подозвал курьера и начал диктовать зашифрованное письмо брату Джеймсу в Париж. Придуманный мной шифр мог понять только брат. В письме говорилось: «Пусть шеф Французской полиции внезапно разбогатеет, займется приобретением всякого антикварного хлама и перестанет проверять наши экипажи».

Потом ко мне подошел еще один курьер с сообщением:

— Главный управляющий банка Англии капитулировал в течение часа. Нам пришлось увеличить сумму лишь четыре раза. Он все понял сразу и уже издал указ о том, что все ценные бумаги от Ротшильдов обязательны для обслуживания во всех отделениях банка Англии.

Я с удовлетворением закрыл глаза на несколько мгновений и перенесся в другую реальность.

Одиннадцатая глава

ЛЕГКИЙ СПОСОБ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ

Передо мной Великий Наставник Лазуритного Храма. На его лице светлая улыбка.

Мерцает свечка.

Я стою на коленях.

На коленях?

Значит, у меня есть колени!

Ноги опять на мне.

И руки.

Я цел!

Это меня восхитило, и я обрадовался.

Увидев мое ликование, Наставник сказал:

— Да, ты опять цел. Но, к сожалению, не исцелен. Ты так сильно привязан к своим чувствам и ощущениям, что они тебя просто убивают. Ты слабеешь на глазах, и, боюсь, ничем это не остановить. Ты упорно отказываешься понять, что твои чувства — лишь возбуждение нейронов, которые ощущаются как счастье, наслаждение, боль и страдание. Ты ведь не думаешь, что сам являешься тем счастьем, которое испытываешь, или несчастьем, которое тебя мучает? Неужели так трудно понять, что ты не вкус во рту после шоколада, не дрожь в теле после алкоголя и не головокружение после утренней сигареты. Это лишь возбужденные нейроны, но никак не ТЫ! Неужели так сложно осознать простую истину: твоё тело не есть ТЫ! Оно живет своей жизнью! В нем миллионы бактерий, которые ведут ожесточенную войну между собой! В нем миллиарды клеток, которые умирают и рождаются каждую секунду, однако ты продолжаешь жить. Ты — это не твои бактерии и клетки! Ты не вода, из которой на две трети состоит твоё тело. Так где же твоё настоящее «Я»? Оно ближе твоего туловища, но ты отказываешься искать! Иначе исцеление невозможно. Я пытался тебе показать это, но твой разум, раненный высшим образованием, отказывается принять прописные истины. Вместо этого ты слепо исповедуешь сумбурный набор суеверий и называешь это современной медициной. Ты обречен на скорую смерть.

За моей спиной тихо заплакала Анита, и Великий Наставник обратился к ней:

— Прекрасная Анита, не плачь.

Она не успокаивалась:

— Но вы сказали, что Николай умрет!

Наставник ответил:

— Да, но это не страшно. Все умирают, даже бессмертные!

— Я не хочу, чтобы он умер. Помогите ему найти себя.

Наставник приблизился к девочке, коснулся ее рукой, и она успокоилась.

Тогда он сказал ей:

— Помочь ему я не в силах. Слишком поздно. Себя надо искать только в пустоте, а он бежит от нее.

Анита вопросительно посмотрела на Наставника, и он объяснил:

— Посмотри, прекрасная девочка, я покажу тебе, из чего состоит человеческое тело.

Посередине пещеры появилось ядро атома размером в горошину, вокруг него бешено крутились нейтроны.

Наставник сказал:

— Люди построены из миллиардов таких элементов. Там несколько маленьких частиц, которые вертятся в кажущейся пустоте. Но эта пустота — Бог в Человеке! Там и надо искать свое настоящее «Я», там спрятана душа и сам Человек! Это истинный закон Вселенной. СЕБЯ глазами не увидишь. Можно лишь почувствовать. Тогда и наступит исцеление. Болезни нет! Есть лишь нарушенный природный баланс, нехватка веры в Бога и нехватка знания себя. Больной врач не вылечит больного человека, пока не научится лечить себя. Это возможно, лишь понимая истинные причины недугов: гной в душе — от плохих мыслей.

Великий Наставник Татхагата поднялся и продолжил:

— Вот мой легкий способ быть здоровым: думай только о возвышенном, чувствуй лишь прекрасное, воспринимай исключительно красивое, ищи вселенскую любовь в себе

и себя во вселенской любви, тогда лекарства не понадобятся. Если же думаешь только о низменном, чувствуешь лишь гадкое, воспринимаешь исключительно уродливое и веришь в себя как во властелина, тогда никакие лекарства уже не помогут. Болезнь начинается с души, передается мыслью и, словно раковая опухоль, заражает тело. Телом здоров только здоровый в мыслях.

Наставник закончил, и в пещере воцарилось полное безмолвие.

Ее нарушил Эскулап:

— Великий Наставник, что же нам делать?

Он ответил:

— Мой Эскулап! Ты проводник наших гостей, и поведешь их к Океану Страсти. Скоро рассвет, и они должны покинуть Иртифахан.

Эскулап сказал:

— Слушаюсь, Великий Наставник Татхагата!

Наставник подошел к Аните, встал перед ней на колени и обнял ее. Они осветились одним сияющим светом.

— А тебе, маленькая принцесса, я желаю приятного путешествия. Уверен, твой путь будет устлан розами и освещен божественным сиянием.

Потом он встал, что-то прошептал Эпионе, поднялся на свое ложе, поджал под себя ноги, выпрямился и, закрыв глаза, произнес:

*Смотри, что вы натворили,
Что сделали с миром прекрасным –
Счастливую Землю цветущую
В лазарет превратили странный.*

*И вместо Земли за Солнцем
Большая летит больница,
В ней семь миллиардов недужных
Мучается и томится.*

*Чем больше заводов лекарств,
Чем больше больниц и аптек,
Чем больше больных врачей,
Тем больше скорбных калек.*

*А исцеления нет
И убежать нельзя
Жалко таких людей,
Жалко планету Земля.*

Он замолчал, и опять наступило полное безмолвие.
Наставник перестал дышать.

* * *

Эпиона проводила нас до выхода из Лазуритного Храма, пошептала с Эскулапом, а потом долго объяснялась с дочерьми. Гигиея и Панацея отвечали ей ласковым шипением. Когда они закончили, Эпиона удалилась обратно в храм, и Эскулап сказал нам:

— Наставник велел идти к берегу Океана Страсти. Нам нужно выполнить его предписание.

Мне было очень тяжело идти. Помогал Эскулап и взгляд его дочерей.

Анита шла молча, со слезами на глазах. Несколько минут спустя мы уже стояли на берегу Океана Страсти. Брезжил рассвет. Океан бушевал. Высокие волны бились о берег и качали огромный паром у причала. Он был переполнен людьми, которые, склонив головы, спокойно ожидали своего последнего путешествия к скале Аюрведы. Сама скала величественно возвышалась в тумане посередине океана.

У парома стоял Проводник. Он ждал нас. Анита крепко взяла меня за руку, а я чувствовал тяжесть во всем теле, и мне хотелось только одного — заснуть навсегда.

Эскулап подошел к нам близко и тихо сказал:

— Паром ждет. Пришло время расставания.

Анита сказала сквозь тихий плач:

— Дядя Эскулап, пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы спасти Николая.

Он ответил:

— Расставание не трагедия. Мы все следуем Божественному провидению. Я был счастлив быть вашим проводником.

Он обнял Аниту, потом меня, и его прикосновение немного облегчило мое состояние.

Однако все части тела ныли.

Эскулап сказал:

— Теперь я должен выполнить задание Великого Наставника Татхагаты и объявить вам Его решение. Прошу приготовиться и выслушать внимательно.

— Мы готовы, — еле выговорил я.

— Итак, вы пришли сюда вдвоем. Это было необычное кармическое исключение. Все в этом мире имеет свою причину, даже если мы ее не понимаем.

Эскулап сделал паузу, посмотрел в сторону проводника, который жестами торопил нас, и продолжил:

— Решение таково: ваши пути расходятся.

Анита обеими руками обхватила меня и сказала:

— Я не хочу с тобой расставаться, Николай! Я тебя люблю.

Я ответил еле слышно:

— Я тоже тебя очень люблю, красавица.

— Ваши чувства прекрасны, но любить можно и на расстоянии. Итак, подчиняясь провидению, один из вас отплывает этим паромом к горе Аюрведы, а другой возвращается на Землю, в жизнь, — сказал Эскулап.

Анита попросила:

— Дядя Эскулап, умоляю, отправьте нас куда хотите, только не разлучайте!

Эскулап покачал головой:

— Не могу.

Я успокоил Аниту:

— Дорогая, все хорошо. Ты должна вернуться к жизни, должна быстро поправиться, выздороветь и вырасти красивой и умной девушкой. А моя жизнь закончена. Вот мой путь к горе Аюрведы, и я приму все.

Эскулап одобрительно кивнул и сказал:

— Молодец, Николай! Ты же, Анита, успокойся. Ведь Наставник сказал тебе, что смерти нет.

Анита промолчала.

Эскулап продолжил:

— Знайте, для совершения предписанного и для возвращения на Землю нужен укус моих дочерей. Их яд целебный, и у каждой — свои свойства. Их совместный укус приведет к телесному исцелению. Это не исцеление души, о котором каждый заботится сам.

Я уточнил слабым голосом:

— Аниту укусят ваши дочки, она выйдет из комы на Земле и станет здоровой?

Эскулап ответил:

— Так оно должно быть. Все просто. Легкий яд Панацеи с эликсиром жизни вернет здоровье, а легкий яд Гигиен подбросит высоко к Земле.

Я заметил, что нетерпеливый проводник приблизился к нам. Он был уже готов силой посадить меня на паром, чтобы не задерживать отплытие. Я покорно склонил голову перед своей судьбой и сказал слабо:

— Я готов плыть и счастлив, что Анита скоро встанет на ноги. Анита, я тебя люблю!

Девочка горько плакала.

Эскулап вмешался:

— Пора, пора! Надо торопиться. Я приближаю к вам посох, и с укусом моих дочек все закончится.

Так вот каков конец. С одной стороны — проводник в черном капюшоне, а с другой — посох Эскулапа со змейками.

Вдруг произошло то, чего я никак не мог себе представить. Эскулап прошипел что-то дочкам, они приготовились, сделали выпад и...

Обе одновременно укусили меня.

Я вскрикнул:

— Что это? Эскулап, как так?

Эскулап ответил спокойно и хладнокровно:

— Таково решение Великого Наставника.

Я почувствовал некоторый прилив сил после укуса и закричал:

— Но это несправедливо! На Землю надо вернуть Аниту, а меня отправить на паром смертников.

— Ты не властен над справедливостью! Ею ведает Наставник! Его решение — это закон, — возразил Эскулап.

Проводник тут же схватил Аниту и потащил ее к парому. Однако девочка уже не плакала. На ее лице была счастливая улыбка.

— Николай! Я рада! Передай маме, что я ее люблю! — крикнула она.

Тут разрыдался я и почувствовал, как яд овладевает всем моим телом.

Но душа протестовала.

Эскулап сказал мне:

— Не могу судить, но думаю, Наставник возвращает тебя на землю ради твоего открывающегося понимания. А для чистой души Аниты путь на скалу Аюрведы будет блаженством.

Анита улыбнулась и сказала:

— Это хорошее решение.

Эскулап остановил проводника и ответил ей:

— Ты прекрасная девочка! И наставник потребовал выполнить твою последнюю просьбу перед отплытием. Скажи мне свое заветное желание.

Глазки Аниты заискрились от радости, и она ответила не раздумывая:

— Дядя Эскулап, я хочу увидеть своего папу. Я просила маму сказать, как найти его, но она не знала, что мне ответить. Тогда я рассердилась и побежала, чтобы найти его. Я не знала куда бежать, споткнулась, упала и... Я хочу увидеть папу!

Эскулап приласкал ее:

— Ничего, ничего, моя девочка. Все хорошо. Я покажу тебе папу.

Он зажег лампу, которую держал в руке, и в ней появилось изображение.

Безлюдное кафе с потрясающим видом на ночной морской пейзаж. Картина в окне похожа на изумительный живой рисунок превосходного художника. В небе мерцают миллионы звезд, а над морем висит тоненькая ленточка новорожденной луны.

Добродушно улыбающаяся мать Аниты, Ия, напротив нее мужчина.

Она говорит стихами.

Он отвечает:

*Над холмами, над долами,
Сквозь терновник, по кустам,
Над водами, через пламя
Я блуждаю тут и там!
Я лечу луны быстрее,
Я служу царице фей,
Круг в траве кроплю росой,
Буквицы – ее конвой...
Ну, да, я – добрый малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шалый,
В шутах у Оберона я служу...*

Эти строки прозвучала моим голосом. Парень обернулся, и я узнал себя.

— Что это? — вырвалось у меня.

Анита же расплылась в самой счастливой улыбке, которую я когда-либо видел:

— Николай! Ты мой папа!

У меня из груди вырвалось рыдание. Анита же вырвалась из цепких рук проводника, подбежала ко мне и обняла. Я плакал и сквозь плач говорил:

— Дочка... Прости... Извини... Я виноват перед тобой...

А она смеялась:

— Папа! Я тебя всегда любила. Я так тебя искала и, наконец, нашла! Видишь, не зря я бежала к тебе, и споткнулась не зря. Как иначе я нашла бы тебя?

Проводник засуетился. Я чувствовал, что мой взгляд начинает покрывать пелена. Яд подействовал. Я терял сознание и понимал, что сейчас очнусь в покое реанимации, а Аниту силой заберет проводник в черном капюшоне и...

Она умрет...

Неожиданное решение осветило мой разум. Я собрался с силами, наклонился к ее уху и прошептал:

— Я этого не допущу, дочка. Передай своей маме, что я тоже ее всегда любил.

Сказав это, я резко развернулся и из последних сил побежал к Океану Страсти, крича на ходу:

— Я изменяю решение Наставника! Океан Страсти! Прими меня вместо дочки моей.

Со спины я услышал крик Аниты:

— Папа!

И еще восклицание Эскулапа:

— Браво, Николай!

И вот я на краю. Готовлюсь прыгнуть...

Неожиданно передо мной горой возник Черно-Белый Проводник.

Он схватил меня крепкой хваткой и строго сказал:

— Ты не можешь прыгнуть туда вместо нее!

Тут я узнаю в нем Черно-Белого Ангела и кричу в ответ:
— Не могу?! Это ты не можешь помешать мне спасти мою дочь!

Он презрительно плюнул мне в лицо и, замахнувшись, ударил меня со всей силой. В глазах помутнело. Я свалился на камни и отключился.

Двенадцатая глава

ОТЧАЯННЫЙ ПРЫЖОК В НЕИЗВЕДАННОЕ

— Натан, что с тобой? Ты нас слушаешь?

Я очнулся ошарашенный:

— Что это? Где я?

Надо мной бородатый мужчина.

Он сказал:

— Я Амшель, твой брат. Ты приехал во Франкфурт на свадьбу своей дочери.

Склонившиеся надо мной братья, сразу вернули меня в действительность нашего старого двора.

— Он, наверное, задремал, — сказал Соломон.

Джеймс спросил:

— Натан, тебе плохо?

Я окончательно очнулся, тряхнул головой и ответил:

— Мне хорошо. Я с вами.

Амшель кивнул:

— Хорошо.

Все вернулись на свои места, и Амшель сказал:

— Продолжим. Итак, с помощью Натана, которому помогали все мы, нам удалось установить новый порядок в банковской системе. За этим последовало накопление огромных средств. Сейчас мы уже контролируем миллиарды фунтов и можем купить весь Лондон или Париж. Хотя, как и завещал нам отец, величина нашего состояния должна храниться в строжайшей тайне. Мы не имеем право

рассказывать о ней кому бы то ни было, кроме наших прямых наследников.

Братья кивнули в знак согласия, и Амшель продолжил:

— Потом перед нами встала проблема Наполеона. Вы знаете, этот император — наш проект. Мы начали его с помощью нашего друга, профессора Вейсхаупта. Устроили революцию и привели Наполеона к власти, чтобы он работал на нас. Финансирование войн, которые он развязал с нашей подачи, принесло нам баснословное состояние. Сейчас мы самые могущественные финансисты на планете. Конечно, мы все скорбим по людям, которые гибнут в войнах, но люди смертны, а Бог принимает жертвы. Почему же нам не зарабатывать на этом? Однако в последнее время Наполеон вышел из-под нашего контроля. Он начал действовать самостоятельно и отказывается подчиняться нам, что сразу же отразилось на нашем денежном притоке. Мы понесли потери в прибыли. Когда стало ясно, что Наполеона надо убирать, мы обратились к Натану. Он получил наши послания и придумал совершенно гениальный ход, заставив наши проблемы работать на нас.

— Да, это было сверхгениально! — согласились братья.

* * *

Еще одна вспышка воспоминания выбросила меня в Лондон, в спальню моего дворца.

Ночь.

Дождь и ветер стучат в окна.

Я сижу при свечах и вчитываюсь в зашифрованные письма братьев.

Размышляю.

Внутренне Нечто тут как тут.

Сразу подсказывает мне, что делать.

Я подчиняюсь и звоном колокольчика вызываю секретаря.

Минуту спустя он стоит передо мной в ожидании распоряжений.

Подумав, я говорю:

— Немедленно пригласи в кабинет троих серых агентов и позови Бенджамина, моего врача. Сообщи ему, что он задержится здесь на несколько дней.

Секретарь молча поклонился и вышел. Я быстро встал и оделся. Агенты уже ждали меня в кабинете. В камине потрескивает огонь, а в окно рвется ветер. Эти три серых агента — мои длинные руки. С их помощью я дотянусь до кого угодно. В любое время дня и ночи они выполняют любое мое поручение. Я их называю серыми из-за цвета их одежды. Они носят серые плащи, чтобы не выделяться. Они люди-невидимки.

Все трое молча уселись вокруг стола, и я сказал:

— Я вас призвал для задания чрезвычайной важности. Дело касается бельгийской кампании Наполеона, где все идет к решающему сражению. В этой битве император должен быть уничтожен.

Серые агенты кивнули, давая знать, что все понимают.

Я продолжил:

— Вы знаете, что мы превратили этого наглеца в великого императора. Некоторое время он нам служил. С моей подачи развязал крайне выгодную для нас войну. Также помог нам заработать на оружии, контрабанде и военных поставках. Все воюющие стороны обеспечивали войска нашими ссудами. Мы раздали огромные кредиты, и всего за несколько лет задолженность Франции перед нами так выросла, что ее не выплатить нескольким поколениям французов. Потом император зазнался. Решил, что может обойтись без наших денег. Мы его свергли, вернув Францию Бурбонов. Три месяца назад он сбежал с острова Эльба, и к нему сразу же присоединилась армия генерала Нея. Никто не ожидал, что весь Париж будет встречать его

с восторгом. Наша реакция была молниеносной. Мы собрали коалицию европейских монархов против Наполеона, и теперь армия Веллингтона готова к решающей битве. Как я уже сказал, в этом сражении нужна только победа Веллингтона!

Старший из агентов сказал:

— Да, сэр, мы понимаем ситуацию. Что прикажете делать нам?

Я ответил:

— У меня есть следующий план. Вы немедленно отправитесь в Брюссель. Хочу, чтобы один из вас подкупил повара Наполеона. Пусть он подсыплет в еду императора слабый яд. Мне нужно, чтобы он сильно заболел и утратил способность управлять армией при решающем сражении.

Агент уточнил:

— Вы не хотите отравить его насмерть?

Я сказал:

— Нет. Если он умрет перед битвой, то его сделают героем. Мне это не нужно. Я хочу, чтобы ему было плохо. Яд выбирай сам.

— Хорошо. Я все сделаю.

Потом я обратился ко второму агенту, который за последнее время выстроил отличные взаимоотношения со всеми ключевыми военными начальниками.

— Заболев, Наполеон будет вынужден передать руководство генералу Нею. Так вот, ты должен быть рядом с ним при сражении.

Второй агент ответил с готовностью:

— Хорошо! Буду!

Я продолжил:

— И когда к Веллингтону на помощь прибудет армия Блюхера, я хочу, чтобы ты предложил ему взятку в сто тысяч фунтов наличными, если он приостановит атаку всей армии.

Агент кивнул:

— Хорошо. Это можно сделать.

Потом я обратился к третьему:

— А тебя я хочу отправить к маршалу Груши. Он руководит правым крылом армии Наполеона. Под его начальством тридцать тысяч солдат. Предложи ему полмиллиона фунтов наличными за то, чтобы он задержался с присоединением к армии Наполеона. Пусть он опоздает к сражению и сам потом оправдывается.

Агент кивнул и сказал:

— Думаю, за такую сумму я смогу убедить его.

— Отлично! Тогда отправляйтесь немедленно. И сообщайте мне обо всех ваших действиях каждые три часа.

Агенты молча встали и отправились исполнять услышанное. Подумав, я понял, что действую правильно. Потом я пригласил к себе верного врача и сказал:

— Добрый вечер, Бенджамин.

— Здравствуйте, сэр. Надеюсь, вы не хвораете? — взволнованно спросил он.

— Нет. Я в порядке.

— Отлично. Чем могу служить вам?

— Мне надо исчезнуть на пару дней. Хочу, чтобы ты убедил всех, что я болен.

— Понятно.

— Дежурь у дверей моей спальни и никого не пускай. Сам заходи время от времени. Пусть жена, вся семья и слуги поверят, что я простудился и не хочу никого видеть.

— Хорошо. Я все сделаю. Когда вы уезжаете?

— Прямо сейчас.

— Все ясно. Начинаю дежурство немедленно.

— Спасибо, Бенджамин.

— Всегда рад служить!

Я вернулся в спальню, быстро собрал небольшой саквояж с необходимыми вещами и, не сказав никому ничего, покинул комнату через тайный выход в шкаф.

Я быстро прошел по темному коридору в скрытый задний дворик. В лицо мне ударили холод и дождь. Поблизости всегда дежурил мой тайный черный экипаж. Кучер и два телохранителя приветствовали меня:

— Добрый вечер, сэр. Непогода.

Я ответил:

— Нам предстоит длинный путь.

Кучер сказал:

— Мы готовы. Куда едем?

— В Дувр.

Экипаж тронулся, и, когда мы выехали за ворота, я задумался над планом своих действий:

— Я переплыву Ла-Манш и к полудню прибуду в Брюссель. Хочу присутствовать при решающем сражении. Мы много заработали на этой войне, но на решающей битве я обязан увеличить прибыль в десять раз! Это моя война против Наполеона, хотя об этом никто не знает. Меня устраивает всеобщее заблуждение, будто борьба идет между французами и англичанами. На самом деле это битва Ротшильдов против Наполеона.

Разумеется, я не знал, что конкретно буду делать. Мне еще предстояло найти тот единственный и точный ход, совершив который, я заработаю миллионы за ночь. Несмотря на то, что Нечто во мне давало понять, что подскажет верное решение в нужный момент, абсолютной уверенности в этом не было.

В Дувре я пересел на собственную шхуну. Шторм усилился, сильно укачивало, но мы доплыли. Во Франции меня встретил экипаж моего брата Джеймса, который унес меня в сторону Брюсселя со скоростью ветра.

Утомительное путешествие позади, и я уже на месте. Все как на ладони. Передо мной поле битвы у Ватерлоо. Гремят пушки, стреляют ружья, ржут лошади, звучит барабанный бой, сверкают сабли. Солдаты умирают тысячами.

Во мне рождается вопрос: «За что эти люди отдают свои жизни? Они думают, что за свою страну. И это правильно! Они любят родину, рады погибнуть за нее. Но их странам совсем не нужна их патриотическая смерть. Родине нужна не война, а процветание. Не войной оно достигается, а мирным трудом. Война нужна мне! Она приносит прибыль в мои банки! Значит, они умирают за меня, находясь в паутине патриотической иллюзии!»

Нечто во мне сразу возражает: «Ну и что? Пусть умирают! Все умрут, так или иначе, по разным причинам. Какая разница? Пусть лучше они перебьют друг друга пушками, ружьями и штыками, которые куплены на твои деньги, и принесут своей смертью выгоду тебе! Это хорошие жертвы».

Наблюдая за сражением, я понимаю, что мои серые агенты четко выполняют свои задачи. Мой план действовал. Я видел, что маршал Груши опоздал, а генерал Ней тормозит с атакой. Поступило сообщение от первого агента — Наполеон заболел и недееспособен.

Веллингтон, воодушевленный своим новым замком, с жаром вдохновлял офицеров и солдат. Вскоре, увидев на горизонте армию Блюхера, которая подроспела на помощь англичанам, я понял, что к вечеру исход битвы решится.

Армия Наполеона будет разбита.

И тут меня осенило!

Мое Нечто громко начало шептать детали прекрасного плана, как заработать на этой битве великое состояние! Решение оказалось настолько простым и оригинальным, что я долго не понимал, как сам до этого не додумался.

Все сложилось восхитительной мозаикой, и, быстро сев в экипаж, я приказал кучеру:

— Вези меня обратно в Калаис. Мне надо срочно переплыть Ла-Манш и вернуться в Лондон до рассвета. Скачи галопом, пусть трясет!

Я понимал, что план сработает лишь в том случае, если я успею в Лондон и буду спокойно стоять у своего столба рано утром. Однако, в Калаисе меня поджидало серьезное препятствие.

На Ла-Манше разбушевался сильнейший шторм. Волны высотой с гору разбивались о скалистый берег, и мою шхуну, словно щепку, бросало из стороны в сторону. Встревоженный капитан сказал:

— Сэр, мы не сможем выйти в море в такую погоду.

И действительно, плыть было нельзя! Ветер и ураган встали на моем пути. Несколько секунд я был в нерешительности. И вдруг во мне опять заговорило Нечто:

— Неужели погода помешает великому Ротшильду?

Я ответил себе:

— Нет! Никогда!

Капитан переспросил меня в недоумении:

— Что вы сказали, сэр?

Я ответил ему строго:

— Ротшильду погода не помеха! Отплываем немедленно!

Видимо капитана испугало выражение моего лица, и он не посмел даже пикнуть.

Несколько минут спустя я стоял, весь мокрый, на палубе своей шхуны, которую заливали волны, но мы плыли. В ту ночь мы могли утонуть тысячу раз, но...

Мы доплыли.

Я уверенно ступил на берег Дувра, а за мной плелся внезапно поседевший капитан.

К рассвету я благополучно вошел в свою спальню через черный ход и позвал доктора Бенджамина, который дежурил у дверей:

— Вы вернулись так быстро?

— Да.

— Вы весь мокрый. Выглядите очень усталым.

— Так и есть. Дай мне что-нибудь для бодрости.

Доктор сделал мне горячую ванну с марганцовкой, наполнил бодрящей микстурой, и вот час спустя, я уже на бирже, у своего столба.

Первый, как всегда. Готовый начать осуществление моей восхитительной задумки. Биржа оживает, и я приступаю к делу. Подзываю одного из своих белых агентов и приказываю:

— Передай всем моим маклерам, надо сбрасывать акции английского правительства. Все! По любой цене. Пусть продают даже наши собственные облигации в два раза дешевле. Агент кивнул. Час спустя я понял, что мой план работает. Они клюнули. Все решили, что армия Веллингтона разбита и Англия — банкрот!

Этого я и добивался! Я их обдурил. Они думали, что у меня есть достоверные данные о победе Наполеона! Я понимал, что официальная информация поступит лишь после полудня, с курьером Его Величества, который будет пережить непогоду. Чем позднее будет сделано официальное заявление, тем для меня лучше.

Мне удалось посеять панику на бирже. Я обвалил стоимость всех ценных бумаг Англии, и тут началось то, ради чего я рисковал жизнью своей и тех, кто плыл со мной через бурю. Биржевики лихорадочно пытались всучить друг другу за бесценок то, что они наживали годами!

К обеду весь Банк Англии можно было купить за считанные гроши, и никто не хотел его покупать. Вскоре мне доложили, что шторм на Ла-Манше ослаб. Я понял, что настал мой час! Подозвал белого агента и спросил:

— За сколько предлагают акции банка Англии?

Агент посмотрел в записи:

— Почти даром. Ниже некуда. Вы их превратили в пустую бумагу.

— Начинаем скупать все, — кивнул я.

— Вы что? Зачем?! Все знают, что Веллингтон разбит и Англия банкрот, — удивился агент.

Я строго посмотрел на него и повторил приказ:

— Немедленно прикажи моим маклерам скупать все!
Иначе уничтожу вас всех!

Агент испуганно кивнул и быстро удалился выполнять приказ.

Я знал, что мои маклеры, как по мановению волшебной палочки, за час действительно скупают все.

Так и произошло. В три часа белый агент подошел ко мне и сообщил:

— Сэр, я не знаю, что вы задумали, но на данный момент почти вся Англия принадлежит вам.

Я увидел, что глашатай собирается сделать официальное сообщение от прибывшего королевского курьера. Сейчас будет оглашена новость о победе английской армии над Наполеоном, повалит вторая волна биржевой паники, хуже первой, и здесь начнется настоящий ад. Цены на акции английского банка сразу подскачут до небес, и все маклеры этой биржи поймут, что они разорены.

За одну секунду, всего лишь за один короткий миг они превратятся в нищих. А я выступлю самым могущественным человеком этого острова. Могущественнее их монарха! Это я разорил их!

«Не буду смотреть на эту ужасную сцену. Мне следует хорошо пообедать и поспать», — решил я.

Уходя, я услышал слова моего белого агента:

— Сэр, вы купили всю Англию за гроши! Вы гений! Простите, что перечил вам.

Я удалился не оборачиваясь.

Насладившись сытным обедом, я выслушал последнюю сводку. Внешне спокойный секретарь доложил с дрожью в голосе:

— Сэр, сегодня ваше состояние увеличилось на двести миллиардов фунтов.

Да, отец гордился бы мной.

Воспоминания погасли.

Амшель продолжал монотонно вещать:

— Разделавшись с Наполеоном, мы не только спасли все наши вложения, но с помощью мудрого Натана, увеличили наше состояние в сто раз.

Джеймс сказал:

— Да, мы все отлично помним чудесную операцию Натана на Лондонской бирже по скупке ценных бумаг английского правительства.

Братья с почтением посмотрели в мою сторону.

Я сказал:

— Спасибо, я трудился на благо семьи! Но хочу признать-ся в одном. Меня часто мучает внутренний голос, который все ставит под сомнение и задается вопросом, насколько хорошо мы поступаем, провоцируя войны ради нашего обогащения.

Карл из Неаполя и Соломон из Вены удивились и воскликнули одновременно:

— Все средства хороши!

Амшель согласился:

— Наш отец учил нас именно этому. Поэтому, Натан, тебя не должны мучить угрызения совести. Мы чисты.

Я кивнул головой:

— Да, но я видел горы из трупов солдат, которые умирали за нас, думая, что отдают свою жизнь за Родину. Вот тогда я и проникся вопросом: насколько это все нам нужно? Мы и так почти всеильны. У нас уже есть такое состояние, что...

Соломон возразил:

— Состояние нельзя просто удерживать. Оно либо увеличивается, либо исчезает. Альтернативы нет. Поэтому если мы остановимся, то скоро все потеряем.

Все закивали. Я тоже молча согласился.

Амшель сказал:

— Да, мы не можем остановиться. Поэтому нам надо перейти к обсуждению наших планов на будущее. Первое и главное — изменение нашего социального статуса. Европейское геральдическое общество уже предоставило нам титул барона и утвердило наш герб. Правда, все там было не так гладко. Председатель геральдического общества был против. Ему не нравилось изображение льва и орла. Он считал это символами высших монархов. Мы решили вмешаться. Помогла ссуда, выданная лично канцлеру Австрии, Метерниху, и встреча председателя с ночными грабителями. Теперь нам позволено добавить к нашей фамилии приставку «фон» и изображать на гербе льва, орла и пять стрел в знак нашего братского единства.

— Это достижение — большая победа. Теперь мы можем чувствовать себя наравне со всеми европейскими монархами и династиями, — сказал Соломон.

— Я уже чувствую, как в Париже выросло почтение к нам, — прибавил Джеймс.

Карл ответил:

— В Неаполе тоже.

Амшель продолжил:

— Настало время расширить сферу нашего влияния и за океаном. Огромный континент Америки ждет нашего завоевания. Сейчас для этого есть отличные предпосылки. Северная Америка созрела для гражданской войны с югом. Наше вмешательство будет там очень кстати. Мы можем сыграть роль фитиля и взорвать всю Америку. По моим подсчетам, гражданская война там принесет нам сто миллиардов фунтов. Мы будем финансировать обе воюющие стороны. Ссуды вырастут в разы. После этого у нас появится почва претендовать на производство американской валюты — доллара.

Мой внутренний голос, борющийся с Нечто, опять проснулся, и мне представились картины массовых убийств во

время войны. В Америке, как и в Европе, все будут думать, что умирают за свою родину. На самом же деле это будут жертвы на алтаре нашей жадности. Я понял, что должен остановить это безумие и уничтожить Нечто во мне!

— Мои родные! У меня есть другое предложение, — обратился я к братьям.

Они приготовились слушать. Набравшись смелости, я сказал:

— Предлагаю остановиться. У нас баснословное состояние, и нет смысла увеличивать его еще. Мы и так можем купить все, что пожелаем. Не будем больше провоцировать войну, прекратим кровопролитие, принесем людям факел процветания вместо гибели и разрушений.

Амшель недовольно посмотрел на меня и сказал:

— Чего ты хочешь? Скажи конкретно.

Я ответил:

— Я хочу, чтобы у наших детей и внуков руки были чисты от крови.

— Натан, ты предаешь нас! И не только нас, но и отцовское завещание, — сказал Соломон.

Боже! Они считают это предательством. Я понял, что нужно действовать по-другому. Последнее слово Соломона засело в моей душе. Завещание...

Мое внутреннее Нечто насторожилось, так как во мне внезапно родился план против него.

Я сказал:

— Братья мои! Я вас люблю, но чувствую, если мы не остановимся, то будем продолжать убивать миллионы невинных, зарабатывая на войне кровавые состояния до скончания века. Зачем нам это? Может, нас околдовали?

И тут передо мной встал образ Вейсхаупта. Что он делал, вгоняя меня в беспамятные грезы? Это ведь он подсказывал мне эти жуткие идеи! Неужели он засел во мне и играет мной как марионеткой. Он и есть мое внутреннее Нечто? Он Сатана?!

Откуда-то из далеких глубин подсознания, проснулся во мне образ Черно-Белого Ангела.

Тут же я почувствовал удар изнутри и вскочил на ноги. Братья посмотрели на меня с удивлением.

— Натан, ты сходишь с ума? — спросил Амшель.

Я ответил:

— Мне надо удалиться.

Карл возразил:

— Как так? Мы еще не закончили.

Соломон сказал возмущенно:

— Ты не можешь покинуть заседание сейчас.

Проснувшийся внутренний голос вдруг окреп, и я твердо сказал:

— Нет, вы ошибаетесь! Я могу покинуть это сатанинское заседание и могу остановить нас завещанием!

Джеймс возмутился:

— Кого остановить? О каком завещании ты говоришь?

Но я уже не слушал их и быстро шел через двор к своему кабинету. По всему дому шли бойкие приготовления к свадьбе, но я не обращал внимания ни на кого. Войдя в комнату, я быстро осмотрелся. Следы работы профессора были разбросаны повсюду.

Где он?

— Профессор Вейсхаупт! Вы здесь? — позвал я.

Никто не ответил.

Тогда я уселся за письменный стол, достал из ящика бутылочку с ядом, поставил ее перед собой и начал быстро писать: «Завещание».

Слова ожили на бумаге. Я просил, молил своих сыновей, дочерей, внуков, правнуков и всех потомков остановиться! Умолял их прекратить развязывать войны! Да, люди и без нас убивали друг друга. Они воевали и до нас. Но если мы не можем противостоять этому, то нужно хотя бы перестать подстрекать и способствовать.

Написав это, я поставил подпись и посмотрел на себя в зеркало. Мое тяжелое, жуткое туловище еще и пахло ужасно. Я сказал себе, что это тело не протянет и пару месяцев.

И без сожаления схватил склянку с ядом.

Скрип в двери остановил меня на мгновение, и я увидел, что в комнату вошел профессор.

Он спросил:

— Вы вернулись? Я не ожидал вас так быстро. Что вы делаете? Что вы пьете?

Я посмотрел на него — сущий Сатана!

А он понял, что происходит, и на его лице изобразился ужас.

Он закричал:

— Не делай это!

Но я не дал ему остановить себя. Схватив короткий кинжал Вейсхаупта, который лежал на столе, я крикнул ему:

— Не подходи!

Он возмутился:

— Я же сказал! Нельзя трогать чужой нож!

Но я успел одним глотком осушить бутылочку яда. Жидкость обожгла все внутренности. Профессор бросился ко мне, но было уже поздно.

Он бегло просмотрел мое завещание и закричал:

— Ты выжил из ума! Кого ты защищаешь? Стадо патристических баранов?! Они и без тебя найдут самые глупые причины для насилия и смерти! Так пусть они умрут за благополучие твоих потомков! Они и так все уже принадлежат мне! Как и ты! Я ваш владыка!

Я начал падать на пол. И перед тем как потерять сознание, крикнул:

— Нет! Ты мной не владеешь!

В последний момент я увидел, как он рвет мое завещание, бросая клочки в камин, и сам пьет бутылочку того же яда. Я вырвался из своего вонючего тела, но он кинулся за мной.

Мы пронеслись сквозь дымоход, и я понял, что он душит меня. Я тоже накинулся на него. Он замахнулся, ударил со всей силы, и я очутился на камнях.

* * *

Я быстро очнулся, тут же вскочил на ноги и нанес ответный удар. Сатана тоже свалился. Огромная волна бушующего Океана Страсти разбилась у наших ног. Я могу его победить! Мне надо прыгнуть в эти воды!

За моей спиной я услышал тревожный крик Аниты:

— Папа!

И голос Эскулапа:

— Не плачь, дорогая! Он сейчас творит свою судьбу!

Я подбежал к обрыву, но Черно-Белый Ангел опять оказался передо мной.

Анита закричала:

— Николай! Папа! Я тебя люблю!

И тут я почувствовал, что держу в руках кинжал Вейсхаупта. Видимо, схватив его там, у камина, я уже не отпускал его все это время. Черно-Белый Ангел накинулся на меня, повалил и начал бить по голове. Но я сумел найти мгновение для того, чтобы глубоко вдохнуть, и, взмахнув кинжалом, проткнул противника с криком:

— Умри, Сатана!

Кинжал по рукоятку вошел в тело, и Черно-Белый Ангел замер от неожиданности. Он посмотрел на рану и заорал:

— Не трогать мой нож!

Я понял, что надо действовать немедленно. Поднявшись на ноги, пошатываясь, я сделал несколько неуверенных шагов к обрыву и прыгнул в высокие волны Океана Страсти.

Последнее, что я услышал, был крик Аниты:

— Папа!

И возгласы Эскулапа:

— Не трогайте ее! Он изменил судьбу!

Волна покрыла меня с головой. Но я вынырнул и оглянулся. Берег был залит кровью Черно-Белого Ангела. На пароме смертников началась паника.

Эскулап продолжал кричать:

— Он изменил судьбу! Спас свою дочь, и властью, данной мне, я отправляю на Землю Аниту!

Тут он подносит свой посох к плачущей Аните, и змеи кусают ее. В голове мелькнула самая счастливая мысль в моей жизни: «У меня есть дочь!»

Я снова погрузился в волны Океана Страсти. Последнее, что я почувствовал, были слова Аниты:

— Николай! Папа! Я тебя люблю!

Пучина поглотила меня. Я начал тонуть, но вдруг опять вынырнул и поплыл к скалистым берегам горы Аюрведы.

Шквал ревности ударял меня справа и слева, безжалостно бил вал злости, а потом меня накрыла огромная волна невежества. Вдруг что-то светлое всплыло передо мной, и я увидел покой реанимации.

Тело Аниты. Ее палец дрогнул. Потом дрогнуло веко. Она открыла глаза и сказала:

— Мама! Я нашла папу!

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Николай закончил рассказ. В тишине было слышно лишь тиканье настенных часов. Находясь под впечатлением от услышанного, я чувствовал, как во мне кипели противоположные эмоции. С одной стороны, мне было трудно поверить, с другой, он так убедительно все описал, что не поверить тоже было трудно.

Помолчав, Николай сказал:

— Мне надо уже идти. Разгадку отложим до завтра, и чтобы не затягивать с концовкой, встретимся пораньше. В восемь устроит?

Я молча кивнул.

Тогда он встал, и мы распрощались без особых любезностей.

Дома я не мог найти себе места и решил узнать больше о персонажах, которых упоминал Николай. С этой целью я обратился к энциклопедии. Вот что я там нашел: Эскулап (он же Асклепий) был рожден смертной, но достиг вершин врачебного искусства и поэтому получил бессмертие. Был женат на Эпионе, но кроме двух дочерей имел несколько сыновей.

Кстати, я ничего не нашел о том, что Эпиона была змеей.

Бабушка Тоци тоже оказалась мифическим персонажем. Ее имя означает «наша бабушка». Она была покровительницей врачей, повивальных бабок, богинь земли и исцеления. Иштлильтон оказался ацтекским божеством исцеления, однако не ясно, был ли он в действительности внуком Тоци.

Сложнее было с Татхагатой — Наставником Лазуритного Храма. Санскритская интерпретация этого имени оказалась выше моего понимания — «тот, кто ушел или прибыл в таковость».

Про город врачей Иртифахан я ничего не нашел. Зато он снился мне в ту ночь.

Третья часть

КОРОТКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Я ожидал Николая с еще большим нетерпением. Очень хотелось выслушать окончание рассказа.

Откуда-то закралось сомнение: а вдруг он не придет?

Ровно в восемь дверь моего кабинета открылась.

Он, как всегда, улыбался от всей души:

— Обещаю, что к финалу будет все понятно с сюжетом, но останется много вопросов к самому себе. Возможно, появится желание поплакать и измениться в лучшую сторону.

Я включил диктофон.

Первая глава

СПАСЕНИЕ У БЕРЕГОВ АЮРВЕДЫ

Я плыл по бушующим волнам Океана Страсти. Однако в густом тумане, в окружении высоких волн, я потерял ориентацию и был вынужден выбирать направление наугад. Вместе с тем меня переполняли противоречивые чувства.

Я отец!

Я нашел дочку!

Столько лет я ничего не знал о ней.

Как я мог допустить, что она выросла без меня? Повзрослела без отцовской заботы, без общения с папой? А скольких радостей лишился я сам?! Я мог обеспечить ей счастливое детство, а себе — счастливое отцовство. Сейчас я чувствовал себя потерянным и беспомощным в водном пространстве,

среди суровых волн. Теперь я уже не могу повернуть время, не могу побежать к ней, как она бежала навстречу мне. Она искала меня! А я ее нет. Когда я был нужен ей — валялся в постелях любовниц. Какой ужас! Это настоящий кошмар! Я никогда не чувствовал себя таким несчастным! Слезы отчаяния душили меня, подступая к горлу.

Но я ее нашел! Слава Богу, что мне удалось встретиться с ней и помочь ей. Я ее спас от болезни!

А может, нет? Я не знал, что произошло с Анитой после моего прыжка. Эскулап говорил, что отправляет ее на Землю. Сквозь сон я видел Аниту и мог лишь верить, что она очнулась и вышла из комы. Я понял, как сильно люблю ее! Я любил ее всю жизнь! Любил до того, как она родилась! Любил, когда ничего не знал о ней!

А сейчас я любил ее больше всего на свете! И я поплыл по волнам ЛЮБВИ!

И плыть стало гораздо легче. Я уже не боролся с огромным океаном, он легко подбрасывал и сам же ловил меня. Я был счастлив, что спас дочку ценой собственной жизни.

Тут я понял, что плыл лучше любого пловца, без труда удерживаясь на гребнях высотой в три этажа, среди бушующего шторма и ураганного ветра. Волны любви подхватывали меня, унося в небеса, и нежно опускали. Продолжая жалеть о том, что вместо дочери я общался с такими людьми, как Софи, я навлек на себя несчастье. Внезапное и случайное негодование подняло огромный вал, и меня занесло в водоворот.

Я захлебываюсь водой, барахтаюсь, и неожиданно начинаю видеть кошмар, происходивший внутри. Образы яркие, объемные и совершенно реальные.

Спальня, тускло освещенная красными тонами, обставленная роскошной мебелью, с огромной, как стадион, кроватью — мягчайшие простыни, нежнейшие одеяла и воздушные подушки. На постели два голых тела. Они двигаются,

и спальня раскачивается в такт. Чудесным образом оживая, кровать помогает им сливаться в любовной потехе. Мужчина берет женщину, которая извивается в сатанинском сладострастии. Их лица перекошены в жутких гримасах, но они этого не замечают. Любовники наполняют друг друга, приводя все вибрации в чертовский экстаз.

Я понимаю: это Софи с Кэтчером. Боже! Как мне избавиться от этого наваждения?

Я плыву над ними, захлебываясь уничтожающим чувством ревности. Ледяное желание мстить берет меня изнутри. Хочу схватить Софи за горло, но в моих руках лишь вода. Ужас продолжает владеть мной, и я делаю еще одну попытку дотянуться до них, чтобы свести счеты. Но внутреннее чутье подсказывает: дыхание мщения задушит меня быстрее, чем я успею прикоснуться к ним.

И тут приходит чудесное понимание того, что Кэтчер меня чувствует. Он знает, что я здесь. У него волчий нюх. Выждав, он поворачивается, со злой ухмылкой смотрит мне прямо в глаза. Гримасничает, показывает язык и с двойным рвением продолжает брать Софи.

Я же беспомощно плаваю под потолком, над кроватью, сквозь тумбочки. Непреодолимое желание задушить их не угасает, но вдруг их страсть взрывается передо мной фейерверком разноцветных огней.

Искры попадают мне в лицо, в глаза, в рот. Я задыхаюсь, понимая, что сейчас утону, если не отделаюсь от пагубного рвения мстить.

И я кричу Кэтчеру всем духом:

— Ну, и черт с тобой!

Он опять оборачивается и отвечает:

— Да будет так!

В последнее мгновение я замечаю растущие рога на его голове. Он опять показывает мне язык, и на этот раз я четко вижу, что это змеиный язык.

— Черт со мной! Да, да!!! Черт со мной!!! — орет он, торжествуя.

Его клич меня добивает, и я понимаю, что гибну, ибо ревность моя превратилась в жуткое возбуждение. Непреодолимое влечение подтолкнуло меня к их голым телам, и, возможно, так и закончилось бы путешествие моей бедной души по Вселенной, если бы не вновь промелькнувшая искра любви к Аните.

От нее я очнулся, и усилием воли сделал рывок вверх.

Я задыхался. Ноги скручивало в судороге. Еще один рывок и я выплыл. Мне удалось уплыть от кошмара, и вот я опять на поверхности.

Но долго удержаться не удалось. Из глубин моей памяти возник образ Марии, который опять увлек меня в водоворот видения. Мария сидит в огромной жилой комнате Крикунова. На журнальном столике свечи, ужин. Они облачены в легкие халаты. Он ласково держит ее за руку, и передо мной оживают ее мысли. Мария видит себя в обширном зале парламента в кресле председателя. Перед ней очередь просителей, умоляющих ее на коленях. Она надменно смотрит на них, требует свое, и...

Боже мой! Мария!

Неужели ты всего лишь вот эта низкая мечта?!

Она слышит мой вопрос?!

Мария встрепелась.

Что случилось?

Кабинетов растерян, а я подплываю к Марии и вглядываюсь в ее глаза.

Она смотрит на меня, как дрессировщик на собачку, и из нее вылетает мыслеформа:

— Иди на место!

Меня берет злость и охватывает желание ударить ее насмерть. К счастью, пришло понимание, что если сделаю это, то свалюсь сам и никогда не выплыву.

И зачем мне губить себя?

Ну вас всех к черту!

Я резко разворачиваюсь.

Мне опять повезло: отмахиваясь от кошмара, я заплываю на верхушку собственного негодования, подчинив еще один грозный гребень, призываю в помощь мои чувства к Аните и удерживаюсь на этой волне.

Вдруг передо мной открывается вид на скалистый остров Аюрведы. Но он далеко, а силы мои на исходе. Сколько еще волн я могу выдержать?

Но пути назад нет. Вернуться я не могу. Либо плыть вперед, либо утонуть в Океане Страсти и навсегда остаться в бушующих водах собственных страданий.

В душе родился вопрос об Аните. Что там с ней?

И тут на меня навалилась новая волна, потеплее, и меня увлек мягкий водоворот.

Я плыл как в аквариуме по палате реанимации над своим полуживым телом. Услышал писк медицинских приборов, ритмичную работу аппарата искусственного дыхания и увидел Аниту напротив.

Перед ней на стуле дремала Ия. Была глубокая ночь.

Почему Анита лежит не двигаясь? Она же должна была...

Неужели Эскулапу помешали?

Этого не может быть!

Я подплыл близко к Аните и прикоснулся к ее прекрасным волосам.

Чувство безмерной любви к ней зажглось прекрасным фиолетовым светом, и комок этого свечения проник в нее. Тело девочки загорелось изнутри.

Боже!

Неужели она сейчас очнется?

И тут я заметил, что ее веко задвигалось, она приоткрыла глаз. Потом второй. Заморгала.

Ура! Молодец, девочка! Ну, давай! Очнись!

Она будто бы услышала мою команду, повернула голову и, увидев Ию, сказала:

— Мама, я нашла папу.

Я задрожал в плаче.

Но Ия продолжала спать на стуле.

Она не слышит.

Девочка присела на кровати. Я постарался остановить ее: «Не так быстро! Тебе пока нельзя вставать!».

Но она меня не слышит. Анита смотрит на спящую Ию и что-то ищет глазами...

Прошу тебя, лежи еще! Нельзя быстро подниматься!

Ия!

Проснись немедленно!

Но Ия спит, а Анита встала на свои ослабевшие ноги и чуть не рухнула на пол...

Я сердито плавал из угла в угол и кричал всей своей сущностью: «Ия! Присмотри за ребенком!"

Тем временем Анита крепко ухватилась за кровать, внимательно осмотрелась и остановила свой взгляд на моем умирающем теле. Недолго думая, она медленно направилась к моей постели, придвинула к ней стул, присела передо мной и...

Запела:

*Лежи спокойно, спи,
О жизни не грусти,
Трижды перекрестись,
Господь тебя хранит.*

*Ангел к тебе идет,
Покой с собой несет,
У правого плеча
Ложке себе найдет.*

*Поможет он понять,
Как тебе Свет познать,*

*Господа осознать,
Лукавого прогнать.*

Она спела мне колыбельную и, окончив, начала сначала.

*Лежи спокойно, спи,
О жизни не грусти,
Трижды перекрестись,
Господь тебя хранит.*

Тут проснулась Ия и, увидев пустую кровать Аниты, громко вскрикнула. Обернувшись на звуки прекрасной песни, она обнаружила свою дочь у моей постели.

Нашу дочь.

Ия заплакала. Анита же продолжала петь:

*Ангел к тебе идет,
Покой с собой несет,
У правого плеча
Ложке себе найдет.*

Она лечила меня песней.

И я услышал ее и поплыл за звуком.

Из глубины океана возникло теплое течение, и оно подхватило и быстро вынесло меня на поверхность.

Я был полон любви. Анита спасена!

С ней все будет хорошо.

Всем смыслом моей жизни было ее спасение!

К этому я шел, даже не подозревая.

Эти мысли меня согревали. Я понимал, что до скалы Аюрведы мне никогда не доплыть, и я скоро утону здесь под следующим валом, но я был счастлив!

Однако утонуть я не успел. Совершенно неожиданно почувствовал сильную руку на себе. Кто-то появился за моей

спиной, подхватил меня, как младенца, взлетел над волнами и понес к берегу. Я весь задрожал и не успел очнуться, как чудесная рука бережно опустила меня на камень.

Вторая глава

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Озябший, я дрожал от холода. Ледяной ветер дул, замораживая внутреннюю сущность моего утомленного «Я». Угрюмые волны Океана Страсти вздымались в несколько этажей, бились о каменистый берег как бешеные, с пенистым шипением докатывались до моих босых ног и отваливали обратно в пучину.

Меня опять начали переполнять противоречивые чувства. Радовало, что я спасен, достиг заветного берега, и здесь мне уже не грозит немедленная смерть в бушующих волнах. Но вместе с радостью трагично ощущались обездоленность и потерянности.

Да еще эти взбесившиеся ураганные вихри...

И внутренняя дрожь...

И безысходность...

За спиной — отвесная скала с пещерой, а впереди — бушующая вода. Некуда даже шагнуть.

И тут я почувствовал близость родственного духа. Возможно, это тот, кто спас меня. Светлая доброта согрела меня, и я нашел его рядом, сидящего на огромном камне.

Он сиял в звездном одеянии. Перед ним лежала спокойная морская гладь. Волны игриво плескались у его ног, а лунный свет освещал его фигуру. Он сам сиял блаженным спокойствием и улыбался мне. Улыбка эта согревала.

И я подумал: «Ты мой спаситель! Я жив благодаря тебе».

Последовало долгое молчание. Он смотрел в сторону океана и не двигался.

Вдруг его громкий и выразительный голос заговорил во мне, вызывая удивительное чувство внутреннего звучания. Он сказал:

— Спасение наступит с обретением сердца твоего.

Сначала этот голос испугал меня, я встрепнулся, но когда он затих, сразу стало грустно, и захотелось услышать его еще, ибо он согревал, принося тепло и уют. Но последовала долгая, томительная пауза.

Я понимал, что он все знает обо мне, чувствует каждую клеточку моей сущности и видит все мое прошлое и будущее.

И я сказал:

— Ты мой спаситель.

Внезапно его голос вновь заговорил во мне:

— Каждый сам себе спаситель. Восстав против пагубных страстей своих, ты выплыл на волне бескорыстной любви, подгоняемый молитвой дочери твоей. Эта молитва призвала меня! Не имей ты любовь цветущую и не спой тебе дочка молитву, лежал бы ты теперь на дне Океана Страсти, как миллионы и миллиарды погубленных душ. О них я плачу.

Его приятный голос умолк во мне. Мне захотелось, чтобы он опять заговорил, и я спросил:

— Скажи мне, кто ты.

Он ответил:

— Я твой тезка, Николай. Я Ангел-Хранитель твой и ходатай перед Богом. Еще меня называют Чудотворец.

— Так у меня всю жизнь был Ангел-Хранитель? Почему же я никогда не чувствовал тебя?

Я затрепетал в ожидании его ответа, и он заговорил во мне:

— Как ты мог меня чувствовать, когда блудный бес помрачил твой ум, наполнив его низкими помыслами. И ты поддался. Черт сковал твое сердце, населив его греховными страстями. И ты поддался. Идя на поводу Лукавого, ты ушел в мир прелюбодеяния и чревоугодия. Ты заболел душою, умертвил свой ум и закрыл сердце свое для меня. Без

открытого сердца как узришь Ангела-Хранителя? Я не мог достучаться до сердца твоего даже через грубое чувствознание. Ведь всякое прегрешение и всякая страсть умерщвляет ум твой. И тот, кто ест и пьет недостойно, прелюбодействует и сквернословит, тот заслуживает осуждения. Так ты убил свой ум греховными помыслами, уничтожил самое ценное, чем Бог одарил тебя. Так бывает всегда. Заход солнца приводит ночь, уходит Господь из души — и мрак страстей поглощает ее, и мысленные звери разрывают ее на части. Ты вскормил зверей в себе, и они выели душу твою изнутри. И вот ты немощен, осквернен и мертв умом. И это самая ужасная смерть.

— Что же будет со мной? Я погиб?

Он ответил:

— Ты болен, но излечим.

Последнее слово бальзамом легло на душу, и я невольно взмолился:

— Излечи меня.

Я почувствовал в себе его теплую улыбку, и сразу последовал ответ:

— Я бы с радостью, но прежде освободи себя от страстей и грязных помыслов, восстанови в душе Божественное равновесие. Взгляни на себя с высоты этой священной скалы и пойми: ты больной врач! Истинный же врач не может быть больным! Так исцели себя самого! Только в этом твое спасение. Только тогда воскресишь ты душу свою, и из человекообразного зверя перевоплотишься в настоящего Человека! Твое сердце откроется, и в нем взойдет утренняя звезда, неся с собой луч спасения. Призываю тебя, больной врач! Восстань против немощи своей и стань истинным целителем души своей! Это достигается спокойствием. Посмотри на себя, сейчас ты взволнован.

Тут я заметил, что Океан Страсти был чудесным образом разделен на две части: перед Николаем Чудотворцем вода

была гладкая, спокойная, как маленькое безветренное озеро; у моих же ног разбивались грозные волны, а в лицо дул сильный ветер.

Николай Чудотворец светоносно улыбался бескрайним звездам, я же угрюмо варился в собственных помыслах.

Но я чувствовал, что передо мной высшее существо, которое позволяет мне беседовать с ним, и я решился на следующий вопрос:

— Это чудо, что Океан Страсти перед тобой спокоен, а передо мной бушует?

Он отозвался:

— Разве мое спокойствие — это чудо? Это не чудо! Я просто спокоен, потому и в Океане нет волнения. Оглянись и смотри! Волны, которые топили тебя, сам же ты и породил растлением тела и помрачением ума. Утомони свои страсти, прогони низкие помыслы, и живая Океанская вода ответит спокойствием. Так и сердце найдешь, и спасение обретешь.

Я невольно упал перед ним на колени и взмолился:

— Помоги!

— Узри Господа, и помощь придет. Я лишь могу путь показать, — отозвался он.

Он поднялся и пригласил меня в скальную пещеру. Я, дрожа, поплелся за ним. Оказалось, что там горел костер. Николай Чудотворец рукой предложил мне сесть у огня. Я молча повиновался и принялся отогреваться у трескучего огонька.

Потом он сказал:

— Ты прошел долгий путь и вовсе не случайно попал сюда. Тебе удалось перелететь небеса своих помыслов, благодаря дочке тебя приняли в Иртифахан, где ты совершил великое самопожертвование и не побоялся вступить в бой с Черно-Белым Ангелом.

Во мне пробудились воспоминания схватки, и я переспросил с удивлением:

— С Черно-Белым Ангелом? Это разве были не сны? Я думал, что грезил, видя себя Ноем, потом Ротшильдом.

Он отозвался:

— Снов не бывает. Все явь, и ты прошел через многие уровни сложной действительности, чтобы достичь этой пещеры собственного Бытия. Здесь ты можешь найти спасение, однако будь бдительным: здесь же подстерегает тебя и гибель. Бесы будут цепляться за страсти в твоей душе, сражаясь с умом твоим и толкая его на сребролюбие, тщеславие, на плотские удовольствия. Черно-Белый Ангел не оставит тебя. Он будет до последнего сражаться за пленение твоего ума. Не поддавайся! Это путь растления и смерти. Храни свой ум в чистоте, воздерживаясь от грязи. Обрати его на себя, и через себя начнешь восхождение к Господу. Я привел тебя в пещеру души твоей, и отсюда только два пути. Просветление или испепеление. Третьего не дано, и все решится в восходящих лучах Предвечного Света.

Я был растерян:

— Предвечный Свет? Что это?

Он ответил спокойно:

— Его нельзя познать. Можно лишь узреть на рассвете. И тогда он войдет в тебя для просветления и исцеления или испепелит, навсегда отправив твою душу в темницу. Все зависит от тебя! Открой свое сердце до рассвета ипусти туда Предвечный Свет!

— Открытое сердце? Что это такое?

— Это сердце, свободное от помыслов, наполненных страстями. В открытое сердце войдет Предвечный Свет. Но он же и сожжет дотла сердце, покрытое облаками низких помыслов и страстей. Слава Богу, что до рассвета есть время. Но оно быстротечно. Поэтому драгоценно каждое мгновение.

Я спросил:

— Что я успею за одну ночь?

— До рассвета семь тысяч лет.

Это меня крайне удивило:

— Что? Это же целая вечность!

— Такова ночь на скале Аюрведа. У времени здесь иное течение.

— Но я не знаю, с чего начать. Пожалуйста, помоги мне, Николай Чудотворец! Ты ведь мой Ангел-Хранитель!

Он поклонился мне и ответил теплым голосом:

— Да, я твой Ангел-Хранитель. Но путь к Предвечному Свету ты должен найти сам. Это закон Творца. Обуздай свои страсти. Возвысься над печалью и радостью. Стань бесстрастным. Ум твой есть Свет — творение Господа. Разгони же густые облака страстей и помыслов, помрачающих твой ум. Бесстрастием вылечишь все свои недуги. И тогда Предвечный Свет освободит тебя! И умом своим узришь сияние Божьей благодати! Тогда ты воскреснешь.

Он встал и направился к выходу из пещеры.

Я попытался его остановить:

— Николай Чудотворец, ты меня оставляешь?

Он обернулся:

— Да. Я не буду тебе мешать в очищении. Ты все должен сделать сам.

Я понял, что меня охватывает раздражение и повысил голос:

— Но как ты можешь бросить меня здесь одного? Это и есть твоя доброта?

Он улыбнулся мне:

— Не суди, и не судим будешь. Это твоя пещера! Посторонний — только помеха. Лишь в одиночестве найдешь свой путь. Я уже помог. Выудил тебя из Океана Страсти и привел в твою пещеру, но долго находиться здесь я не могу. Это не от меня зависит. Я навещу тебя на рассвете, и надеюсь, что к тому времени ты прогонишь облако помыслов и страстей, покрывающее твое сердце.

Я начал беситься и сказал раздраженно:

— Ну спасибо! Ты поступаешь как настоящий друг! Бросаешь меня среди каменных стен, а я даже представления не имею, что делать и с чего начинать! Как мне бороться и с кем? Здесь кроме нас никого нет! Где мои помыслы? Где мои страсти? О чем ты говоришь? Подскажи хоть что-нибудь!

Теперь он улыбнулся мне с грустью:

— Вырви помыслы свои с корнями. Освободи ум от помрачения! Сокруши сердце глубоким покаянием! С плачем к тебе придет утешение, и сердце твое откроется. Это так прекрасно!

Я был разочарован:

— Ничего тут нет прекрасного! Мне нужны конкретные советы! Что-нибудь по существу!

Он был невозмутим:

— Сокрушения сердца ты достигнешь воздержанием, молчанием и уединением ото всех, плачем и молитвой в темноте. Только не пытайся убивать помыслы. На месте одного появится сотня.

Мое раздражение возросло до предела, и я начал кричать:

— Ты мне не даешь подсказок! Зачем мне эти расплывчатые фразы? Лучше мне было утонуть в Океане Страсти, чем остаться в этой глухой пещере, не понимая, что надо делать. Может, будешь так любезен и подкинешь хоть пару идей о том, где искать эти твои помыслы? Если это моя пещера, то они должны быть здесь? Где они?

Он улыбнулся:

— Помыслы твои действительно здесь. Как и твое раздражение.

— Покажи их! Я их не вижу. Может, они прячутся?

Я начал осматриваться, кинулся в разные углы пещеры, и ничего не найдя там, обернулся к тезке по прозвищу Чудотворец, но...

Его там уже не было.

Он словно растворился в воздухе с дымом от костра. Я выкрикнул в гнев:

— Эй, куда ты исчез?! Фокусник, насмеш...

Но окончить слово я не успел. В пещеру ударила огромная волна из Океана Страсти. Это была волна моего раздражения.

Она хлынула в пещеру, погасила костер, накрыла меня с головой и понесла к выходу. Я понял, что погибну. Если волна утащит меня обратно, меня уже ничего не спасет. Я начал хвататься за камни в пещере, за выступы стен, за песок и за хворост, но ничего не помогало. Вот еще немного, и меня окончательно выплеснет в пучину. И тут я понял, что надо успокоиться, надо уgomониться.

Не суди и не судим будешь...

Я обрел свою пещеру, и этому надо радоваться. Тут вода отхлынула. Я заполз в темный угол, забился среди камней, мокрый и дрожащий. Вокруг меня воцарилась гробовая тишина. Изможденный, я прилег, сжавшись в комок, и закрыл глаза. Перед тем как забыться, я услышал звук внутреннего голоса, который говорил словами Николая Чудотворца:

— Сокрушить помыслы, найти себя, открыть сердце...

Остатки моего раздражения капали с потолка на каменный пол.

Третья глава

ПЕЩЕРА ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫХ ПОМЫСЛОВ

Не знаю, сколько времени я спал и спал ли я вообще. Может, прошел день, может, год или столетие. Как сказал Николай Чудотворец, время тут протекает по иному.

Открыв глаза, я увидел, что в пещере ничего не изменилось. Редкие капли стекали с потолка, Океан Страсти бушевал, огромные волны грозно разбивались о порог пещеры,

а ураганный ветер врывается в нее с невероятной силой. Было зябко и морозно.

Я долго сидел, съезжившись в темном углу, и дрожал от пронизывающего холода. Надеяться было не на кого и, решив разжечь костер, я начал в темноте искать на ощупь щепки. Они попадались, но все были мокрыми. Несмотря на это, я уложил их в кучу посередине пещеры, и только сейчас понял, что нечем поджигать.

Осознав досадную неудачу с костром, я вернулся в свой угол, лег на холодные камни и начал наблюдать за штормом. Несколько раз у меня возникала мысль покинуть пещеру, однако громадные волны унесли бы меня в Океан Страсти сразу с порога. Видимо, я застрял тут надолго.

Так в полной неопределенности шло время. И тут...

Сквозь грохот волн я услышал какой-то шорох в пещере. Я встревожился и вскочил. Звук повторился. Чувствовалось присутствие какой-то твари. Долго, долго наблюдал я за происходящим, а напряжение все возрастало. Наконец я заметил слабое движение и увидел, как из-под камней вылезло мерзкое существо. Я прижался к стене, а тварь медленно подошла и уставилась на меня. Теперь я смог разглядеть, что она чуть больше крупной крысы и походит на ящерицу с крыльями на спине. Это карликовый дракон. Он смотрел на меня осмысленным взглядом, редко моргал глазами и время от времени высовывал змеиный язык.

Не зная, что делать, я спросил:

— Что ты такое?

Он будто понял меня, приоткрыл рот, и из него вырвалось пламя.

Я воскликнул:

— Ух, ты! Так ты и правда миниатюрный дракон. Давай знакомиться. У тебя есть имя?

Он ответил шипением:

— Шшуушшуу...

Это привело меня в восхищение:

— Вот, оно что, значит, ты Шушу?

Он кивнул.

Сложилось ощущение, что Шушу не причинит мне вреда, поэтому я присел перед ним, нагнулся поближе и спросил:

— Отлично, Шушу. Итак, что тебе надо?

Он посмотрел на меня лукавым взглядом, таинственно улыбнулся, потом медленно отошел и приготовился к чему-то.

Я сказал настороженно:

— Ты хочешь показать мне что-то?

Он кивнул, и я подумал: «Ну показывай, я смотрю, делать здесь все равно нечего».

Шушу надулся и испустил разноцветное пламя. Огонь повис посередине пещеры, но не рассеялся, а остался объемным, сферическим горящим пятном в воздухе.

Я воскликнул:

— Ого! Молодец! Вот, оказывается, что ты умеешь!

Повисшее пламя осветило тесную и мокрую пещеру. Я видел лужи в нескольких местах и капли на стенах. Однако огонь не грел.

Я сказал:

— Ну, Шушу, молодец. Может быть, ты мне еще и костер разожжешь? Посмотри, там щепки. Ну-ка, плюнь туда огоньком.

Шушу кинул на меня хитрый взгляд.

— Не хочешь помогать? Что же тебе надо? — спросил я.

Дракончик посмотрел на сферический огонь, и только сейчас я заметил, что пламя принимает форму. В нем появилась большая, красивая тарелка, потом на ней образовался кусок сочного, только что поджаренного мяса с красивым овощным гарниром, и я узнал тот самый клуб-сэндвич. Рядом с ним нарисовался красивый натюрморт с бокалом холодного пива, бутылкой чистой водки, покрытой инеем, и рюмкой. В это же время по всей пещере пролился аппетитный запах жареного мяса, и у меня потекли слюнки. Во мне

возгорелось неудержимое желание все это быстро проглотить. Страсть была настолько острой и режущей, что я почувствовал жгучую боль по всему телу. Гадкий поднос еще и подплыл ко мне, бутылка водки сама наклонилась и наполнила рюмку. Мое желание разыгралось до уровня животного, а неспособность удовлетворить эту первобытную страсть отозвалось нестерпимым мучением. Меня брала дрожь, бросало в жар. Я замахнулся на видение и оно исчезло, хотя боль продолжала колоть еще долго.

Потом опять наступила тьма и молчание, а я упал на камни больной. Мучение длилось, наверное, несколько столетий. Все это время я валялся, скрюченный, на камнях и бился в горячке. Я мечтал умереть, но смерть не приходила. Это был настоящий ад. Потом наступило облегчение. Боль утихла, и вернулась способность мыслить. Я поискал Шушу и, увидев, как он ухмыляется, удобно устроившись в углу, набросился на него со злостью:

— Я сверну тебе шею, мерзкое животное!

Но он оказался проворнее меня, и легко ускользнул за камень. Я безуспешно гнался за ним, пока не понял, что никогда не смогу поймать.

Махнув рукой, я вернулся на свое место и крикнул:

— Не смей больше так!

После этого Шушу долго не появлялся, и мне стало лучше.

Я даже начал думать, все ли с ним в порядке, как вдруг он выполз из своей дырки, но не один, а с подружкой.

Два дракончика исследовали меня своими красными глазами, пошушукались и подползли поближе.

Я сказал им угрюмо и настороженно:

— Чего вам? Больше не смейте плевать своим мерзким пламенем. Оно меня убивает.

Шушу улыбнулся. Кивнул головой, отошел с подругой подальше и начал с ней переговариваться. Тут я понял, что они хитрят.

Я крикнул:

— Не надо! — но они не послушались и одновременно рыгнули огнем.

Я воскликнул:

— Ах вы подлецы!

Но было уже поздно. Их огонь закружился по пещере, осветил стены, принял объем и превратился в реалистичное трехмерное видение. Это был уютный уголок ресторана. Приятный столик, удобные кресла, тихая музыка, изысканные блюда на хорошо сервированном столе. Потом возникла фигура соблазнительной красотки в откровенном вечернем платье. Она медленно присела на диван, наполнила себе бокал, отпила и вызывающе посмотрела на меня, моргнув глазом. Внутри меня хлынул обжигающий гейзер страсти. Я скорчился от невыносимой боли и свалился на камни в судорогах. Желание прикоснуться к женщине превратилось в мучительные ощущения, и обжигающее пространство съело мою сущность изнутри. В порыве ярости я хотел поймав драконов и забить их камнями, но у меня не было сил подняться. Океан Страсти опять разошелся от моего негодования, волна хлынула в пещеру и чуть не смыла меня. Но я удержался, собрался с силами и успокоил себя. Тогда вода отхлынула, и я понял, что погибну, если не отделаюсь от этих гнид. Найдя камень покрупнее, я бросил его в сторону Шушу, но он ловко увернулся, и вместе с подружкой скрылся за камнями. Я рухнул без сил, продолжая стонать от неопысистой боли. Понимая безысходность, я мечтал только об одном — забыться и умереть.

Единственным утешением стала мысль о том, что хуже быть не может. Оказалось, что я ошибался: дракончики размножились и начали вылезать из всех углов, как тараканы. Ими командовал Шушу, указывая, где расположиться, и скоро вся пещера заполнилась ими. Они готовились к своему ужасному делу.

Бороться с ними у меня не было никаких сил. Я только смотрел на них в полном отчаянии.

И вдруг я все понял!

Вот они, мои помыслы, о которых говорил Чудотворец. Они убили мое тело при жизни, и теперь терзают мою душу. Но во всем виноват лишь я! Ведь я позволял им управлять собой! Сам допускал их к себе, чтобы они грызли меня изнутри. Вот они добивают меня теперь.

Если бы я мог их остановить!

Николай Чудотворец наставлял искоренить их, но он не подсказал, как с ними бороться. Тем более сейчас, когда их стало такое множество. Они окружили меня со всех сторон и ухмыляются а их атаман Шушу нагло смотрит мне прямо в глаза.

Я говорю ему:

— Ну вот, теперь ты подрос и привел армию. Ты хочешь убить меня?

Он прошипел в ответ, дал своим товарищам команду, и они рыгнули пламенем одновременно. Огонь завис в воздухе на несколько мгновений, и вдруг пещера наполнилась всевозможными соблазнами. Отовсюду посыпались упаковки с деликатесами, куски мяса, плавающие в жиру, чипсы, шоколадные батончики, банки с кофе. Плавали бутылки с красивыми этикетками и бокалами. Из стен вышли полуголые красавицы, прошествовали мимо меня, покачивая бедрами, как на подиуме во время показа моделей нижнего белья. Под ритмичную музыку они раздевались догола и исчезали в камнях пещеры, оставляя шлейф похоти.

Приехала красивая машина, за которой бежали полуголые девушки с пенистыми губками в руках. Они игриво полировали и без того блестящий автомобиль, изгибались, принимая соблазнительные позы, и томно облизывались. Появился молодой парень, в модной одежде с микрофоном в руке, и начал возбужденно кричать, что если у меня нет

денег на этот автомобиль, то он с радостью отдаст его в долг.

У меня разбежались глаза, возникла мысль пригласить одну из девушек прокатиться на фешенебельной машине, и это отозвалось неопишуемой болью.

Я подумал:

— Надо их искоренить.

Я тихо нащупал камень, поднял и бросил наугад. Камень попал в одного из драконов. Он жалобно запищал, и вместе с ним запищали остальные. Они завертелись передо мной, забегали, но по команде Шушу быстро вернулись в исходную позицию, присели, уставились на меня и опять изрыгнули по огоньку, умножая страстные видения.

В то же самое время из углов появились новые твари и присоединились к собратьям. Их стало намного больше!

Ужас!

Огоньки вспыхивали, превращая пещеру в непрерывную заманчивую рекламу вещей, распаяя неутолимый огонь желаний. По воздуху плавали обставленные квартиры, дорогие напитки, редкая еда, современная техника, модная одежда, табак. Я опять возжелал выпить и покурить, соблазнять и быть соблазненным, покупать и обладать. Вся моя изрезанная сущность начала кровоточить. Я был в ловушке. Что делать? Я же всю жизнь гонялся за кажущимся благом, которое, на самом деле и погубило меня. Эти дракончики — в моей голове. И тут я вспомнил наставление Николая Чудотворца вырвать помыслы с корнями, потом найти себя и, наконец, открыть свое сердце.

Хорошо, их нужно вырвать с корнями, но как? У них никаких корней-то нет!

Забить щели, из которых они появляются? Невозможно! Бить их? Не помогает! Что же делать?

Я был близок к отчаянию, как вдруг откуда-то светом неопишуемой красоты к пещере потянулась колыбельная Аниты:

*Ангел к тебе идет,
Покой с собой несет,
У правого плеча*

*Ложь себе найдет.
Поможет он понять,
Как тебе Свет познать,
Господа осознать,
Лукавого прогнать.*

И эта песня подсказала мне, как быть!

Да!

Только спокойствие ума спасет!

Надо уgomонить свой ум!

Я ухватился за этот прекрасный свет и успокоил мысли.

Боль сразу стихла, и это дало мне надежду.

Через некоторое время я уже мог обратиться к пресмыкающимся помыслам совершенно спокойно.

— Ну здравствуйте, друзья, — сказал я им.

Они все удивленно обернулись. Особенно насторожился Шушу, и я обратился к нему:

— Привет, Шушу! Я вас понимаю, вы увлекаете меня, создавая страсти, но мне не нужны ваши сомнительные радости. Вы — это не я!

Шушу поднял брови, а остальные переглянулись в замешательстве.

— Никуда я вас не буду прогонять, потому что вас не прогонишь.

Они уверенно закивали.

— Но я могу просто существовать без вас.

Дракончики удивились.

— Показывайте, что хотите, а я просто буду наблюдать, без страсти и без желания, и это поможет мне искоренить вас.

Сказав это, я спокойно сел в своем углу и сказал тихо, но твердо:

— Можете развлекать друг друга, потому что у меня свои дела! Я помолюсь и поищу себя.

Сосредоточившись на колыбельной, я приковал все свое внимание к ней, и образы дракончиков немедленно потускнели. Боль во всем теле начала угасать, и я ухватился за появившееся внутри меня умиротворение и замер.

Не знаю, как долго я сидел так, слушая колыбельную. Может пару минут, а может много столетий. Со временем видения помыслов угасли, а дракончикам надоело изрыгать объемную рекламу впустую. Они загрустили, повесили уши и захворали. Потом я увидел, как один из них свалился, жалобно запищал, помучился и умер. За ним умер другой.

Иногда колыбельная звучала тише, и тогда я прислушивался к шуму Океана Страсти, который становился все спокойнее и спокойнее. Шторм угасал от столетия к столетию, а драконы умирали один за другим. Вскоре разлагающиеся трупы моих помыслов начали гнить и вонять, но я не обращал на это внимания и не двигался, ощущая настоящее спокойствие и неопишуемое блаженство. Наконец я понял, что в живых остались лишь жалкий Шушу с подругой. Они еле дышали, с трудом подползали ко мне и тоскливо озирались. Через некоторое время подруга Шушу задрожала, упала и тоже умерла. Я бесстрастно наблюдал, как Шушу смотрел на нее. Потом он заплакал.

Командир моих низких помыслов горько рыдал. Конечно, я его не жалел, но и не радовался его поражению. Он был мне безразличен.

Поняв свою никчемность, он укрылся в камнях. Я о нем забыл и последующие столетия продолжал сидеть в полном безмолвии и спокойствии. Однако вонь гниющих трупов не развеялась. Несколько раз я порывался собрать и выбросить их, но боялся потерять нить колыбельной, за которой следовал все это время.

Однажды совершенно неожиданно я понял, как почистить мою пещеру не двинув и пальцем. Однако для этого мне

надо было потренироваться в управлении эмоциями. Сначала я целенаправленно разволновал себя, а потом сразу успокоил. Потом разволновал себя сильнее и убедился, что могу сразу же успокаиваться. Прodelав такой трюк несколько тысяч раз, я решил, что готов к осуществлению своей идеи и, собравшись с силами, разволновался до предела.

Получилось!

Океан Страсти отреагировал на мое волнение, как я и ожидал.

Далеко, где-то у горизонта, зародилось огромное цунами моей напускной тревоги.

Одинокaя волна вздулась до неба и с ревом направилась к моей пещере.

Я приготовился встретить ее.

Она ворвалась в пещеру, ударила по стенам, зашелестела, зашуршала и откатила назад, унося с собой все гниющие трупы.

Пещера очистилась, а океан опять успокоился. На небе засияли звезды. Многие годы я завороженно смотрел на них, а потом обратился к своей очищенной пещере и удивился: она так прекрасно блестела под звездами и доставляла неописуемое блаженство.

Я почувствовал свободу от мыслей, а звезды сияли все ярче, и тут я заметил, что в одном из глубоких закоулков моей пещеры есть ход в глубину скалы.

Это было очень неожиданно!

Я встрепенулcя, долго не мог прийти в себя и годами разглядывал свод подземного туннеля, теряясь в догадках.

Что это?

Четвертая глава

ТЕМНЫЙ ХОД К СВОЕЙ ДУШЕ

Прошло много времени, прежде чем я решился встать и подойти к темному отверстию. Из глубины прохода на

меня повеяло прохладной тайной. Это меня испугало. Я не решился даже заглянуть, присел рядом. Там я сидел несколько столетий и набирался духу. Наконец я почувствовал в себе силу и смелость и вошел.

Внутри меня окружила густая, тяжелая тьма, она проникла в душу и породила внутреннюю тревогу. Раньше я выскочил бы как пробка, но теперь я был другим и, несмотря на усиливающееся чувство беспокойства, начал продвигаться на ощупь.

В первый раз я сделал несколько шагов, но волнение быстро переросло в жуткое чувство паники. Проход вытолкнул меня, и я понял, что в следующий раз надо чем-то осветить путь.

Звезды мерцали лишь снаружи пещеры, а мне был нужен луч света, который можно было бы пронести с собой внутрь. Где его достать? Другого источника света, кроме звезд, не было. Я не мог разжечь даже костер.

К следующей попытке войти я готовился еще несколько столетий подряд. Внушал себе, что хуже нападения помыслов со мной ничего не будет, представлял себя смело шагающим во тьме пещеры, пытался увидеть свет в конце туннеля и наконец решился на новую попытку. Однако не прошел и трех шагов, как тревога ударила меня молнией, проход вытолкнул меня, и я сел в отчаянии.

Несмотря ни на что, я верил, что рано или поздно найду решение, и действительно, через некоторое время ответ в буквальном смысле пришел сам. Точнее, он вылез из-под камня и еле дополз до меня.

— Шушу! Ты еще жив? — воскликнул я.

Он посмотрел на меня жалостливым, утасающим взглядом и еле заметно кивнул.

— Это чудо! Я думал, что ты давно скончался и твой труп смыло волной, — сказал я.

Шушу заплакал. Он умирал, однако ему хотелось еще пожить. Тут я понял, как осветить себе проход. От неожидан-

ного озарения я даже подскочил, напугав Шушу, который сразу же забился в угол.

— Не бойся, Шушу, ты выполз ко мне очень кстати. Я знаю, как спасти тебе жизнь, но ты должен мне помочь, — сказал я.

В его глазах мелькнула искра надежды.

Я спросил:

— Ты еще способен извергать пламя?

Он уныло пожал плечами.

Я приказал:

— Пробуй! Давай! Плюнь огоньком. Покажи, на что ты способен!

Шушу отошел подальше, надулся и выпустил тусклый огонек. Вялое пламя повисло в воздухе на короткое время и потухло, оставив лишь еле заметное свечение. Я посчитал, что этого будет достаточно, и сказал:

— Отлично! Теперь слушай. Ты пойдешь со мной в этот проход. Там непроглядная тьма. Ты будешь идти рядом и освещать мне путь своим пламенем.

Шушу с тревогой смотрел на ход и дрожал от страха.

Я его успокоил:

— Там страшно, и это единственный путь твоего спасения и моего тоже. Либо ты идешь со мной, освещаешь мне путь и живешь, либо остаешься здесь и умираешь, как все твои друзья. Выбирай.

Смерти Шушу боялся больше. Он растерянно поморгал глазками и наконец кивнул в знак согласия.

Я обрадовался:

— Отлично! Идем немедленно!

Теперь у меня был свой укрощенный помысел, который сослужит мне добрую службу.

Мы вошли. Шушу извергнул пламя, тяжелая тьма сразу отступила, и я увидел, что ход ведет глубоко под землю. Мы начали спускаться. Идти по неровным и большим камням было трудно, тем более что местами проход так сужался, что

мне приходилось ползти. Слава Богу, потом коридор становился шире, и я мог идти в полный рост. Иногда мы выходили в просторные залы внутренних пещер. Шушу освещал их, и я видел высокие сводчатые потолки, сталактиты фантастически причудливых форм, красочные камни, прекрасные маленькие озера.

Чем глубже я шел, тем большее умиротворение чувствовал, а останавливался лишь потому, что уставал Шушу. Так шли мы много дней, или недель, или лет. Потом Шушу начал выдыхаться, и его огонь освещал наш путь все слабее.

В некоторых местах нужно было выбирать направление. Я пытался слушать внутренний голос. Несколько раз он меня подводил, и мы попадали в тупик.

Что делать, мы возвращались и продолжали свой путь в правильном направлении.

Шли, пробирались, ползли.

Наконец ход привел нас в огромный, просторный зал с высоким потолком, красивым озером посередине и множеством закоулков с разноцветными камнями. Отсюда выхода уже не было. Я решил присесть и отдохнуть. Я чувствовал здесь полное умиротворение, неописуемое спокойствие и счастье без всяких причин.

Наверное, это и есть высочайшее блаженство.

Меня даже не огорчило то, что Шушу стало совсем плохо. Он перестал бросать огоньки, забился в угол, закрыл глаза и тихо умер.

Меня не испугало даже то, что я остался наедине с собой, в полной тьме и могильной тишине.

Даже наоборот: здесь я почувствовал свое единство с высочайшей сутью всего.

Вероятно, это и есть мой счастливый конец?

Что мне еще предстоит найти?

Что же я искал на самом деле?

Куда я лез по этим темным проходам?

Как сказал Николай Чудотворец, после искоренения помыслов я должен найти себя...

Ну вот.

Последний из моих помыслов только что покинул меня навсегда.

Возможно, это и есть их искоренение. Хоть корней у них я так и не нашел.

Теперь мне надо найти себя.

Не ирония ли бытия в том, что я всю жизнь прожил в полной уверенности, что мое «Я» всегда со мной? После смерти иллюзия рассеялась, и я даже не могу себе представить, как выглядит мое настоящее «Я».

Вдруг передо мной само собой вспыхнуло видение: пробежал мальчишка. Он звонко смеялся и играл с щенком. Они бегали по двору, веселились, радовались жизни. Стоял прекрасный солнечный день, и вся природа излучала счастье.

Мальчик сильно походил на меня, а деревенский дворик с щенком — на мое детство. Как это было давно! Эта действительность исчезла! Осталась лишь вспышка цветного видения, как повторяющийся кадр кинофильма. Моего «Я» там точно нет. Я не этот мальчик.

Тут видение изменилось. Дворик превратился в университетскую аудиторию, где молодой человек сидел на лекции. Он там присутствовал, но занятие заботило его меньше всего. Он думал о предстоящей вечеринке с девушками. Я узнал и нашу аудиторию, и лектора, и... Да, я был тем молодым человеком! Но и эта действительность тоже превратилась в пепел, который давно развеялся по ветру.

Ветерок сменил видение на новое. Покой реанимации. Вот я лежу, как меня и оставили с трубкой аппарата искусственного дыхания во рту, с множеством подсоединенных датчиков, и капельницей в вене. Разве это я? Неужели я превратился в этот полуживой труп, который давно нужно было похоронить, вместо того, чтобы поддерживать его

никому не нужные жизненные функции? Какой глупый термин!

Жизнь или есть, или ее нет, и никакие функции здесь не нужны!

Я отказываюсь быть этим умирающим туловищем, от которого уже веетдохлятиной. Я не он!

И тут я увидел Аниту. Она продолжала самозабвенно петь для меня колыбельную молитву. Песня шла от ее сердца и тянулась к пещерным глубинам моей души.

Я вслушался в слова:

*Лежи спокойно, спи,
О жизни не грусти,
Трижды перекрестись,
Господь тебя хранит.*

*Ангел к тебе идет,
Покой с собой несет,
У правого плеча
Ложь себе найдет.*

*Поможет он понять,
Как тебе Свет познать,
Господа осознать,
Лукавого прогнать.*

Я разрыдался. Слезы лились из меня потоком. Я дрожал, стонал, ревел, издавал вой и вопли. Колыбельная Аниты проникала все глубже, и я бился в рыданиях все сильнее, пока не повалился на холодные камни.

Я плакал, и слезы очищения лились рекой, соединяясь со спокойным озером этого подземного зала моего покаяния.

Мой плач длился много дней. Может быть, даже лет.

Вдруг с потолка начало капать.

Капля. Другая, третья...

И келья заплакала вместе со мной. На всем бескрайнем свете остался лишь рыдающий «Я», соединенный с молитвой моей дочки.

Откуда ни возьмись, на звуки музыкальной молитвы прилетел мерцающий Светлячок и осветил келью.

* * *

Я долго смотрел на него заворуженно сквозь слезы.

Бледно-фиолетовое мерцание переходило то в бледно-синее, то в бледно-красноватое.

Светлячок был размером с ноготь, и мерцал прямо передо мной. Он даже излучал тепло, которое согрело меня, и плач прошел. Я вытер слезы и долго смотрел на Светлячка с улыбкой.

Потом решил с ним поздороваться:

— Привет.

Он мне ответил пением.

Голос у него был звонким и завораживающим. Я невольно улыбнулся.

— Ты прекрасен.

От этих слов он засиял ярче и запел еще красивее.

И тут я понял, что он не поет. Это была не песня! Это была молитва.

Кем же мог быть этот прекрасный Светлячок? Как он появился в этой глухой пещере моего подсознания?

— Неужели я нашел себя?

Услышав это, Светлячок засиял еще ярче. Его свет уже озарял каждый камень кельи.

— Вот, оказывается, кого я искал в темных закоулках своей души! Это и есть моя душа?

Светлячок засиял и песней осветил выход, который я никогда не заметил бы без его света. Я возрадовался, и от моей радости свет стал еще ярче!

Я медленно встал, пристально наблюдая за Светлячком, и сделал шаг к появившемуся выходу.

— Пойдешь со мной? — спросил я его.
Он подлетел и последовал.
Он летит за мной!
Или направляет?
Я шагнул в проход и вышел к берегу Океана Страсти.
О чудо!
Волны Океана были спокойны и ласковы.
Тут я вспомнил слова Николая Чудотворца:
«Это не чудо! Я просто спокоен».
Чудо — это Светлячок, искра Творца во мне.

Пятая глава

РАССВЕТ

Я стоял на берегу.

Спокойные волны Океана Страсти ласкали песок у моих ног. Я уже не боялся этой стихии, ибо она была спокойна вместе со мной. Я вошел в воду и поплыл, освещаемый сиянием звезд. Но ярче всех светил мне Светлячок, летевший рядом. Скоро я понял, что плыть мне не нужно: вода сама меня поддерживала, и легкое, теплое течение направляло меня туда, куда я хотел.

«К берегу» — подумал я, и мое желание было немедленно выполнено.

Я присел на камень и затих. Так и сидел со своим молящимся Светлячком в предрассветной тиши, пока не почувствовал улыбку в глубине своей души. Это была восхитительная, возвышенная, теплая улыбка!

Я медленно обернулся и у правого плеча увидел Николая Чудотворца.

Раньше я бы подскочил от радости, кинулся бы к нему в ноги, начал бы восхищаться. Но это было в прошлом. В безвозвратном прошлом. Сейчас я лишь улыбнулся ему в ответ всем своим сердцем, а мой Светлячок засиял и напра-

вился к Николаю Чудотворцу. Теперь я заметил, что у него тоже есть Светлячок, но больше и красивее моего. Наши Светлячки прикоснулись друг к другу, запорхали в совместной молитве, и их песня стала еще прекраснее.

Я залюбовался ими и подумал:

— Как красиво! У тебя свой Светлячок! Почему я его раньше не увидел?

Он ответил мыслью во мне:

— Ты и собственного не видел. Но сейчас ты прозреваешь. Поздравляю! Ты искоренил помыслы и даже нашел себя. Признаюсь, меня одолевали сомнения, но ты справился. Мне понравилась твоя находчивость: использовать помыслы для освещения глубин души. Ты нашел своего Светлячка, и это великое дело, но главное испытание у тебя впереди — обратить лицо свое к предвечному Свету. Это нелегко, и многие испепеляются, но ты боролся с Черно-Белым Ангелом, и эта борьба тебя закалила.

Тут я вспомнил про Черно-Белого Ангела и сразу почувствовал его ехидную ухмылку внутри себя. Он близко? Я ощущал его у своего левого плеча. Я медленно обернулся и увидел, что он именно там, недалеко от Николая Чудотворца, в обличии огромного помысла. Он выглядел как большой Шушу, лукаво улыбнулся, и я почувствовал его мысли в себе:

«Да, да! Именно я порождаю все ваши удовольствия! Целую вечность только этим и занимаюсь. Изобретаю для вас все новые и новые изоощренные радости жизни и тела. И что получаю взамен? Лишь порицания и постоянные призывы борьбы против меня. Я с этим не согласен! Бог несправедлив!»

Раньше я бы рассердился на него. Скорее всего, припомнил бы ему все его грехи, все то мучение, которое он доставил мне, и набросился бы на Сатану в попытке задушить, убить, уничтожить. Но сейчас я был совершенно другим. На

его попытки вызвать во мне негодование и втянуть в свою игру я ответил светлой улыбкой, а Николай Чудотворец сказал:

— Это вечная борьба. Победить его невозможно.

Черно-Белый Ангел ухмыльнулся и вдруг выпустил перед нами струю пламени. Огромная сфера огня повисла перед нами, и в ней начали появляться смутные очертания бочек с вином Ноя, сундуков с золотом Ротшильда, банковских карт с богатством Кэтчера. Однако сейчас они меня вовсе не беспокоили. Я понял, что нужно делать. То же самое решил проделать и Николай Чудотворец. Мы одновременно напрыглись и напускным волнением создали два огромных вала. Вода поднялась, навалилась на сферический огонь, с шипением затушила его и поглотила пепел.

Черно-Белый Ангел недовольно помотал головой, поморщился и сказал ехидничая:

— Создайте пожарную команду философов. А я посмотрю, кто победит на финише! Засиделся тут. И без вас много дел! Тем более что скоро восход, а дневной свет мне не по душе. Продолжайте заседание без меня.

Ящер развернулся, нырнул под камни и исчез в глубокой норе.

Николай Чудотворец сказал:

— Он прав, скоро восход. И тебе предстоит главное испытание. Встреча лицом к лицу с Предвечным Светом.

Я ответил:

— Я готов, и даже помню, что мне надо открыть сердце.

— Да! И час настает! Следуй за мной. Мы поднимемся на вершину скалы. Оттуда открывается самый прекрасный вид.

Николай Чудотворец повернулся и быстрым шагом пошел вверх по скалистой тропинке. Я еле успевал за ним. Наши Светлячки мерцали впереди нас. Восхождение было стремительным. За считанные секунды мы преодолели гигантский подъем и оказались на вершине скалы, где собрались сотни, тысячи, миллионы таких же, как мы.

Все пространство было заполнено душами. У всех были Светлячки. Стояла возвышенная тишина. И в ней была великая вибрация единой молитвы миллионов Светлячков и их мерцание. Получается, что здесь два неба. Верхнее — со звездами и нижнее — со Светлячками. Единая молитва возносилась, соединяясь с восходом Солнца Предвечного Света. За вораживающий диск светила медленно поднимался над совершенно спокойным Океаном Страсти. Лучи его достигли вершины скалы, и все Светлячки одновременно потянулись к нему. Неопиcуемая по воздействию вибрация, производимая всеобщей молитвой, усилилась еще больше. Упавший на меня луч Предвечного Света ослепил и захватил меня.

* * *

Я очнулся в саду среди благоухающих роз. Услышал пение соловья и увидел ягненка, который мирно щипал свежую траву. Передо мной находилась красивая часовня, и дверь приоткрылась сама, как бы приглашая меня. Я сделал шаг и очутился внутри. Приятное благоухание окружило меня. У алтаря сидел Архангел в белом одеянии. Я упал перед ним на колени, смотреть на него мне было трудно.

Он чувствует меня. И вместе со мной он чувствует всю Вселенную. Конечно, он знает обо мне все! Даже то, что мне самому неизвестно: кем я был, во что превратился и кем еще буду. Он знал это всегда. Ведь это его Светом горит мой маленький Светлячок. Я не посмел обратиться к нему и начал молиться.

Архангел сам повернул ко мне голову, и я почувствовал, что мое сердце наполняется Светом. Я и не думаю сопротивляться, наоборот, отдаюсь ему, и мой Светлячок рад.

И Архангел заговорил со мной образами, сказав:

— Ты прошел долгий путь. Родился мыслью. Творил миры у вершины Золотой Пирамиды. Окунулся в собственное

Бытие. Пал в чувственность древних рас, потопа Ноя, алчности Ротшильдов. Ты был в плену низких помыслов, но одолел их, нашел Себя, нашел путь ко мне. Сейчас ты чувствуешь Вселенную вместе со мной. Увидь же Землю в цепких щупальцах ненасытного спрута — Ангела Черно-Белого. И держи это понимание в себе. Не отпускай. Ибо все — часть тебя. Ибо ты есть часть всего. Ибо все есть Любовь. Ибо Любовь есть движение. Помолимся вместе.

Он запел, и Вселенная запела вместе с Ним, и я со Светлячком:

*Лежи спокойно, спи,
О жизни не грусти,
Трижды перекрестись,
Господь тебя хранит.*

*Ангел к тебе идет,
Покой с собой несет,
У правого плеча
Ложке себе найдет.*

*Поможет он понять,
Как тебе Свет познать,
Господа осознать,
Лукавого прогнать.*

Наступило полное Безмолвие. У меня на глазах выступили слезы.

— Желай, дабы было исполнено, — приказал Архангел.

Я ответил не раздумывая:

— Хочу остаться здесь.

Он улыбается:

— Желание хорошее. Принимаю его, но с оговоркой: будет оно исполнено, но позже. До этого тебе надо вернуться ради миссии.

— Я готов.

— Готовность — тоже хорошо.

— В чем же миссия?

— Ты оказался настолько смел, что вступил в борьбу с павшим Черно-Белым Ангелом. Тебе его не победить, но ты можешь рассказать людям о своей борьбе, и да вдохновит других твой пример. Для этого я сохраню за тобой память. Ты будешь помнить все свои взлеты и падения. Ты прозреваешь. Так отправляйся на Землю и разбуди других! И это будет твоей личной победой.

Я ответил:

— Я готов ко всему.

Он сказал:

— Благословляю, и в путь.

Я обернулся, чтобы выйти, но позволил себе задержаться.

Архангел будто ждал этого.

— Хочешь пожелать что-то еще?

Я склонил голову и сказал:

— Да.

Он улыбнулся:

— Желай!

Я обдумал свою мысль и сказал:

— Я знаю одного человека, который может рассказывать лучше, чем я.

— Это не желание. Пожелай еще раз.

— Я хочу, чтобы вместе со мной было позволено отправиться на Землю и Антуану. Он, несомненно, лучший рассказчик, и поможет мне описать все.

— Желание хорошее. Принимаю его. Но с оговоркой.

— Я готов.

— Пусть отправляется вместе с тобой, но расскажет о своем.

У него осталось много недосказанного.

Я смиренно опустил голову, мой Светлячок запел, и я закрыл глаза.

Шестая глава ВОЗВРАЩЕНИЕ

Было ощущение, что я спал. Может, просто дремал, а возможно, всего лишь моргнул.

Очнулся на огромной поляне, под безоблачным небом, среди аромата трав и цветов.

Вдруг прозвучал, как родной, знакомый голос:

— А вот увидеть тебя снова живым я никак не ожидал.

Я вскочил и обернулся. Кто это передо мной?

— Антуан!

Он сказал, улыбаясь:

— Вижу, путешествие пошло тебе на пользу. Ноги и руки как свежие!

Я ответил:

— Дорогой Антуан, с твоей помощью и благодаря молитвам Аниты я выздоравливаю. Даже не помню о боли.

— Как я рад за тебя! Смотри, какое спокойствие ты источаешь! Ни облачка, ни ветра. Что это у тебя? Покажи.

Я только сейчас заметил, что держу в руках какие-то бумажки. Пожав плечи, я передал их Антуану. Он раскрыл, взглянул и подпрыгнул от радости:

— У тебя два билета на планету Земля! Ух ты! Одно на мое имя! Да ты, парень, настоящий герой! Как ты такое раздобыл? Никогда не знаешь, чего ждать от людей! Человек — великое чудо природы!

Я сказал:

— Спасибо! А ты починил самолет? На чем полетим?

Антуан рассмеялся:

— После тебя я падал десять раз. Десять раз моя птичка восставала из пепла, как Феникс. Сейчас она в десять раз

сильнее. Возможно, она готовилась именно к этому последнему полету на Землю. Смотри, вот моя гордость — Кодрон-Симун шестьсот тридцатый, усовершенствованный. Один мотор с дополнительной мощностью и целых шестьсот лошадиных сил. Стальные лонжероны с крепежами. Летает с невообразимой скоростью — шестьсот километров в час.

Я посмотрел на его прекрасный самолет, который стоял недалеко от нас на поляне и сказал:

— Браво, Антуан! Прекрасно! Так давай полетим?

— Полетим!

Я оглянулся на своего Светлячка. Он, конечно, был рядом, тихо продолжая петь молитву.

— Антуан, ты ничего не замечаешь около меня? — поинтересовался я.

Он удивился:

— Что я должен заметить?

Он не видел моего Светлячка. И только сейчас я понял, что у Антуана еще нет освобожденного Светлячка. Ему еще предстоит найти себя и разбудить свою душу.

Внезапно мне захотелось все рассказать ему о Светлячках: как они просыпаются, как поют молитву, как устремляются друг к другу и как летят к Предвечному Свету. Но я решил, что Антуану пока рано об этом знать. Он сам должен пройти свой путь. Ему сейчас не до этого, он горит желанием полететь на Землю!

— Давай быстрее, залезай в самолет и надень мыслерацию.

Мотор зажужжал.

Мы свободно взлетели, без тряски, без ветра и понеслись на крыльях счастья по небесной голубизне моей легкости.

Мои мысли и ощущения были совершенно спокойными, и таким же было небо. Я вспомнил о грозовых тучах моего багажа, о бурях и молниях своих страстей и подумал: «Каким я был тогда жалким!»

Антуан услышал мои мысли и сказал:

— Ты сильно подрос! Я горжусь тобой! Молодец!

Я же подумал:

— Антуан, ты знаешь дорогу на Землю?

— Нет, к сожалению. Туда я никогда не летал. Однако знаю, что нам нужно все время взлетать. Не исключено, что мы улетим в глубину космоса. Там разберемся. У нас же есть билеты.

Мы все летели и летели. Скоро исчезли под нами поля, уплыли вдаль леса и моря. Прекрасная планета под нами превратилась в быстро уменьшающийся голубой шар.

Антуан восхищался:

— Bravo, Николай! Ты совершил чудо! Ты сейчас легче воздуха! Вот почему мы улетаем так далеко! Ты полностью преобразился!

Потом атмосфера заблестела под нами голубым океаном. Города зажглись, как маленькие лампочки на елочке, и я увидел Луну. Она плавала по земной атмосфере, опускалась в нее и терялась в синеве. Теперь наш полет ускорился. Летели мы прямо над северным сиянием, которое переливалось зеленоватым светом, создавая узоры неопишуемой красоты. Наконец мы вырвались в галактическое безмолвие, и вся солнечная система превратилась в пылинку.

Я вспомнил, что эту картину описал мне Антуан в далеком прошлом, когда мы ехали на такси в его снах. Это было столетия назад.

Антуан отозвался мысленно:

— Я помню этот сон.

Потом появилось какое-то дрожание.

Я начал думать о том, что же будет, когда мы вернемся на Землю.

Наверное, я очнусь в своем теле. Как же Антуан?

На эту мысль он ответил:

— Дорогой Николай, я буду в твоих надежных руках.

Самолет задрожал сильнее.

Мы летели в космосе, но я ничего не боялся, только поинтересовался:

— Что же будет дальше?

— Надеюсь, мы скоро это узнаем, — ответил Антуан.

Пространство вибрировало не только вокруг, но и в нас. Заложило уши, разболелась голова.

Вдруг мы врезались в огненную желтизну, возникшую перед нами из вакуумной пустоты.

Я понял, что проваливаюсь куда-то.

Уже издалека я услышал обрывающуюся мысль Антуана:

— Ты прибываешь... Я буду ждать твоей помощи... Спасибо, что выбрал мою авиакомпанию... Летай со мной...

Меня выбросило в пропасть.

Падение было стремительным.

Я не мог пошевелить даже пальцем и не мог открыть глаза, чтобы увидеть, что происходит вокруг. В ушах стоял ужасный свист, который потом начал заглушаться приближающимся звуком молитвенного песнопения:

*Лежи спокойно, спи,
О жизни не грусти,
Трижды перекрестись,
Господь тебя хранит.*

*Ангел к тебе идет,
Покой с собой несет,
У правого плеча
Ложь себе найдет.*

*Поможет он понять,
Как тебе Свет познать,
Господа осознать,
Лукавого прогнать.*

Я почувствовал, как мой Светлячок потянулся к этой молитве и соединился с ней.

Потом я услышал тот же звук совсем по-иному. Он звучал приглушенно и сопровождался писком медицинской аппаратуры в палате реанимации.

Я почувствовал свое тело.

Попытался приоткрыть веки и, к моему удивлению, они сразу подчинились. Я увидел тусклый свет одинокой лампочки под белым потолком и попытался пошевелить пальцем руки.

Это тоже легко далось.

Потом подвигал пальцами ног. Все работает, будто проблем не было. Тут я почувствовал жуткую трубку аппарата искусственного дыхания в себе. Какой кошмар. Я решил достать ее сам, хотя и понимал, что это опасно.

Внутренний голос подсказал: «Ничего страшного!»

Я медленно потянул за трубку, выудил ее из себя и отбросил в сторону. К горлу подступил кашель, я харкал какой-то гадостью и вдохнул. Потом медленный выдох. Еще вдох. Все! Я дышу самостоятельно.

Теперь вена. Я осторожно достал шприц от капельницы, и он повис в воздухе. Тут я схватился за череп, испугавшись, что скальп не на мне, но с головой все было в порядке. Кайлаш Кейв закрыл скальп, посчитав меня готовым трупом. Но я ожил.

И рядом мой Светлячок!

Вдруг я встретился с восторженным взглядом Аниты. Она молча наблюдала за мной и тихо плакала. Я тоже заплакал и обнял ее.

— Доченька! Ты меня вылечила колыбельной молитвой.

Приборы пищали. Мы плакали. Слезы радости, покаяния и любви текли из меня рекой. Рядом с нами тяжело вздыхал аппарат искусственного дыхания, работая вхолостую.

Анита сказала тихо:

— Я тебя ждала!

Я ответил:

— Я пришел к тебе и к твоей маме. У меня сюрприз: Антуан тоже в пути.

Девочка вскрикнула от радости:

— Ура! Как прекрасно! Ты достал ему билет на Землю?

— Да.

Анита хлопнула в ладошки:

— Мы скоро его увидим!

Из коридора послышались звуки приближающихся шагов. Потом щелкнула дверь, и в покой реанимации закатили носилки с бесчувственным телом. За носилками следовали директор Нана и Майя.

Нана сердилась:

— Майя, ты меня ставишь в тяжелое положение. Что мне делать с этим человеком без документов, без родных и близких?

Майя ответила строго:

— А что делать мне? Мы приехали по вызову случайного прохожего. Он лежал на улице. Мы его реанимировали. Нет документов, мобильного, бумажника, нет даже мелочи. В кармане только вот эта потрепанная, пожелтевшая бумажка и старинный компас. Что же нам было делать? Сейчас это ваш пациент.

Нана нервничала:

— Без удостоверения личности я не могу оформить даже пятидневную страховку. Лечить его я не могу!

— Оформляйте его как пациента без определенного места жительства.

— У меня частная клиника. У нас это не предусмотрено. Поэтому его надо было везти в пятую государственную.

— Пятая в часе езды. Он бы не дотянул до нее живым. Вызывайте полицию, возьмут отпечатки пальцев, найдут его семью.

Тем временем я сумел разглядеть бесчувственное лицо больного и воскликнул:

— Это он!

Анита отозвалась:

— Антуан!

Нана продолжала по инерции:

— Кто он? Откуда вы его знаете...

Обернувшись, и увидев меня сидящим на кровати в обнимку с Анитой, Нана запнулась на полуслове и икнула. Майя посмотрела на мою израненную голову, открыла рот, чтобы что-то сказать, но, поперхнувшись, замолчала.

Не ожидая, пока они очухаются, я сказал:

— Привет. Я тоже рад видеть вас здоровыми!

Нана присела. Майя глотала слова и часто моргала. Я же понимал, что сейчас самое время спасти Антуана. Сам по себе возник и план действия!

Я сказал им:

— У меня есть простое решение проблемы этого незнакомца.

Нана икнула, Майя моргнула, и я продолжил:

— Видите, я вылечился. Мне больше не нужно лежать здесь! Вы оставите этого парня по моим документам и по моей страховке, а я уеду на карете скорой помощи Майи. Там санитарки натренированы в сохранении тайн, и все будут рады.

Нана ухватила за аппарат искусственного дыхания и потребовала неизвестно у кого:

— Воду мне... Хик...

Это вызвало звонкий смех Аниты.

Осмысленная речь вернулась к Майе:

— Ну, Николай! Позавчера я тебя не смогла откачать, потом мне сказали, что ты практически умер, тебе череп закрыли. А сейчас вот сидишь и говоришь как ни в чем не бывало, с этими проволоками в голове.

Я ответил:

— Меня обсудим позже. Сначала будем действовать. Помогите, и все получится.

Я вскочил, мы взяли за Антуана, переложили его на мою койку, и тут в покой реанимации вошел Кайлаш Кейв. Он резко сделал несколько шагов в мою сторону, но споткнулся и вскрикнул:

— Май год! Хи из ап?

Потом он понял, что я помогаю Нане и Майе справиться с больным, и застыл с отвешенной челюстью.

Я сказал ему:

— Ю шуд нот хев кат май скаल्प. Ай воз шаутинг, бат ю дид нот листен. Некст тайм листен то ер пейшентс.

Он дернулся, чтобы ответить и громко заговорил на своем родном языке каннада, широко размахивая при этом руками:

— Нану дедда дура-шизо... Педайялю тюк-тюх френик...

Потом он резко развернулся и выскочил в дверь. Нана махнула в сторону исчезнувшего индуса и икнула. Анита налила ей в стакан воды, но Нана была не в состоянии выпить, поэтому я плеснул воду ей в лицо. Это развеселило Аниту, а Нана пришла в себя, нервно задергала головой и сказала:

— Николай... Хик... Что это, хик, со мной? Неужели ты сам? Боже... Хик...

Я сказал твердо:

— Продолжаем. Помогите мне! Эта клиника принадлежит мне, и я могу распоряжаться. Делайте, что скажу!

Они молча кивнули. Мы быстро уложили Антуана на мою койку. Я проверил его пульс, зрачки, язык и понял, что с ним все в порядке. Он просто крепко спал. Тогда я приказал Нане:

— Ему ничего не давать! Никаких пилюль и никаких инъекций! Пусть отоспится.

Потом я лег на носилки и скомандовал.

— Майя, вывози меня отсюда! Подмену, конечно, красавицы заметят, но с ними поговорит Нана. При необходимости Кайлаша Кейва возьму на себя. Все остальные вопросы будем решать в рабочем порядке по мере их возникновения. Анита, идем за нами!

Анита захлопала в ладоши:

— Ура! Мы уезжаем!

На прощание я обратился к Нане:

— Спасибо, дорогая, ты мужественная женщина и прекрасный врач.

Она икнула в ответ, а я накрылся простыней, чтобы в коридоре меня не видели, и скоро мы уже ехали в машине.

Майя спросила:

— Куда прикажешь тебя доставить?

— В мой загородный дом, а по дороге заедем за Ией.

Майя кивнула:

— Хорошо, как прикажешь. А что передать Софи? Или ты сам ей позвонишь?

Позавчера я, конечно, взорвался бы. Мои эмоции начали бы съедать меня изнутри, но сейчас я лишь приветливо улыбнулся:

— Передай, что я от всего сердца желаю ей счастья с Кэтчером.

Майя кашлянула от неожиданности.

— Откуда ты знаешь?

Я ответил:

— Расскажу в другой раз.

Скоро мы остановились у подъезда Ии.

Я сказал Аните:

— Дорогая, подожди меня здесь.

Она нахмурилась:

— Я хочу с тобой!

Я ответил:

— Я тоже хочу быть с тобой и обещаю, что буду всегда. Но сейчас дай мне две минуты, чтобы я переговорил с твоей мамой и привел ее сюда.

Анита понимающе кивнула и сказала:

— Ты хочешь извиниться перед ней?

Я ответил:

— Да, я хочу сделать именно это.

Анита сказала:

— Хорошо, папа.

Услышав это, Майя не сдержалась:

— Когда же ты успел стать папой?

Я не ответил ей и вышел из машины. Светлячок последовал за мной.

Дверь квартиры была не заперта. Я нашел ее в гостиной. Она сидела в углу перед иконами и молча молилась. Но я услышал ее молитву без слов. Мой Светлячок запел в такт, и я увидел рядом с Ией второго Светлячка. Он мерцал гораздо слабее моего, но он БЫЛ — освобожденный Светлячок Ии. Наши Светлячки подлетели друг к другу, слились в единое сияние и осветили всю комнату так, что свечка на столике замерцала.

Ия вздрогнула и медленно обернулась.

Она долго смотрела на меня, но на ее лице не было признаков волнения.

— Все хорошо. Я вылечил Аниту. Наша дочка ждет нас внизу, у подъезда, — сказал я ей.

Слезинки появились в ее глазах, она медленно приблизилась и обняла меня.

— Это чудо! Ты чудотворец!

Она многое понимала и без слов. Ия даже оглядывалась несколько раз на наших Светлячков. Она их чувствовала.

Я спросил:

— Почему ты мне не сказала раньше, что Анита — моя дочь?

Она ответила тихо:

— Я пыталась, но ты тогда был не готов... С ней правда все хорошо?

— Она ждет нас в машине у подъезда.

Ия подняла на меня свои зеленые глаза, полные сверкающих как жемчужины слез и сказала:

— Я долго ждала тебя.

Я ответил:

— Я тоже, только я об этом не знал.

Светлячки запели громче.

Потом я сказал:

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Выйдешь за меня замуж?

Она ничего не ответила. Постояла в молчании и спросила:

— Собрать чемодан?

Я ответил:

— Нет. Не нужны старые чемоданы. Начнем новую жизнь с чистого листа.

Она кивнула и смахнула слезу.

* * *

Так мы и приехали в мой загородный дом. Как давно я здесь не был! Я и забыл, какое благодатное спокойствие здесь царило. Мы осмотрели дом и большой двор. Посидели у ручейка, который протекает прямо около забора.

Ия собрала крапиву и приготовила чудесный ужин.

Тут я вспомнил, что последний раз перекусил гамбургером с «Кай-Тай-Фуном». По сравнению с этим вареная дикая крапива и родниковая вода были божественной трапезой.

Потом мы нашли старые карандаши, бумагу, и Анита нарисовала драматическую картину падающего в молниях самолета.

Ночью нам пели сверчки, Ия с Анитой пошли спать, я их поцеловал и пожелал спокойной ночи.

Анита долго обнимала меня и перед тем, как отпустить, сказала:

— Я говорила маме, что не хочу в школу, а хочу папу найти. Она плакала, не пускала меня, и тогда я побежала.

Я спросил:

— Куда ты побежала?

Анита ответила:

— Не знаю. Хотела к тебе и споткнулась. Но, скажи, как бы я иначе нашла тебя?

Я долго гладил ее мягкие волосы, пока она не уснула с улыбкой.

* * *

Я включил компьютер, решив написать письма.

Первое письмо я отправил Инге. Попросил ее забронировать для нас три билета к Балтийскому морю. Однажды я был там на медицинской конференции, и мне показалось, что это море очень похоже на спокойный Океан Страсти. Я был уверен, что моих сбережений хватит на дом у моря. Потом и работа найдется.

Следующее письмо я направил Марии. В нем я извинился перед ней, что всегда был плохим мужем и что любил другую женщину. Рассказал, что у меня дочка и мы уезжаем вместе. Не знаю, насколько она поймет.

Еще одно письмо я направил Софи, с пожеланием успеха во всех ее начинаниях.

Потом услышал звук машины и вышел посмотреть, кто приехал.

Это была Нана.

Она сказала прямо на крыльце:

— Я в шоке. Не могу отделаться от этой жуткой икоты. Хик... Все перепробовала, не могу остановиться.

Я посоветовал:

— Думай о хорошем.

Она удивленно посмотрела на меня и ответила:

— Как мне думать о хорошем, когда вокруг ничего хорошего не происходит? Хик...

Я сказал:

— А ты хорошее ищи в себе, а не вокруг.

Она удивилась сильнее:

— Николай, после твоего чудесного исцеления ты начал говорить странные вещи.

Я понял, что она не готова услышать истину, и ответил:

— Неважно. Ну, рассказывай, как дела?

Она сказала:

— Я приехала обсудить с тобой ситуацию с тем неизвестным, которого ты мне оставил. Не хотела говорить об этом по телефону.

— Как он?

Нана рассказала:

— Вскоре после твоего отбытия бродяга проснулся и заговорил на чистом французском. Мы стояли и смотрели на него с открытыми ртами, ничего не понимали, а он болтает и улыбается. Хик... Слава Богу, одна из красавиц знает немного по-французски. Она сказала, что он требует тетрадь и карандаш. Мы ему принесли, и он начал писать. Конечно, по-французски. Писал он долго, и выдал нам два письма. Одно было адресовано тебе, а второе послу Франции. Ну, и к тому письму в посольство он приложил пожелтевшую и потрепанную бумажку, которая была с ним, когда его привезли. Он просил нас передать письма адресатам. В посольство я сразу отправила водителя. Не прошло и часа, как откуда приехал атташе с переводчиком и охраной. Он долго говорил с бродягой, и вызвал самого посла. Клиника была парализована. Везде французские охранники с наушниками на спиральной проволоке. Хик...

Я восхитился:

— Ну, Антуан, молодец!

Нана воскликнула:

— Да, да! Именно молодец. Хик... Ты послушай. Потом его выводят под охрану, а мне атташе приказывает через переводчика, мол, вы его не видели, про него не слышали, и его здесь никогда не было. Я говорю: «Как?» А он мне нагло в лицо бросает: «Забудь про этого парня, и все! Это, —

говорит, — национальное достояние Франции». Я думаю: «Чего это он? Какое достояние?» А они быстро ушли, и я лишь отдельные фразы запомнила. Один говорит: «Иль ест импосибле», а другой: «Мсье Экзюпери вивант». Я спрашиваю красавицу: «Что значит это „вивант“? „Да здравствует“, что ли?» А красавица говорит: «Нет, „вивант“ значит, „живой“. «Кто живой?», — спрашиваю... Хик...

Посмеявшись, я спросил:

— А где письмо Антуана ко мне?

Она достала бумажку и протянула мне:

— Вот. Я попросила красавицу перевести, и там перевод есть.

Я сказал:

— Прекрасно, прочту позже.

Нана спросила:

— Что происходит?

Я ответил:

— Все расскажу, только это длинный рассказ, а сейчас ночь.

Нана махнула рукой и уехала, икнув напоследок.

* * *

Письмо Антуана:

Дорогой друг мой Николай!

Пишу тебе с процветающим чувством благодарности за то, что ты сделал для меня. Мы прошли с тобой непростой путь.

Я с любовью вспоминаю нашу аварию в небесах твоего волнующегося подсознания и наше отчаянное положение в пустыне твоих грез, которая потихоньку пожирала нас. Но твое возвышенное преображение изменило небеса. Наш последний полет проходил уже среди спокойных звезд, которые проводили нас на Землю.

Тогда я думал, что преобразился только ты. Сейчас же я понял: изменился и я сам! Божественная сила вернула нас,

чтобы мы могли рассказать людям о многом. Рассказать для того, чтобы Планета Людей стала лучше!

* * *

Утром я получил сообщение от Инги. Она заказала билеты. У нас было несколько дней перед отъездом. Однако я не хотел уехать, не продиктовав мой рассказ хорошему писателю, который согласился бы потом отредактировать и опубликовать его. Тут Ия вспомнила про твою книгу, которую она недавно читала. Ей очень понравилась. Вот я и позвонил тебе в деревню.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Николай замолк, а я понял, что давно тихо плачу. Чувства навалились на меня, сказать я ничего не мог. Да и не знал, что говорить...

Некоторое время Николай молча наблюдал за мной, потом спросил:

— Так ты согласен отредактировать мой рассказ и подготовить книгу?

Я молча кивнул.

— Надеюсь, теперь тебе понятно, как это я нахожусь одновременно там и здесь, — продолжил Николай.

Я опять кивнул.

Тут открылась дверь кабинета, и вошли Анита с Ией.

Девочка подбежала к Николаю и обняла его:

— Папа! Как я рада! Мы скоро полетим на настоящем самолете к морю.

Николай ответил:

— Да! Я тоже очень рад, дорогая!

Ия поздоровалась со мной и сказала:

— Спасибо, что согласились работать над книгой Николая.

Надеюсь, она поможет людям стать лучше.

Анита добавила:

— А у меня есть рисунки! Можете их использовать в книге. Там самолет Антуана, и молния, и пустыня, и дядя Эскулап, и Океан Страсти. Я старалась.

С этими словами девочка положила на стол папку. Я захотел открыть папку, но...

Не смог.

Я боролся со слезами.

Николай сказал:

— Думаю, нам пора. У нас скоро самолет. Попрощаемся с писателем.

Анита послала мне воздушный поцелуй.

Они покинули мой кабинет, и я остался один. Тут я разрыдался. Потом наступило облегчение, и пришло понимание, что рассказ Николая меня уже изменил.

Дай Бог, поможет и другим людям стать лучше.

* * *

Неделю спустя я остановил свою машину на обочине сельской дороги. Стояла прекрасная весенняя погода. Земля была готова к пробуждению от зимы.

Передо мной расстилось огромное поле, и в поле виднелась фигура самозабвенно работающего Тимура. Он меня заметил, только когда я подошел к нему вплотную:

— Ого! Какой сюрприз! Что случилось? Здесь инопланетяне летают чаще, чем ходят горожане вроде тебя. Какой ветер тебя принес?

— Я сам приехал.

— Что случилось? Все ли в порядке?

Я ответил:

— Да, все хорошо! Просто мне захотелось побыть на природе и... помочь тебе.

Тимур удивился:

— В чем?

— Ну, во всем. Вот обработать твоё поле, например. Дай попробовать!

Тимур передал мне мотыгу и сказал:

— Надо придерживать правой рукой, вот так. Поднимаешь, и в землю. Одновременно мотыжишь почву и душу, а при каждом взмахе произносишь: «Боже храни нас!» — пока мотыга не станет твоей молитвой.

Интересно, а у Тимура есть освобожденный Светлячок?

Оглавление

Первая часть. Падение 3

Вступление к первой части (3); 1. Беспокойное пробуждение (7); 2. Вскрытие черепа и высвобождение воспоминаний (12); 3. Тихий зов великих врачей таинственного города Иртифахан (30); 4. Международный опыт продвижения нового энергетического напитка «Кай-Тай-Фун» (36); 5. Ревность и страсть под музыку «Сексиста» (45); 6. Полет сквозь божественные океаны (54); 7. Одинокое танго вокруг собственного тела (63); 8. Спасение эдемской лозы (73); 9. Предотвращая несчастье без рук (84); 10. Радуга завета (98); Послесловие к первой части (113).

Вторая часть 118

Вступление ко второй части (118); 1. Пустой аэропорт (120); 2. Ночной полет (127); 3. Тяжелый путь по горячим пескам (138); 4. Черная магия на удачу (143); 5. Начало новой финансовой эры (152); 6. Ворота великого города Иртифахана (166); 7. Эскулап — великий бог врачевания (173); 8. Бабушка Тоци, настойка и внук Иштлительтон (179); 9. Великий Наставник Лазуритного Храма (186); 10. Как создать деньги из ничего с государственной поддержкой (197); 11. Легкий способ быть здоровым (208); 12. Отчаянный прыжок в неизведанное (218); Послесловие ко второй части (234).

Третья часть 236

Короткое вступление к третьей части (236); 1. Спасение у берегов Аюрведы (236); 2. Николай Чудотворец (243); 3. Пещера подсознательных помыслов (250); 4. Темный ход к своей душе (259); 5. Рассвет (266); 6. Возвращение (272); Послесловие (286).